

А.М. Чепасова

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В двух томах

Том II

**Фразеология в контексте
современных лингвистических
исследований**

Челябинск

2016

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»

А.М. Чепасова

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
В двух томах

Том II

Фразеология в контексте
современных лингвистических
исследований

Челябинск
2016

УДК 4Р-3
ББК 81.411.2-3
Ч-44

Чепасова, А.М. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Фразеология в контексте современных лингвистических исследований [Текст] / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2016. – 211 с.

ISBN 978-5-906777-98-0

Статьи, помещенные в настоящем томе, представляют собой результат анализа большого количества единиц «новой отрасли языкознания» (В.В. Виноградов). В статьях первого раздела говорится, что единицы этой новой отрасли – фразеологизмы – обладают особыми структурными, семантическими, грамматическими свойствами, по-особому ведет себя в литературной книжной и разговорной речи. В статьях второго раздела обосновывается положение о правомерности выделения в лингвистике новой дисциплины – фразеографии. В статьях третьего раздела изложены мысли об особенностях преподавания русского языка в средней и высшей школе в связи с изучением фразеологии и развитием языкознания вообще.

Рецензенты: И.Г. Казачук, д-р филол. наук, доцент
Г.А. Шиганова, д-р филол. наук, профессор

ISBN 978-5-906777-98-0

© А.М. Чепасова, 2016
© Издательство Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2016

АНТОНИНА МИХАЙЛОВНА ЧЕПАСОВА

СОДЕРЖАНИЕ

Научное направление деятельности челябинских фразеологов кафедры русского языка ЧГПУ.....	6
Челябинская фразеологическая лаборатория.....	9
О приемах отбора и методе анализа фразеологических единиц.....	13
Виктор Владимирович Виноградов.....	18
Идеи Виноградова – путеводная нить наших исследований.....	23
Несколько слов о Р.Н. Попове.....	31
Количественные и качественные изменения фразеологизмов	33
Слово и фразеологизм в системе парадигматических и синтагматических отношений.....	35
Импликация и ее следствия во фразеологии.....	41
Динамичность фразеологизмов русского языка	52
Динамичность пушкинской стиховой речи.....	55
Образность фразеологизма.....	72
Синонимия фразеологизмов.....	74
Количественное номинативное значение, выражаемое фразеологизмами разных семантико-грамматических классов.....	91
Функциональные свойства фразеологизмов с компонентами дух, душа, сердце.....	106
Значение и роль предлогов в падежных формах предметных фразеологизмов.....	117
Падежная форма – источник фразеобразования.....	124
Фразеография – зеркало фразеологии.....	129
Теоретические составляющие фразеографии.....	140
Теоретические и практические проблемы фразеографии.....	146
Соотношение научного и образовательного аспектов во фразеологии.....	165
Языковая ситуация в России: пути и способы воспитания любви к русскому языку.....	169

Углубление содержания понятия «глагол» в вузе.....	172
Формирование понятия «изъявительное наклонение» в курсе современного русского языка в вузе.....	173
Понятие о динамических и диалектических процессах в языке.....	176
Лингвистический анализ текста стихотворения «Зимний вечер» А.С. Пушкина.....	177
Фразеологизм как минимальный элемент интертекста.....	181
Пословицы – заветная лира русского человека.....	190
Свойства, функции пословиц, их место в филологии.....	193
Модально-интонационная характеристика пословиц.....	197
Фразеологический состав русского языка как система семантико-грамматических классов.....	200
Рецензия на книгу С.Г. Шулежковой «И жизнь, и слезы, и любовь...» Собрание крылатых слов и выражений русского языка.....	201
Рецензия на книгу В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка».....	204
Рецензия на Фразеологический словарь старославянского языка: св. 500 ед.	208

Вестник Челябинского государственного педагогического университета: Научный журнал. Серия 3. Филология. – Челябинск: ЧГПУ, 2005. – № 3. – С. 144–163. В соавторстве с Г.А. Шигановой.

НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛЯБИНСКИХ ФРАЗЕОЛОГОВ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА ЧГПУ

Кратко изложены итоги работы проблемной фразеологической лаборатории Челябинского педагогического университета на очередном этапе исследований семантико-грамматической природы русских фразеологизмов – основного направления в научной деятельности челябинских фразеологов.

Семантико-грамматическая природа русских фразеологизмов – основное направление в научной деятельности фразеологической лаборатории челябинских фразеологов.

Названное направление, избранное в начале 60-х годов, оказалось настолько перспективным, что и по настоящее время, когда членами лаборатории сделано достаточно много по исследованной проблеме, все еще является малоизученным.

Свою работу мы начали с возможно глубокого изучения принципов классификации и квалификации фразеологического материала. Чтобы любое заявление о свойствах фразеологизмов было обоснованным, каждый член лаборатории начал составлять большую картотеку, насчитывающую несколько сот единиц в тысячах употреблений. Картотеки позволили обнаружить закономерности, составляющие специфические особенности фразеологизмов как таких единиц, которые обладают фундаментальными свойствами, качественно отличающими их от слов, с одной стороны, и сближающими их со словом и словосочетанием – с другой.

Осмысление материалов картотек позволило нам определиться в таких проблемах, как природа компонента, изменяемые и неизменяемые фразеологизмы, синтаксические свойства, связи, функции этих единиц, порядок расположения компонентов, синтаксические свойства единиц, построение по модели простого и осложненного предложения и др. Названные темы стали содержанием раздела «Структурно-грамматические свойства фразеологизмов».

Цикл диссертаций посвящен выявлению свойств фразеологизмов, имеющих в качестве фразообразующего один какой-нибудь косвенный падеж (родительный – Т.Е. Помыкалова, дательный – Н.А. Павлова, винительный – А.Д. Соловьева, творительный – Т.Г. Голощапова, предложный – Е.Ф. Габрик).

Несколько диссертаций создано о фразеологизмах с определенным компонентом (НЕ и НИ + имя – Г.Г. Шумилова, процессуальные единицы с компонентами НЕ – А.В. Свиридова, фразеологизмы с компонентом КАК – Л.Д. Игнатъева и др.).

Несколько диссертаций написано по разделу «Фразеологизмы с одной частью речи» – местоимением, числительным, наречием, частицами и т.д.

Перспективным оказалось частное направление «Семантические свойства и отношения фразеологизмов». Эти вопросы, как правило, были отдельными параграфами в диссертациях, статьях и докладах, с которыми выступали члены лаборатории на конференциях, симпозиумах в Челябинске, в десятках городов России и за рубежом.

Перспективность направления выразилась в возможности дальнейшей разработки однажды избранной темы в докторских диссертациях. Так «выросли» докторские диссертации Г.А. Шигановой «Система лексических предлогов», Н.А. Павловой «Омонимия в сфере фразеологии», ею же написан «Словарь фразеологических омонимов», докторские диссертации Л.П. Гашевой, В.А. Лебединской, С.Г. Шулежковой и др.

Члены лаборатории с охотой откликались на приглашения, приходившие и приходящие из других научных центров Союза и России – Москвы, Тулы, Великого Новгорода, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Орла, Самарканда и многих других. Туда челябинские фразеологии являлись дружным «десантом». Мы не только ездили в другие города, но и приглашали к себе на конференции разных рангов, симпозиумы и по результатам этих научных собраний издавали тематические сборники.

Результатами работы лаборатории по названной проблеме мы считаем:

а) 40 защищенных кандидатских диссертаций и 7 (пока) докторских;

б) фразеологические фонды в Челябинске, Кургане, Магнитогорске, Омске;

в) учебные пособия для учащихся школ и студентов филологических специальностей;

г) присуждение членам лаборатории трех грантов – внутривузовского, Российского научного (РНФ) и Президентского. В рамках РНФ мы создали 8 монографий на тему «Семантическая организованность фразеологизмов русского языка».

В настоящее время создаем книги, содержанием которых являются разные разделы лексико-фразеологической грамматики русского языка, написаны книги «Русский глагол», «Существительное», «Местоимения», «Предлоги», «Основы категории залога русских процессуальных единиц».

Здесь кратко изложены результаты работы проблемной фразеологической лаборатории по названному направлению. Полнее об этом сказано в книге «Челябинская фразеологическая школа (Итоги и осмысление пути)». Научно-исторический очерк. – Челябинск, 2002. – 302 с.

Направление не исчерпано, мы в пути.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Три десятилетия при кафедре русского языка нашего института работает Проблемная фразеологическая лаборатория, разрабатывающая вопросы семантической и грамматической природы фразеологизмов современного русского языка. Названная проблема относится к числу сложнейших, актуальнейших, фундаментальных. От решения этой проблемы зависит решение целого ряда других проблем. Выбрана была названная проблема потому, что, несмотря на ряд появившихся в 50-х и начале 60-х годов работ, последняя оставалась вне поля зрения фразеологов. Подтверждение правильности нашего выбора направления мы скоро нашли в работе В.В. Виноградова: «Меньше всего подвергалась глубокому анализу и лингвистической дифференциации синтаксическая и вообще грамматическая структура фразеологических единиц в их типизированном и индивидуальном употреблении» [1; 10].

Мы понимали, что для исследования грамматической природы фразеологизмов, представляющих собой большие семантические разряды, необходимы большие, в несколько десятков тысяч употреблений, картотеки. И каждый член лаборатории приступил к составлению индивидуальной картотеки. На базе личной картотеки научный работник или аспирант выявлял(-ет) семантические и грамматические свойства фразеологизмов, сопоставляя найденное с аналогичными свойствами отдельных слов, их объединений, целых классов.

Уже первые работы, главным образом кандидатские диссертации, показали, что фразеологизмы, качественно отличаясь от слов по строению в семантическом и грамматическом отношениях, не тождественны словам, а лишь соотносительны с последними. В последующих исследованиях открывались все новые и новые свойства фразеологизмов, накапливались знания, которые постепенно выстраивались и теперь продолжают выстраиваться в систему знаний о новом типе единиц. Мы надеемся на то, что наши исследования приведут «к созданию полной и разносторонней системы фразеологии языка с ее подсистемами и типологически-

ми разновидностями» [1; 15]. Занимаясь грамматикой фразеологизмов, мы не только выявляем их грамматические свойства, но, что не менее важно, уточняем, дополняем, а то и открываем новые законы в грамматике национального языка. Так, в работах челябинских фразеологов были сформулированы новые концепции грамматических категорий рода существительных и залога глаголов, дополнены новыми положениями знания о категориях числа и падежа существительных, о наклонении, лице глаголов, об управлении процессуальных единиц и др.

Избранное научное направление признано актуальным, а наши исследования достоверными в таких крупнейших научных центрах, как Совет по лексикологии и лексикографии РАН, лингвистические кафедры Ленинградского университета, кафедры русского языка Орловского, Ленинградского педагогических университетов и другие.

Исследуемая проблема зарегистрирована во Всесоюзном научно-техническом информационном центре, имеет свой номер.

Проблемная лаборатория представляет собой организованное объединение, которое составляют аспиранты и преподаватели кафедр русского языка Челябинского пединститута и других вузов города, а также одноименных кафедр Кургана, Магнитогорска, Тобольска, Омска, Шадринска, Астрахани и других городов.

До 1993 года коллектив работал по жесткому плану, на заседания лаборатории съезжались два раза в год – в октябре и марте. Работа каждого съезда продолжалась два-три дня.

На заседаниях обсуждались: а) темы, части кандидатских диссертаций и целые работы, которые готовились к защите; б) темы, планы, части докторских диссертаций; в) статьи, доклады, сообщения членов коллектива. Слушали отчеты о прошедших конференциях. Самое главное – члены лаборатории много, охотно и активно учились и учатся.

В проблемной лаборатории разработан и во многом реализован план издания научных трудов. Через редакционно-издательский совет нашего института было опубликовано около двух десятков межвузовских тематических сборников, в которых считали за честь публиковать свои работы ученые-фразеологи СССР. Челябинские фразеологи печатали свои труды в дочернем отделении проблемной лаборатории – на кафедре русского языка Курганского пединститута, которой много лет заведовала В.А. Лебединская.

Проблемной группой созданы два коллективных труда: **Свод фразеологизмов русского языка** на 11000 единиц, депонирован в ИНИОН;

«Материалы для словаря славянских фразеологических соответствий» на 15 000 единиц, в 5 томах.

Разрабатываемое проблемной лабораторией направление прямо связано с преподаванием профилирующего на филологических факультетах курса современного русского языка. Названная связь реализована: 1) в специальной авторской программе по современному русскому языку, составленной руководителем лаборатории. Программа уникальна в том отношении, что все разделы курса, за исключением фонетики и графики, рассматриваются на лексическом и фразеологическом материале одновременно, иначе говоря, в программе сформулированы идеи единой лексико-фразеологической грамматики русского языка. По названной программе работают преподаватели челябинской и других кафедр русского языка; 2) созданы и продолжают создаваться научно-учебные и методические пособия, используемые во всех видах учебной деятельности студентов; 3) в курсовых и дипломных работах студенты самостоятельно исследуют разные фразеологические проблемы на материале собственных картотек. Челябинские фразеологи, начиная с аспирантов и кончая руководителем лаборатории, активно участвовали в конференциях, симпозиумах, съездах, которые проводились за пределами Челябинска.

Меня, как руководителя, и В.А. Лебединскую, как соруководителя, неоднократно включали в качестве докладчиков в программы международных симпозиумов, школ-семинаров, конференций, проводимых АН СССР и РАН, Институтом русского языка.

В 1993 году в Челябинске была проведена межвузовская конференция, организаторами которой были наш и Курганский институты. На эту конференцию по теме «Диалектические процессы во фразеологии» откликнулись личным участием или через посредство публикаций 98 человек из городов Советского Союза. Опубликованные материалы конференции проф. Р.Н. Попов назвал «Катехизисом по фразеологии».

Однако нельзя думать, что с резким изменением социальных условий коллектив проблемной лаборатории стал меньше работать или прекратил свое существование как научное сообщество. Работа продолжается, хотя некоторые изменения произошли в формах деятельности.

В настоящее время мы работаем над созданием фразеологического фонда русского языка, составляемого на базе личных картотек; разрабатываем принципы расположения материала.

В полном составе Челябинская фразеологическая лаборатория участвует в семинарах и конференциях по формированию научных по-

нятий в учебном процессе в школе и вузе, ежегодно проходящих в Челябинском педагогическом институте, организуемых проф. А.В. Усовой, действительным членом РАО.

Начиналась проблемная лаборатория студенческим научным кружком в конце 50-х годов. Кружковцы работали с энтузиазмом. Мы составили картотеку фразеологизмов произведений и писем А.П. Чехова; написали на основе картотеки фразеологизмов, отобранных из художественных произведений, изучаемых в средней школе, Школьный фразеологический словарь, который, однако, не прошел на закрытом конкурсе.

«Езда в незнаемое» так захватила кружковцев, что одни стали заниматься фразеологией в школе, в тех классах, где они вели занятия по русскому языку, другие потом постепенно поступали в аспирантуру. Такой путь прошли В.А. Лебединская, В.П. Хмелева, Л.П. Гашева, А.А. Кононова и др.

С 1964 года работает аспирантура по фразеологии русского языка, через которую подготовлено 22 кандидата филологических наук. Выпускники нашей аспирантуры работают в разных городах России.

В кружке или при написании курсовой, дипломной работы, семинарского доклада или в аспирантуре у студентов возникало сильное желание заниматься фразеологией, которое потом перерастало в любовь к родному языку. Аспиранты, став кандидатами наук, не переставали заниматься избранной темой, развивали ее, увеличивали во много раз свои картотеки или составляли новые, писали статьи, пособия, читали соответствующую литературу, ездили на конференции и потом приходили к выводу, что надо писать докторскую диссертацию. Так аспиранты первого поколения уже являются докторантами, заканчивающими свои квалификационные работы. Имею в виду доцентов В.А. Лебединскую, Н.А. Павлову, бывшую Сенину, Л.П. Гашеву. Аспиранты более поздних поколений активно работают над избранными темами докторских; я имею в виду Е.Е. Иванову, Е.А. Григорьеву, Г.А. Шиганову, бывшую Марину. Даже только что защитившиеся аспиранты полны желания писать следующую квалификационную работу и активно движутся к высокой заветной цели. Имею в виду И.Г. Казачук.

Подводя итоги этому краткому рассказу-отчету о работе проблемной фразеологической лаборатории, заключим: исследование семантико-грамматической природы фразеологизмов современного русского языка является центральным научным направлением на кафедре русского языка Челябинского государственного педагогического института.

Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц // Материалы межвузовского симпозиума. – Тульский государственный педагогический институт им. Л.Н.Толстого. – Тула, 1968. – С. 333–339.

О ПРИЕМАХ ОТБОРА И МЕТОДЕ АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

1. Приемы отбора фразеологических единиц тесно связаны с задачами их анализа.

А. **Дифференцированный отбор** фразеологических единиц [333] из речевых текстов используется в том случае, если надо определить: 1) фразеологический состав языка в целом, или 2) фразеологический состав произведений одного автора, или 3) фразеологический состав одного текста. При этом не берутся во внимание различные грамматические формы этой фразеологической единицы и ее повторные употребления. Например, фразеологизм «дух захватывает» выписывается или учитывается только один раз, сколько бы раз и в какой форме он ни употреблялся в данном тексте еще.

Важен такой прием, как начальный этап при составлении словника или перечня фразеологических единиц для фразеологического словаря, а также при определении фразообразовательных возможностей части речи, семантической группы или отдельного слова. Например, фразеологические единицы с глаголами, существительными, прилагательными, наречиями; фразеологические единицы с компонентом нос¹, рука², с глаголом faire³. Есть работы, в которых собраны и определенным образом истолкованы фразеологические единицы, представляющие собой сравнение⁴.

Б. **Сплошной отбор** фразеологических единиц предполагает, во-первых, **учет всяких** фразеологических единиц и моделей данного языка: структуры без закрепления лексических компонентов, таких как Им. + Тв. без предлога (*дура душой, дружба дружбой*), инфинитив + личная форма

¹ В «Словаре русского языка» АН СССР в четырех томах приводятся 33 единицы с этим существительным.

² Во «Фразеологическом словаре русского языка» (М., 1967, под ред. А.И. Молоткова) приводятся 30 единиц со словом рука.

³ «Французско-русский фразеологический словарь» (М., 1963, под ред. Я.И. Рецкера) приводит более 2000 единиц с этим глаголом.

⁴ А. Назарян. Образные сравнения французского языка. М., 1965.

того же глагола (*знать не знаю, зйти зашел*), синтаксические схемы сложных предложений (*что касается..., то...*) и фразеологические единицы с закрепленным лексическим составом (*сплошь и рядом, до белого каления, не дай бог, рука об руку, вместе с тем, больше того, как в воду канул, и след простыл* и др. подобные). Во-вторых, учитываются **все случаи употребления** фразеологической единицы в речи (в произведениях одного автора и т.д.). В-третьих, сплошной отбор материала позволяет выявить все формы, имеющиеся у фразеологической единицы (например, *сложить голову, сложивший голову, сложу голову, сложит голову, сложи голову; точка зрения, точки зрения, к точке зрения* [334], *о точке зрения, на точке зрения, на точку зрения, при ...точке зрения, с точки зрения*). В-четвертых, при таком отборе фразеологического материала снимаются ограничения в выборе источников: одинаково важными и нужными по содержащемуся фразеологическому материалу являются и разнообразнейшие произведения письменного литературного языка (не только художественные произведения!) и устного разговорного, включая диалектную речь.

Этот прием отбора материала помогает определить количественную представленность в языке фразеологических единиц, разных по структуре – сочетаний слов (*через голову, между делом, под силу, за плечами* и т.д.), словосочетаний (*в конечном счете, повестка дня, во главу угла, проходить красной нитью*) и предложений – устойчивых фраз (*хоть глаз выколи, и след простыл, руки коротки* и т.д.).

Если материал отбирался из произведений одного автора или одного временного периода, то на основе анализа имеющихся фразеологических единиц можно решить целый ряд вопросов о стилистической роли их (фразеологических единиц) в произведениях этого автора или в языке данного периода. Но самое главное, что дает сплошной отбор материала, – это возможность обнаруживать и анализировать языковые свойства фразеологической единицы, развитие ее значения и формы, связь и отношения между фразеологическими единицами, имеющимися или имевшимися в русском языке.

Фразеолог, располагающий большим фактическим материалом, будет, наконец, говорить о тех языковых чертах фразеологических единиц, которыми они действительно обладают, а не о тех, которые, из-за недостатка материала, он часто конструирует сам, используя при этом языковые свойства отдельных слов как единиц языка⁵.

⁵ А.М. Бабкин. Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.–Л., 1964. С. 42.

При изучении языковых, системных свойств фразеологических единиц в настоящее время все чаще используются оба приема отбора материала в различных их комбинациях.

II. Мысль о том, что фразеологические единицы очень сложное, противоречивое явление языка, постоянно подчеркивается советскими фразеологами. Для полного [335], всестороннего исследования природы фразеологических единиц необходимо одновременно применять не один, а несколько методов их анализа. Выбор метода(-ов) определяется предметом исследования⁶, целями его изучения. Не уменьшая значения иных способов исследования (контекстологического и др.), мы хотим остановиться здесь на характеристике сопоставительного метода⁷ анализа фразеологических единиц. Наиболее целесообразно его применение, на наш взгляд, при изучении грамматических свойств фразеологических единиц⁸ языка или одного временного периода.

Фразеологическая единица как объект наблюдения⁹ сопоставляется со словом в свободном сочетании по характеру проявления в них какого-либо грамматического свойства, признака. Например, тавтологизмы *из угла в угол, изо дня в день, плечом к плечу* состоят из компонентов *угол, день, плечо*. Взятые в «переменных» (Амосова) сочетания эти слова обладают способностью изменять форму числа, сохраняя при этом семантическое тождество: «углы», «5 углов»; «дни», «100 дней»; «плечи», «много плечей». Превратившись в составе фразеологических единиц в существительные-компоненты, они утрачивают способность изменяться по числам. Так, уже нельзя сказать «из углов в углы», «из дней в дни», «плечами к плечам»¹⁰ Сопоставление грамматического свойства этих двух рядов языковых единиц дает возможность сделать вывод о том, что категория числа присуща отдель-

⁶ Л.Р. Зиндер. О новом в языковедении. ВЯ, 1966, № 3, с. 60.

⁷ Н.Н. Амосова пишет об этом: «Сравнение, сопоставление есть необходимый этап при дифференциации изучаемого предмета от других предметов одного с ним порядка. Поэтому необходимым трамплином для проникновения в сущность фразеологических единиц служит ознакомление с семантическими процессами, происходящими в словах, входящих в переменные сочетания. Без этого приблизительность и известный субъективизм в определении и характеристике фразеологических единиц не могут быть преодолены» (ВЯ, 1966, № 3, с. 69).

⁸ О возможностях сопоставительного изучения фразеологизмов родственных языков см. статью Л.И. Ройзензона и Ю.Ю. Авалиани (в сб.: «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей школе и средней школе», Вологда, 1965).

⁹ Н.Н. Амосова. Указ. соч., с. 69.

¹⁰ См.: А.М. Чепасова. Категория числа существительных-компонентов тавтологических сочетаний. В сб.: «Вопросы современного русского литературного языка», вып. II, Челябинск, 1967.

ным существительным и не характерна для тавтологических [336] сочетаний, состоящих из компонентов, омонимичных этим словам¹¹.

Падеж считается такой формой существительного, которая выражает «его отношение к другим словам в речи»¹². Изменение существительного по падежам не разрушает его семантического единства, тождества¹³. Это очень существенно. Существительные типа *время, доска, очередь, нож, мера, голос* могут иметь (и имеют) все падежные формы и остаются тождественными самим себе. В составе же таких фразеологических сочетаний, как *в свое время* (= «когда-то, давно»), *до гробовой доски* (= «до смерти»), *в первую очередь* (= «прежде всего, сначала, сперва»), *нож острый* («неприятно, мучительно»), *по крайней мере* («хотя бы, во всяком случае»), *не своим голосом* («исступленно, неистово») ¹⁴, существительные-компоненты могут иметь только одну форму – соответственно – В., Р., В., Им., Д., Тв. падежей. Изменение формы падежа компонента-существительного влечет за собой разрушение семантического тождества фразеологического сочетания, превращение его в свободное сочетание: ср. «к своему времени»? «с гробовой доской»? «за первой очередью»? «ножа острого»? «от крайней меры»? «не от своего голоса»?.

Этот небольшой эксперимент, в котором сопоставлялось функционирование грамматической категории отдельного слова и фразеологического сочетания с тем же по звучанию словом-компонентом, говорит о многом. Во-первых, о том, что значение слова в свободном сочетании и значение слова-компонента фразеологической единицы – разные. Во-вторых, о том, что одна и та же частная грамматическая категория – падеж – функционирует в них по-разному: если у абсолютного большинства русских существительных, имеющих полный набор падежных форм, семантическое тождество не разрушается с изменением падежных форм, то у существительных-компонентов фразеологических сочетаний изменение [337] падежной формы ведет к разрушению семантического тождества всего сочетания в целом. Отсюда можно сделать вывод о том, что

¹¹ Ср. также гора – горы, но только не за горами; нос – носы, но только на носу, под носом и другие подобные.

¹² В.В. Виноградов. Русский язык. М.-Л., 1947, с. 167, а также: А.А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Учпедгиз, 1941, с. 460.

¹³ См.: А.И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове. В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр.13; Д.Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, с. 38 и сл.

¹⁴ «Фразеологический словарь русского языка», под ред. А.И. Молоткова. М., 1967.

категория падежа, как таковая, не характерна для фразеологических сочетаний некоторых типов, имеющих в своем составе существительные¹⁵.

Сопоставительный метод с успехом может быть применен при изучении морфологических свойств глаголов¹⁶, местоимений, прилагательных, наречий – компонентов фразеологических единиц.

Особенно ярко обнаруживается языковая специфика фразеологических единиц при сопоставительном изучении их синтаксических свойств. Так, существительное *угол* («место, где пересекаются две внешние или две внутренние стороны, линии предмета») может быть связано с прилагательным, местоимением, числительным, с глаголами, называющими положение, состояние, начало или конец какого-либо действия («сырой угол», «этот угол», «четвертый угол», «начинается у угла», «стоял в углу», «лежала в углу»), может сочетаться в качестве главного или подчиненного слова с другими существительными («вершина угла», «измерение угла», «угол дома» и подоб.).

Фразеологическая единица *из угла в угол* может быть связана со словами одной семантической группы «перемещение в пространстве». Это в основном глаголы движения и производные от них отглагольные существительные: *ходить, бегать, мыкаться, слоняться, метаться; похаживание, хождение, шаганье* и т.д. Сопоставление сочетательных возможностей слова *угол* и фразеологической единицы *из угла в угол* заставляет сделать вывод о том, что внешние синтаксические связи слова и фразеологической единицы совершенно разные.

Применение сопоставительного метода для выявления языковых свойств фразеологических единиц, на наш взгляд, оправдано потому, во-первых, что языковые свойства классов слов русского языка относительно полно изучены, о тех же свойствах фразеологических единиц мы знаем гораздо меньше, и потому, во-вторых, что, применяя сопоставительный метод, можно установить, как проявляется частная [338] грамматическая категория, присущая классу слов, во фразеологической единице, генетически состоящей из этих слов, что объединяет и что различает эти две языковые единицы.

¹⁵ Подробнее об этом мы говорим в работе «Категории падежа существительных-компонентов фразеологических сочетаний одной модели» (в печати).

¹⁶ См. работы В.А. Лебединской в сб. «Вопросы современного русского литературного языка», вып. II, Челябинск, 1967.

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ ВИНОГРАДОВ

12 января 1995 года исполнилось 100 лет со дня рождения Виктора Владимировича Виноградова, крупнейшего русского ученого языковеда, признанного авторитета в вопросах теории литературы, текстологии и истории русской литературы XVIII–XX вв.

Научный мир, особенно филологи, в самом широком значении этого слова, отмечают этот юбилей на международных, национальных, региональных конференциях, симпозиумах и других научных собраниях.

Филологическое наследие академика В.В. Виноградова так велико, так сложно, так многосторонне, так актуально, содержит в себе такое количество определенно сформулированных или обозначенных задач, начатых путей, выявленных тенденций, что ныне творящим и многим «будущим поколениям филологов не придется страдать от недостатка проблем, которые следует решать. Можно уверенно заявить, что не только языкознание XX века развивалось в лоне идей, высказанных и решавшихся В.В. Виноградовым, но и языкознание XXI века будет плодотворно развиваться под мощным влиянием его трудов.

В этой небольшой статье я не ставлю задачи сколько-нибудь полно характеризовать многогранную деятельность В.В. Виноградова, постараюсь коснуться здесь нескольких моментов, одни из которых мне не удастся до сих пор осмыслить, другие – помогли и помогают мне в исследовательской и преподавательской деятельности.

1. В 1918 г. В.В. Виноградов закончил одновременно Историко-филологический и Археологический институты. В 1919 г. была им написана магистерская диссертация «Исследования в области фонетики северо-русского наречия. Очерки из истории звука «ять» в северо-русском наречии». И с тех пор до 1969 года, то есть за полвека он написал без малого 10 000 (!) стр. Причем, в названное число вошли не все работы, а только капитальные труды, которые В.В. Виноградов создавал в фантастически короткие сроки. Судите сами. **1934 г.** – Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв., 288 стр. **1935 г.** – Язык Пушкина.

Пушкин и история русского литературного языка, 461 стр. 1938 г. – Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Выпуск 2, 591 стр. **Тогда же.** Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. Изд. 2, 488 стр. 1941 г. – Стиль Пушкина. 620 стр. 1945 г. – Великий русский язык. 172 стр. 1946 г. – Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. 125 стр. 1947 г. – Русский язык (Грамматическое учение о слове). 784 стр. 1958 г. – Из истории изучения русского синтаксиса. 400 стр. 1959 г. – О языке художественной литературы. 653 стр. 1961 г. – Проблема авторства и теория стилей. 615 стр. 1963 г. – Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. 254 стр. **Тогда же** – Сюжет и стиль, 192 стр. 1967 г. – Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития, 134 с. Это еще не все. В те же годы были созданы разнообразнейшие работы, которые составили пять томов Избранных трудов, опубликованных с 1975 по 80-е годы: Исследования по русской грамматике, 559 стр.; Поэтика русской литературы, 512 стр.; Лексикология и Лексикография, 312 стр.; История русского литературного языка. 320 стр.; О языке художественной прозы, 360 стр.

И наконец, в 1994 году Российской академией наук Отделением литературы и языка Научным советом «Русский язык: история и современное состояние» Институтом русского языка подготовлена к печати и опубликована издательством «Толк» книга История слов (около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных), 1138 стр.

Эту уникальную книгу В.В. Виноградов готовил всю жизнь, собирая сведения о словах и выражениях, предполагая сделать из отдельных статей, заметок этюдов, выписок книгу по исторической лексикологии. Но завершить этот труд не успел. Поэтому чувство глубокой и горячей благодарности вызывают Н.М. Малышева, жена В.В. Виноградова, и коллектив ученых – Е.С. Копорская, В.В. Лопатин, М.В. Ляпон, И.С. Улуханов, Л.Л. Агафонова, В.А. Плотникова, Е.П. Ходакова под руководством Н.Ю. Шведовой, совершивших научный, нравственный, личный подвиг, выпустив в свет еще одну книгу В.В. Виноградова.

Выше я назвала далеко не все работы, нет здесь названий статей, докладов, тезисов, нет редакторских работ. По свидетельству Н.Ю. Шведовой (1), перу В.В. Виноградова принадлежат более 300 (!) работ. Написанных! А сколько тысяч страниц прочитано?! Их нельзя сосчитать.

Кроме научной, В.В. Виноградов занимался преподавательской, общественной работой, он заведовал кафедрой русского языка в Ленинградском и Московском университетах, возглавлял филологический факультет, был директором Института русского языка АН СССР.

Когда я смотрю на написанное В.В. Виноградовым, я **не могу понять, когда же он успевал** все это делать, как был организован его рабочий день, сколько часов он длился, что за фантастическая работоспособность и космическая результативность! Мне кажется, по трудоспособности и результативности труда его можно сравнить с удивительным нашим великим русским художником, археологом, писателем, путешественником Н. К. Рерихом, который написал более 5000 картин, исследовал Тибет, Монголию, Китай, Индию, написал книги планетарного значения. Оба этих великих человека горячо, беззаветно любили свою Родину и великий русский язык.

2. Для лингвистов среднего и, особенно, младшего поколения большое значение имеет осмысление **особенностей научного метода** В.В. Виноградова. Помочь осмыслить специфику научного метода молодым должны лингвисты старшего поколения, его соратники, коллеги, товарищи по работе, делать и сделать это так, как в свое время сделал В.В. Виноградов, охарактеризовав научные методы своих учителей – Фортунатова, Шахматова, Соболевского, с одной стороны, и Бодуэна де Куртене, Потевни, Щербы – с другой. Н.С. Пospelов в статье, посвященной 60-летию со дня рождения В.В. Виноградова [2], называет ряд черт, характеризующих научный метод юбиляра. Во-первых, являясь прямым продолжателем Шахматова и Щербы, Виноградов **сочетает в своей научной работе внимание к общим проблемам языкознания с постоянным учетом фактов языка** («не покидает твердой почвы фактов языка [2]»). Говоря языком современных гносеологов, научная деятельность ученого носит предметный характер [3]. В.В. Виноградов «поражает **широтой охвата конкретного языкового материала в стройной системе исчерпывающей классификации**» [2]. Для него характерен **неукротимый дух смелых поисков новых точек зрения, новых методов, новых объектов лингвистического изучения**. При постановке проблемы В.В. Виноградов стремится **учесть все ее внешние стороны и опосредования**; при решении проблемы он всегда **погружен в сложность ее внутренней структуры**. Н.С. Пospelов отмечает такую черту научного метода В.В. Виноградова, как глубокая **ориентировка в самых сложных вопросах, способность видеть при максимальном охвате всех сторон исследуемой проблемы ту ее сторону, изучение которой приводит к решению проблемы в целом**. И наконец, для метода В.В. Виноградова характерно полное отсутствие попыток механически **упростить вопрос приемами внешней схематизации**; в его работах всегда **ощущается внутренняя перспекти-**

ва. Подводя итоги своим научным исканиям, он обычно **намечает пути** дальнейших исследований.

Характерной чертой научного метода В.В. Виноградова мы считаем наряду с предметным характером деятельности **диалектичность** рассмотрения языкового факта, категории, процесса и т.д., при которой последние изучаются со стороны их различных изменений под действием внутриязыковых и экстраязыковых причин, со стороны их соотношения с категориями общего и частного, со стороны отношений данных фактов, категорий, процессов с другими фактами, категориями, процессами.

Отличительной чертой не столько научного метода В.В. Виноградова, сколько стиля его работ является прямо и часто выражаемая сложнейшая гамма субъективного отношения к обсуждаемой проблеме. Отсюда обилие лексем и фразеологизмов, обозначающих разную степень уверенности/неуверенности в истинности высказываний, сведений, гипотез и т.д. Особенно отчетливо проявилась эта черта в книге «История слов [1]. Например, статье Двuruшник, Двuruшничество, Двuruшничать – **вероятнее всего, не подлежит сомнению, во всяком случае** [с. 30–131], в статье Зарваться **не подлежит сомнению** [с. 197], Облапошить – **на самом деле, есть основания предполагать** [с. 387], Обуть – **очевидно, а может быть, в самом деле, по его мнению** [с. 393], Отчитывать – отчитывать – **нам кажется обычным** [с. 426], ПЛЮС – **пожалуй** (2 раза) [с. 473], Скиталец, скитаться – **правда, во всяком случае** (2 раза), **по-видимому, есть основания думать** [с. 638] Влияние, влиять, инфлюенция – **само собой разумеется** [с. 863], Мироздание – **вероятно** (2 раза), **возможно** [с. 931].

3. Труды В.В. Виноградова, его творческий метод оказали огромное влияние на уровень преподавания русского языка в средней и высшей школе, на студентов, аспирантов, научных работников в Советском Союзе и за его рубежами. Статьи и монографии В.В. Виноградова печатались и теперь печатаются во многих издательствах: Учпедгиз, теперь Просвещение, Госполитиздат, Издательство художественной литературы, Издательство Московского государственного университета, Academia, АН СССР, Наука, Высшая школа, Толк. Благодаря его трудам в грамматике, семасиологии, лексикологии и лексикографии, стилистике, фразеологии и других областях филологической науки не только сохранился, но и продолжает развиваться классический принцип научной деятельности – от факта к теории, сформировалось, можно сказать, Виноградовское

направление. Ощутимые результаты, с которыми пришло к концу XX века русское языкознание, получены в том числе и благодаря следованию принципам, разработанным В.В. Виноградовым.

4. Мое открытие В.В. Виноградова состоялось в 1953 году, когда мне, только что окончившей аспирантуру, предложили прочитать спецкурс по современному русскому языку. Я назвала тему «Грамматические категории глагола» и, положив перед собой книгу В.В. Виноградова «Русский язык (грамматическое учение о слове)» 1947 года, написала курс лекций и читала его два года. Лекции по современному русскому литературному языку создавались под сильнейшим влиянием названной выше книги и Грамматики русского языка 1953–54 гг., написанной при участии и под редакцией В.В. Виноградова.

В.В. Виноградов научил меня, тогда еще молодого кандидата наук, относиться с величайшим уважением, трепетом и любовью к языку, понимать, что во многих своих частях он еще не изучен; научил любые теоретические заключения, обобщения выводить из наблюдений над языковыми фактами, проанализированными с нескольких сторон, с учетом их постоянного развития, изменения. Такому же отношению к языку я учу своих студентов, аспирантов, которые, как и я, не приемлют умозрительного иллюстративного языкознания. Позже, когда я, как научный руководитель аспирантов, избрала изучение семантических и грамматических свойств фразеологизмов современного русского языка в качестве основного направления научной деятельности проблемной лаборатории по фразеологии. В.В. Виноградов в своей работе «О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка» (4), опубликованной при жизни, как будто специально оставил завещание, которое мы реализуем вот уже три десятка лет. Так что Виноградов жив, Виноградов продолжается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поспелов, Н.С. Виктор Владимирович Виноградов: сборник статей по языкознанию / Н.С. Поспелов. – М.: Изд-во МГУ, 1958.
2. Виноградов, В.В. История слов / В.В. Виноградов. – М.: Толк, 1994.
3. Арсеньев, А.С. Переход от старой теории к новой как превращение понятия: Диалектика – теория познания. Анализ развивающегося понятия / А.С. Арсеньев. – М.: Наука, 1967. – С. 221.
4. Виноградов, В.В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка / В.В. Виноградов // Мысли о современном русском языке. – М.: Просвещение, 1969.

ИДЕИ ВИНОГРАДОВА – ПУТЕВОДНАЯ НИТЬ НАШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Идеи В.В. Виноградова плодотворны не только для отдельных ученых, разрабатывающих лично или коллективно какие-то проблемы, но и для всей русской (и не только русской) лингвистики XX, XXI и следующих веков во многих, если не во всех отраслях языкознания.

В настоящей статье попытаюсь, хотя бы кратко, показать, в каких разделах языкознания, концепциях частей речи и морфологических категорий идеи В.В. Виноградова оказались путеводной нитью для меня и коллектива моей лаборатории.

1. В 1969 году вышла в свет последняя прижизненная работа Виноградова «О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка» [3]. В ней большое место отводилось проблемам начинающей тогда активно развиваться фразеологии. Аспирантура на нашей кафедре делала первые, можно сказать, робкие шаги. Аспирантами были В.А. Лебединская, А.П. Окунева, В.Н. Хмелева. И хотя темы их были в русле программы Виноградова, мы с ликованием читали и перечитывали страницы этой работы. Чрезвычайно ценными для нас были такие мысли: «...следует сочетать изучение структурно-типологических единств фразеологических оборотов с определением их морфолого-синтаксического строя, а также способов, приемов их синтаксического функционирования, границ их речевого применения в разных словесных контекстах. Тут есть и общность, и единство, и противоречия» [там же, с. 4]. И дальше: «Очевидно, что комплексное или синтаксическое исследование типов фразеологизмов, опирающееся на теорию соотношения и взаимодействие разных уровней в структуре языка, может привести к созданию полной и разносторонней системы фразеологии языка с ее подсистемами и типологическими разновидностями [там же, с. 15].

Программные идеи Виноградова, решение которых, как он предполагал, может привести к созданию новой полной фразеологии русского языка, мы воплощали и воплощаем в своих работах. Анализ широчайшего круга вопросов, осуществляемый на большом фактическом материале (каждый член лаборатории располагает несколькими сотнями, а то и тысячами «своих» единиц в десятках тысяч употреблений) приводит к новым выводам, которые невозможно получить при анализе лексического мате-

риала. Эти выводы, в свою очередь, были и теперь оказываются составляющими знаний, положений, законов новой полной фразеологии. Мы публиковали статьи в своих и «чужих» сборниках, организовали и участвовали в конференциях, защищали кандидатские и докторские диссертации (к настоящему времени защищены 37 кандидатских и 6 докторских диссертаций). Подвели промежуточные итоги сделанного в монографии «Челябинская фразеологическая школа (Итоги и осмысление пути)» [14]. Названия разделов книги говорят о широте и глубине решаемых на массовом материале вопросов. Вот разделы этой книги:

- I. Структурно-грамматические свойства фразеологизмов.
- II. Типологически однородные фразеологизмы с фразообразующим именем в форме одного падежа.
- III. Единицы с определенным компонентом.
- IV. Единицы с компонентом одной части речи или с одним субкатегориальным значением.
- V. Семантические свойства и отношения фразеологизмов.
- VI. Фразообразование. Динамические процессы во фразеологии.
- VII. Научно-практическая деятельность проблемной лаборатории.

В 1974 году я опубликовала семантико-грамматическую классификацию [12], охватывающую все фразеологизмы русского языка. В ее основу положен принцип учета наличия одного самого общего категориального значения, распространяющегося на большой класс единиц. При создании классификации самой трудной оказалась квалификация фразеологизмов модели сочетаний слов типа **под носом** – ‘близко, рядом’, **с порога** – ‘сразу’, **с головой** – ‘умный, сообразительный’, **без головы** – ‘глупый, несообразительный’, **от Бога** – ‘настоящий, высокого качества’. Что это – «обычные предложно-падежные сочетания, наречия, самые обычные слова, лишь раздельно написанные? [см. мнение Н.М. Шанского. 17, с. 38; 78, с. 180]. Такие сочетания есть у каждого косвенного падежа и составляют в языке едва ли не самый многочисленный отряд. Анализ их значения, сочетаемости, функционирования, их семантических отношений убедили нас в том, что это фразеологизмы». Помощь и поддержку я и мои коллеги получили от В.В. Виноградова, который еще в 1947 (!) году писал о различиях форм «в гостях – в гостях» [2, с. 286].

Классификация оказалась надежным инструментом в работе с разнообразными фразеологизмами. (В настоящее время находится в издательстве ЧГПУ второе издание «Классов...»). В первые годы наступившего

века мы приступили к созданию крупных работ, в которых обобщаются результаты личных исследований членами проблемной лаборатории каких-либо свойств фразеологизмов, и в 2002 году опубликовали коллективную работу «Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов» на 263 страницах [10]. В трех разделах монографии характеризуются свойства, к изучению которых призывал Виноградов: синтаксическая организация фразеологизмов современного русского литературного языка с подробной характеристикой общих и частных моделей; 8 типов варьирования, которым подвергаются единицы всех 9 классов и морфологические свойства фразеологизмов трех изменяемых классов – предметных, процессуальных и части призначных.

В 2003, 2004, 2005 годах в результате победы в конкурсе РГНФ мы начали публиковать серию книг «Семантическая организованность фразеологического состава русского языка». Пока вышли из печати 6 из 8 (4; 5; 6; 9; 15; 19).

В 2005–2006 г. мы должны опубликовать 6 книг серии «Семантические и грамматические категории русских фразеологизмов».

Рекомендации В.В. Виноградова так грандиозны, что, сделав немало, мы должны сказать, что только движемся к созданию полной и разносторонней системы фразеологии.

2. Моей научно-педагогической деятельности всегда помогает Виноградовский принцип проникновения в сущность любой семантико-грамматической проблемы, особенно «старой». Принцип, основывающийся на глубоком знании конкретного материала современного русского языка и глубоком анализе имеющегося научного наследия. Причем, анализируя труды предшественников или современников, Виноградов отмечает действительный, с его точки зрения, взгляд ученого(-ых) в исследуемую проблему, но и отмечает противоречия в трактовке данного вопроса, наличие лакун, непроверенных сведений и таким образом указывает на необходимость дальнейшего исследования вопроса или устранения противоречий в его (вопроса) понимании. Этот принцип, конечно, результативный, но кажется недостижимым для начинающего и не только начинающего исследователя. В таких случаях требуется направляющая роль научного руководителя.

Приведу лишь один пример положительного, вдумчивого отношения к Виноградовскому принципу исследования языкового материала. Бывшей аспирантке Г.А. Мариной, члену фразеологической лаборатории, я предложила заняться фразеологическими предложениями, которые

оставались у нас и во фразеологии вообще разносторонне не изученными. Такое положение касалось не только фразеологических предлогов, о природе которых было мало, что известно, но и лексических предлогов. Виноградов об этом писал: «Русская грамматика последних лет мало занималась изучением употребления и функций предлогов. Правда, в толковых словарях русского языка коллекционируются группы значений отдельных предлогов. Но все это лишь материал для грамматического исследования, требующий пересмотра. Грамматические отношения, обозначаемые предлогами, их семантическая сущность разъяснены недостаточно.

В этом направлении современная русская грамматика не очень далеко ушла от того (заключительного по своему времени) анализа, которому подверглись предлоги в работах А.Х. Востокова, К.С. Аксакова и Н.П. Некрасова [2, с. 537]. Приняв высказывания Виноградова как упрек и обвинение себе лично, Г.А. Марина взялась в первую очередь за составление картотеки с фразеологическими предлогами из текстов художественной, публицистической и научно-популярной литературы, из устной литературной и народной разговорной речи.

В своей кандидатской диссертации [19] она описала 330 единиц в 10 000 употреблений с трех сторон: структурные свойства, значение и грамматическая роль релятивных фразеологизмов. Защита была в 1992 году. Г.А. Шиганова продолжала исследовать фразеологические предлоги наряду с лексическими и в 2001 году защитила докторскую диссертацию на 621 страницу уже по более широкой теме «Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке». Предлоги описываются со структурной и семантической сторон. Под таким же названием в 2001 году вышла ее монография на 454 с.

При поддержке гранта РГНФ в 2003 году Г.А. Шиганова издает монографию «Релятивные фразеологизмы русского языка» [21], в которой анализируются 453 фразеологические единицы. Во всех работах Шигановой имеются в высшей степени информативные приложения.

Профессор Г.А. Шиганова не остановилась на сделанном: предлогами занимается большая группа ее аспирантов.

3. Русская как и другие национальные грамматики содержит в силу своей устойчивости ряд положений, законов, функционирующих в течение многих столетий, а иногда и тысячелетий. А так как сознание говорящих на том или ином языке и степень изученности их языка, уровень развития не только языкознания, но и других наук неуклонно изменяет-

ся, развивается, то определенные грамматические положения, законы при их осмыслении лингвистами, начинают осознаваться как противоречащие природе одного или нескольких языков. Но сила традиции, аксиоматичность грамматических формул так велики, что «пробиться к свету» другому пониманию трудно, а то и невозможно.

Преподавая много лет морфологию современного русского языка, я обнаружила, что категория рода существительных характеризуется противоречиво. В грамматической теории считается, что грамматическая категория – это значение, систематизированно выраженное в формообразовании [22, с. 24], что форма категории характеризуется большой устойчивостью, национальным характером, что каждая категория представляет собой совокупность противопоставленных форм и существует до тех пор, пока сохраняется их противопоставленность. Грамматическая форма представляет собой элемент, сторону грамматического значения. В единстве двух сторон категории главенство принадлежит значению, а подчиненность форме. Единство и борьба двух сторон категории проявляются в ее функционировании, единство невозможно при отсутствии какой-либо одной из сторон категории [13, с. 188]. Противоречивость характеристики рода заключается в том, что формально он полная категория, имеет три формы, а что касается значения, то в этой части категории утверждается нечто нелогичное: существительные, обозначающие неодушевленные предметы или одушевленные, но не лица имеют род как пустую, бессодержательную категорию, как проявление «чистой языковой техники». Причиной такой ситуации в понимании категории рода является традиция называть формы рода так, как назвал их древнегреческий философ Протагор (V в. до н.э.), занимавшийся и грамматикой своего языка.

Если же обратиться к фактам языка и современности вообще, то обнаружится, во-первых, что термины «мужской» и «женский» пол – термины биологии, а не лингвистики, во-вторых, различия по полу касаются лишь одной группы слов внутри категории одушевленности, следовательно, неправомерно распространять значения мужского, женского пола на все существительные русского языка. В существующей концепции категория рода имеет формальное устройство, но не имеет грамматического значения.

Большое вдохновляющее влияние оказала на меня позиция Виноградова, который, оставаясь сторонником существующей концепции рода, находил в ней и анализировал факты, отрицающие эту концепцию.

Достаточно красноречивой является его квалификация рода: «Категория рода имен существительных, представляя собой во многих отношениях палеонтологическое отложение отживших языковых идеологий, однако не является в современном русском языке только техническим шаблоном оформления существительных [2, с. 57–58]. Исследование большого лексического и фразеологического материала, изучение литературы и опора на данные философии позволили мне сформулировать новую концепцию категории рода [13; 10].

Категория залога в XIX, XX и наступившем XXI веке остается такой, о которой лингвисты прошлого и современные высказывали и высказывают самые нелестные отзывы потому, что не обнаруживается основы этой категории, используя которую (основу), можно было бы раскрыть все стороны. Особенно это касается глаголов русского и других славянских языков. В.В. Виноградов в 1938 году писал: «Будучи “калькой”, точным морфологическим слепком греческого слова, этот термин издавна не удовлетворял русских грамматистов, даже тех, кто признавал категорию залога живым и существенным элементом грамматической системы русского глагола. В понятие залога вкладывалось и вкладывается крайне разнообразное и противоречивое содержание. Учение о залогах до сих пор содержит много неясностей [1, с. 469–470]. Эти же мысли В.В. Виноградов повторил в монографии 1947 г. [2, с. 476–477]. Крупный известный морфолог А.И. Моисеев в 1958 году жаловался: «Учение о залогах считается едва ли не самым трудным и темным пунктом в грамматическом учении о слове. Не случайно в школьную программу в настоящее время не включается даже элементарное изложение данного вопроса в его специальном терминологическом обозначении. Трудно излагать его в университете. Причина этого состоит главным образом в том, что совершенно отсутствует единый теоретический взгляд на залог» [7, с. 209–210]. В книге «Русский язык» теоретический взгляд на залог [8] А.И. Моисеев сформулировал серьезные претензии к теории залога: «При определении общего значения залог оказывается самой трудной грамматической категорией, так как пока точно не установлено, какие имеются залоговые явления языка относятся к залоговым или составляют залог» [там же, с. 208]. Я не могла приступить к описанию этой категории лет 35–40, до последнего десятилетия XX века. И только помня упреки Виноградова как наказ следующим за старшим поколением исследователям: «Дифференциация глаголов объективных и субъективных (выделено автором) – зерно, из которого вырастает категория залога» [2, с. 485], я после

анализа большого лексического и фразеологического материала, после изучения литературы по лингвистике, в частности, по лексике, семантической структуре глагольного слова, по грамматике и, особенно, по психологии, я смогла выявить основные препятствия, мешавшие выявить сущность залога, и сформулировать сначала в краткой форме [11], а потом в более полной форме основные свойства категории залога русских процессуальных единиц.

Очень жаль, что границы работы не позволяют мне назвать здесь основные положения моего понимания категории залога, но я приглашаю желающих почитать мою книгу «Основы категории залога русских процессуальных единиц» [16].

Заканчивая статью, скажу как лингвист, проработавший более 50 лет: книги Виктора Владимировича Виноградова, выдающегося ученого и педагога, адресованы не только и не столько кабинетным ученым, сколько студентам, аспирантам, начинающим и уже зрелым исследователям, и полны советов, рекомендаций, которые, помогут открыть новое в родном языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, В.В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Учпедгиз, 1938. – Вып. II. – 591 с.
2. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – Изд. 2. – М.: Высш. школа, 1972. – 614 с.
3. Виноградов, В.В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка. Мысли о современном русском языке / В.В. Виноградов. – М.: Просвещение, 1969. – С. 5–24.
4. Казачук, И.Г. Процессуальные фразеологизмы русского языка (категория бытия и отношения) / И.Г. Казачук. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. – 310 с.
5. Куныгина, О.В. Класс фразеологических частиц в современном русском языке / О.В. Куныгина. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2003. – 156 с.
6. Мительская, Ж.З. Семантическая организованность фразеологизмов модального класса / Ж.З. Мительская. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. – 153 с.
7. Моисеев, А.И. О категории залога в русском языке (к постановке вопроса). Исследования по грамматике русского языка. Уч. зап. ЛГУ / А.И. Моисеев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – № 235. Серия филол. наук. – Вып. 38. – С. 209–222.
8. Моисеев, А.И. Русский язык. Фонетика. Морфология. Орфография / А.И. Моисеев. 2-е изд. – М.: Просвещение, 1980. – 254 с.

9. Соловьева, А.Д. Качественно-обстоятельственные фразеологизмы русского языка / А.Д. Соловьева. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2005. – 459 с.
10. Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов. Коллективная монография. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2002. – 260 с.
11. Чепасова, А.М. Новый взгляд на категорию залога как результат развития грамматики в XX веке и перспективы развития ее в XXI веке // Лингвистика на исходе XX века: истоки и перспективы: тез. междунар. конф.: в 2 т. / А.М. Чепасова. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – С. 547–549.
12. Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов / А.М. Чепасова. – Челябинск: ЧГПИ, 1974. – 100 с.
13. Чепасова, А.М. Семантические и грамматические свойства именных фразеологизмов: дис. ... д-ра филол. наук / А.М. Чепасова. – Челябинск, 1984. – 423 с.
14. Челябинская фразеологическая школа (Итоги и осмысление пути): Научно-историческим очерк. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2002. – 302 с.
15. Чепасова, А.М. Предметные фразеологизмы русского языка / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2003. – 267 с.
16. Чепасова, А.М. Основы категории залога русских процессуальных единиц / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. – 146 с.
17. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – 2 изд. – М.: Высш. Школа, 1969. – 231 с.
18. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – 2 изд. – М.: Просвещение, 1972. – 327 с.
19. Шиганова, Г.А. Релятивные фразеологизмы в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Г.А. Шиганова. – Челябинск, 1992. – 235 с.
20. Шиганова, Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке / Г.А. Шиганова. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2001. – 454 с.
21. Шиганова, Г.А. Релятивные фразеологизмы русского языка / Г.А. Шиганова. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2003. – 306 с.
22. Ярцева, В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка. Исследования по общей теории грамматики / В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1968. – С. 5–57.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О Р.Н. ПОПОВЕ

Писать о Ростиславе Николаевиче трудно, потому что во многих областях деятельности он был большим Человеком.

Я хочу сначала сказать о нем как об организаторе больших научных собраний. Впервые я увидела его в 1965 году на конференции в Череповце, куда он собрал ученых, тогда еще очень многих молодых, со всего Союза! Приехали с Дальнего Востока, Средней Азии, с Урала, ну и, конечно, из центральной России, из двух наших столиц. Было организовано много секций, выступавшие говорили горячо, увлеченно, хотя теперь, в XXI веке, кажется, что во многих наших выступлениях информации о свойствах фразеологизмов, о фразеологии как науке было мало. Фразеология тогда еще только начиналась, но Ростислав Николаевич с коллегами по кафедре сделал очень много: мы почувствовали себя сотрудниками одного огромного коллектива, взявшегося за разработку «новой отрасли языкознания». Завязалось очень много знакомств, уезжать с конференции не хотелось и на заключительной встрече, за ужином, Ростислав Николаевич выразил общее настроение, напомнив слова Экзюпери: «Высшее счастье – это счастье человеческого общения».

Многочисленные конференции, заседания Школы-Семинара организовал и блестяще проводил Ростислав Николаевич в Орле. Эти конференции были информативны, на заседаниях секций и Круглых столах обсуждались теперь большие, сложные проблемы, ученые рассказывали о результатах своих исследований, о монографиях, словарях.

Ростислав Николаевич был большим, серьезным, мужественным ученым. Последний эпитет употребила не для красного словца. Его исследования по исторической фразеологии, появившиеся в 60–70-х гг. у меня, например, вызвали удивление и восхищение: тогда фразеология еще только вставала на ноги, у немногих были картотеки, составленные из современных источников, а у Ростислава Николаевича выходили монографии, в которых анализировались архаизмы, используемые в современном русском литературном языке.

Большую помощь аспирантам оказывает до сих пор его монография «Методы исследования фразеологического состава» (1967).

Организаторские способности и энциклопедичность знаний Ростислава Николаевича ярко проявились в период создания и функционирования специализированного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций.

Ростислав Николаевич пригласил работать в совете больших авторитетных в области русского языка ученых, создал коллектив ученых из разных городов Союза и России, которые рецензировали диссертации аспирантов и соискателей. Как председатель совета Ростислав Николаевич создал доброжелательную обстановку в совете. В Орел с волнением, но без страха ехали аспиранты. Думаю, и теперь в совете сохранились прекрасные традиции. Пишу об этом, зная доподлинно все этапы прохождения диссертаций к защите. Я как научный руководитель спокойно посылала своих аспирантов в Орел, зная, что если я что-то упустила, в совете у Ростислава Николаевича работы пройдут серьезнейшую экспертизу и потом будут утверждены комиссией ВАКа.

В Орле защитили диссертации очень многие мои аспиранты и, хоть немногие, но и докторанты – В.А. Лебединская, Н.А. Павлова, Г.А. Шиганова.

Все защитившиеся с большой теплотой, благодарностью вспоминают об Орловском совете.

Считаю, что совет по защите диссертаций в Орле заслуживает высокой оценки в ВАКе, так как он (совет) разгрузил своей плодотворной и активной деятельностью столичные советы, уменьшил период прохождения аспирантом и соискателем завершения своей работы.

Еще раз скажу, что благословляю тот день, когда Ростислав Николаевич пригласил моих аспирантов защищаться в его совете.

Ростиславу Николаевичу было в высшей степени присуще и чувство юмора.

Диалектические процессы во фразеологии
// Тезисы докладов межвузовской науч-
ной конференции. – Челябинск, 1993. –
С. 123-124.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Фразеологизм при образовании любым способом оказывается языковой единицей, по природе своей противоречивой – внешне раздельно-оформленной, состоящей из компонентов словного характера, внутренне содержательно цельной, выражающей одно понятие. Эта изначальная противоречивость предопределяет особенности дальнейшего развития всех превращений фразеологизма в языке.

Изменения индивидуального значения, тождественным самому себе при функционировании фразеологизма в речи, сводятся к уменьшению или увеличению степени фразеологичности. Так, индивидуальное значение фразеологизмов, омонимичных нефразеологических субстантивным словосочетаниям (круглый стол, дойная корова), в конкретном тексте уменьшает степень фразеологичности в зависимости от формы падежа, набора предлогов, характера падежного значения, лексико-семантической сочетаемости фразеологизма, при наличии сравнительных союзов, если все эти средства и условия используются и действуют при функционировании форм нефразеологического сочетания.

Индивидуальное значение того же фразеологизма увеличивает степень фразеологичности, если последний имеет некоррелятивную форму числа, падежные значения, набор предлогов, лексико-семантическую сочетаемость, свойственную только данному фразеологизму.

Качественным изменениям подвергается фразеологизм при фразеологическом образовании, например, способом экспликации (делать/сделать + первый шаг; рубить/разрубить+ гордиев узел).

Качественные изменения другого характера происходят с фразеологизмом при образовании на его базе лексем (преждевременный, потусторонний, злободневный). При образовании слова фразеологизм полностью утрачивает одно из фундаментальных свойств – раздельнооформленность, его компоненты превращаются в морфемы, соединяемые приклеиванием друг к другу в той же последовательности, в какой они рас-

полагались во фразеологизме (сейчас, сегодня, умалишенный); последний компонент-морфема может осложняться присоединением суффикса (потусторонний, уместный). Семантика и [123] индивидуальное значение производящего фразеологизма претерпевают в производном слове качественные изменения. Такие же изменения происходят и с грамматическими свойствами фразеологизма.

Количественное развитие фразеологического состава русского языка проходит в двух противоположных направлениях – от фразеологизма к лексеме, образованной на его основе, и от исходного фразеологизма к новому(-ым) фразеологизму(-ам), образованному(-ым) от имеющихся единиц.

Названные направления не одинаковы по продуктивности – продуктивность процессов образования фразеологизмов от фразеологизмов намного превосходит продуктивность процессов образования лексем от фразеологизмов.

Качественное развитие фразеологического состава происходит как за счет появления новых значений у имеющихся фразеологизмов, так и за счет расширения круга явлений, фактов, предметов, признаков и т.п., обозначаемых возникающими фразеологизмами [124].

СЛОВО И ФРАЗЕОЛОГИЗМ В СИСТЕМЕ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ И СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В течение многих десятилетий фразеологизмы изучались автономно со структурной, семантической, грамматической, исторической, стилистической сторон. Длительное их изучение принесло значительные результаты. Однако изучение фразеологизмов в сопоставлении со словом не менее продуктивно. Прежде всего, оно знаменует собой окончательное признание фразеологизма самостоятельной единицей наряду со словом, вместе образующими лексико-фразеологический состав русского языка. Изучение фразеологизмов с грамматической точки зрения позволило уже в большом количестве работ обнаружить, что слово вне текста и слово-компонент фразеологизма – далеко не всегда совпадают в грамматическом отношении. Грамматические отношения двух названных типов единиц в свою очередь определяются семантической структурой и типом категориального значения каждой единицы и целого класса.

Как известно, части речи по морфологическим признакам делятся на изменяемые и неизменяемые. Так же характеризуются и фразеологизмы. К первым относятся существительные, прилагательные и глаголы, ко вторым – собственно предметные, процессуальные и часть призначных единиц. В парадигматические отношения вступают только изменяемые единицы: существительные и предметные фразеологизмы, прилагательные и призначные фразеологизмы, глаголы и процессуальные фразеологизмы. Ниже рассматриваются отношения между существительными и предметными фразеологизмами.

Существительные и предметные фразеологические единицы объединяет наличие у них одноименных грамматических категорий, которые проявляют себя в чем-то как сходные, в чем-то как различные. Категория рода у обоих типов единиц является квалификационной, имеющей значение качества. Род придает каждой единице существующее значение качественного своеобразия, отличающего эту единицу от другой, также обладающей качественным своеобразием. По этой функции рода существительные и предметные фразеологизмы не различаются. Различия существуют в представлении личных имен существительными

и фразеологизмами. В существительных этого разряда значение рода совпадает со значением пола. Во фразеологизмах значение пола сохраняется лишь в тех единицах, грамматически главный элемент которых вне фразеологизма тоже обозначает лицо: *виновник торжества, виновница торжества, возмутитель спокойствия, возмутительница спокойствия*. Подобных единиц среди предметных мало. Гораздо чаще наблюдается такое явление: грамматически главный компонент вне фразеологизма обозначает предмет, а фразеологизм с этим компонентом обозначает лицо – *синий чулок* (*в прошлом имел значение «мужчина, отличающийся от других необычным внешним видом»; в современном языке – «женщина, занимающаяся наукой, необаятельная»*). Другие примеры: *мыльный пузырь, косая сажень, золотые руки*. Наличие названных фактов во фразеологии свидетельствует о том, что деление существительных по родам не связано с полом.

По наличию категории числа два сопоставляемых типа единиц не различаются. Но у существительных эта категория словоизменительная, а у фразеологизмов – фразоизменительная, хотя внешне выражается одним грамматически главным компонентом и принадлежит всему фразеологизму, представляющему собой всегда синтаксическую конструкцию. Не различаются два типа единиц и по структуре этой категории: и в том, и в другом категория числа имеет двухчастную структуру. Конкретные считающиеся существительные имеют категорию числа, проявляющуюся в форме единственного и множественного числа. Другие разряды существительных – вещественные, собирательные и т.д. – особенно отвлеченные, обозначающие не собственно предметы, а опредмеченные действия, признаки, количества, связаны, как правило, с одной формой числа, обслуживаемой семантико-грамматической категорией количества.

Предметные фразеологизмы имеют такое же свойство, но особенность его проявления другая. Фразеологизмы, обозначающие материальные предметы и имеющие в качестве компонентов слова, которые вне фразеологизма сохраняют категорию числа, во фразеологической единице утрачивают это свойство. Например, слова *муха, рота, голова, рука, рубль* в составе фразеологизмов *белые мухи* – «падающий снег», *золотая рота* – «голь, оборванцы», *золотые руки* – «умелец», *правая рука* – «чей-либо союзник, большой помощник», *длинные руки* – «человек, который может приобрести трудно доступное», *длинный рубль* – «большие заработки», *горячие головы* – «люди, способные на необдуманные, рискованные поступки», *отцы города* – «городская администрация» и др. употребляются в русском языке только в од-

ной приведенной форме числа и разрушаются как фразеологическое целое, если изменить у них форму числа, хотя эти и подобные единицы продолжают обозначать материальные предметы.

Вторая особенность фразеологизмов в отношении числа проявляется в том, что слова, обозначающие вне фразеологизма материальный предмет, создают фразеологизм, обозначающий отвлеченное понятие. Например, *дорога – дороги*, но *столбовая дорога – «основное направление в развитии чего-л.»*, *поле зрения – «область изучения чего-л.»*, но нет единицы *поля зрения*; есть *угол зрения – «главное направление в изучении какого-л. вопроса»*, но нет единицы *углы зрения*. Вместе с тем существительные *поле – поля*, *угол – углы* не имеют ограничений вне фразеологизмов в выборе форм числа.

Сравнение фактов функционирования числа в существительных и фразеологизмах позволяет сказать:

- категория числа по проявлениям не тождественна в двух типах единиц;

- из двух форм числа одноформенная семантико-грамматическая категория количества опережает по продуктивности двухформенную категорию числа за счет бурно развивающегося разряда отвлеченных единиц, особенно во фразеологии.

Третьей категорией, оформляющей предметную семантику у сопоставляемых единиц, считается падеж, который является словоизменительным в словах и фразоизменительным в предметных фразеологизмах. Падеж объединяет сопоставляемые единицы основными своими функциями: оформлять предметный тип семантики, разные виды и типы синтаксических отношений в словосочетании и предложении, выражать разные семантические категории в языке. Падеж при функционировании обнаруживает свою зависимость от категории качества и количества, потому что обозначает отношение единицы определенного качества и количества к другим словам и формам в синтаксических конструкциях. По названным выше свойствам падеж существительных и падеж фразеологизмов не различаются.

Существенные различия наблюдаются при функционировании падежа. Принято считать, что падежная парадигма существительного более или менее равномерно распределена между отдельными формами, не имеет лакун в каких-либо падежах. Но это мнение не опирается на точные количественные данные, оно скорее результат частных наблюде-

ний. Падежная парадигма фразеологизма характеризуется другими чертами. В ней закономерны высокочастотные и низкочастотные падежные формы, что объясняется семантическими свойствами единицы – обобщенностью и/или оценочностью значения. У какой-то единицы может быть полная парадигма, но одна или две формы отличаются большей частотой. Например, фразеологизм *точка зрения* имеет в качестве высокочастотных формы Род. п. с предлогом *с*, Вин. и Предл. п. с предлогом *на*. Фразеологизм *удельный вес* употребляется в основном в Им. п. – *удельный вес увеличивается* или *уменьшается*. Фразеологизмы *дамоклов меч* и *угол зрения* имеют высокочастотный Тв. п. с предлогом *под*. Сравнивая падежные формы отдельных существительных *точка*, *вес*, *меч*, *угол* с названными выше падежными формами фразеологизмов, видим, что высокая частота употребления отдельных падежных форм характерна только для последних, потому что существительные обозначают конкретные, считаемые предметы и лишены ярко выраженной коннотации. Падежная парадигма фразеологизма может характеризоваться отсутствием какой-либо формы, хотя отдельное существительное не имеет ограничений в образовании форм. Таким, например, является фразеологизм *угол зрения*, который не имеет формы П. п., хотя отдельное слово *угол* свободно употребляется.

Как видно из краткой сравнительной характеристики существительных и предметных фразеологизмов, эти два типа языковых единиц находятся в очень сложных парадигматических отношениях.

Не менее показательны синтагматические отношения между этими типами единиц. Слова и фразеологизмы соотносятся прежде всего как отдельная, цельнооформленная единица с раздельнооформленной синтаксической конструкцией. Названное различие является фундаментальным, хотя и внешним, с него начинаются многие отношения синтаксического и семантического свойства.

Как известно, каждое существительное **может иметь** при себе определение. **Может**, но **не всегда имеет** и свободно употребляется в речи без него.

Предметный фразеологизм строится в основном по двум синтаксическим моделям: **согласуемый (подчиненный) компонент + существительное-главный компонент**, например, *блудный сын*, *медвежий угол*. Во второй модели **главный и подчиненный компоненты выражены существительными**: *точка опоры*, *конец света*, *место под солнцем*. Существи-

тельное не связано жестко с прилагательным (если оно есть) и сохраняет свое основное значение – *речная, озерная, морская и др. вода*. Компоненты фразеологизма жестко, «намертво» закреплены за той или иной единицей: подчиненный компонент не может быть произвольно заменен без риска разрушить цельное значение (ср. *подводный камень* – «скрытое препятствие», и *желтый камень* – *камень желтый, белый, серый и др. остается камнем* – «всякая твердая горная порода (за исключением металлов) в идее сплошной массы или отдельных кусков» [2, с. 726]). Следовательно, прилагательное в свободном словосочетании и прилагательное-компонент фразеологизма – качественно разные единицы.

Не тождественны существительные и фразеологизмы и по способности образовывать субстантивные словосочетания разные по продуктивности.

Об этой способности существительных известно; что же касается фразеологизмов, то в их синтаксических отношениях с отдельными словами многое зависит от структурной модели предметного фразеологизма. Фразеологизм, построенный по модели **согласуемый компонент + существительное**, как правило, не образует словосочетания, в котором он занимал бы место главного компонента. Прилагательное-компонент как бы не допускает второе прилагательное, делает фразеологизм с компонентом прилагательным семантически недостаточным. Если изредка и употребляется согласуемое слово, то это чаще всего местоимение: *эта, тот, те*.

Фразеологизм, построенный по модели **существительное + существительное**, может образовать словосочетание, в котором фразеологизм занимает место главного компонента. Например, *послеобеденное, отличное, ровное, тяжелое расположение духа; старая, новая, моя, твоя точка зрения*.

По функционированию в предложении слова и фразеологизмы в общем не различаются: те и другие выполняют одинаковую совокупность членов предложения. Различия носят частный характер и объясняются семантическими причинами. Меньшая степень обобщенности и оценочности слова позволяют ему выполнять без ограничений роль таких древнейших членов предложения, как обстоятельства времени и места. Качественные преобразования слов при превращении их в компоненты фразеологизма заставляет последний выполнять объектную функцию вместо обстоятельственной или сложную обстоятельственную. Например, форма

под дамокловым мечом имеет функциональное значение «*в обстановке постоянно угрожающей опасности*» (ср. *под дедовским мечом, под старым мечом*), форма *под углом зрения* имеет функциональное значение способа действия «*как, в каком направлении*» (ср. *под тем углом, под каждым углом*).

Несовпадающие синтаксические функции слов и фразеологизмов материализуются в разной лексико-семантической сочетаемости, а совпадающие синтаксические функции слов и фразеологизмов материализуются в тождественной лексико-семантической сочетаемости. Первого типа синтаксических отношений гораздо больше, чем вторых. Как видно, синтагматические отношения между двумя типами предметных единиц тоже сложные.

Парадигматические и синтагматические отношения слов и предметных фразеологизмов при всем их разнообразии и сложности определяются цельюоформленностью или разделяемооформленностью, типом категориального значения сопоставляемых единиц и единством грамматического строя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 606 с.
2. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

Проблема тождества фразеологических единиц: Межвуз. сборник научных трудов / отв. ред. А.М. Чепасова. – Челябинск, 1990. – С. 46–56.

ИМПЛИКАЦИЯ И ЕЕ СЛЕДСТВИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Два фундаментальных свойства фразеологизмов – раздельнооформленность и цельность значения являлись и являются источниками саморазвития этих единиц, приводящими к разным структурным, грамматическим и содержательным следствиям.

Внешняя сторона фразеологизмов находится в постоянном движении, изменении – компонентный состав может количественно сокращаться или увеличиваться, варьироваться, компоненты могут морфологически изменяться.

Процесс *сокращения*, как и расширения, компонентного состава *протекает медленно*, чаще всего он длится столетиями, поэтому при жизни нескольких поколений, а тем более одного поколения, может и не закончить в какой-то единице своего развития.

Уменьшение количества компонентов во фразеологизме давно интересовало и продолжает интересовать фразеологов. Б.А. Ларин [1] считал этот процесс проявлением исторической эволюции, при которой изменяется внешняя, структурная, сторона фразеологической единицы и ее содержательная сторона – увеличивается отвлеченность значения [1, с. 215], растет идиоматичность [1, с. 220]. А.М. Бабкин называет процесс сокращения компонентного состава фразеологизма редукцией, которая проходит через всю историю фразеологического состава русского языка [2, с. 105] и заключается в устранении некоторых слов – компонентов фразеологизма, в результате чего фразеологическая единица становится компактнее и лаконичнее, что повышает ее сочетательную способность и отвечает ее семантической эволюции (там же).

Р.Н. Попов, обращаясь к этой теме в ряде своих работ, характеризует конечный результат процесса сокращения фразеологизма – различным способом образованные слова [3; 4; 5].

В.М. Мокиенко рассматривает сокращение компонентного состава, имплицитность, широко, как исторический процесс, начинающийся для многих фразеологизмов в глубокой древности и заканчивающийся в со-

временном русском языке образованными или образуемыми отдельными словами. **Имплицитность** Мокиенко противопоставляет **эксплицитности** развертыванию лат. *explicatio*, как процессу, связанному с расширением компонентного состава фразеологизма [6, с. 76–122].

Н.М. Шанский прослеживает прежде всего процесс образования различных по структуре слов как результат «сжатия» фразеологизма или деривации от него слов [7, с. 180–193].

А.А. Потебню, М.М. Михельсона, И.И. Срезневского также интересовала названная выше проблема.

Имеющийся в нашем распоряжении фразеологический материал современного русского языка, отобранный из речевых произведений, созданных за последние 150 лет, позволяет ответить на ряд вопросов, касающихся природы импликации и ее следствий.

Первым, вероятнее всего, нужно считать вопрос о том, какой по порядку следования и по роли во фразеологизме компонент может сокращаться.

По-разному отвечают на этот вопрос фразеологи. Б.А. Ларин считает, что «в долгом речевом обиходе “излюбленные” выражения утрачивают подробности, укорачиваются, сохраняя лишь самые необходимые элементы, часто только начало формулы» [1, с. 220], и приводит полный вариант пословицы из сборника XVII в. – **Хлопот полон рот, а перекусить нечево**, от которой сохранилось только начало – **хлопот полон рот**. Ларин объясняет такой путь эволюции пословиц тем, что в них последняя часть является почти всегда конкретной, связанной с жизнью, бытом, не содержит обобщения или метафоризации.

А.М. Бабкин утверждает, что «расширение диапазона сочетаемости фразеологических единиц приводит к развитию их отвлеченности» [2, с. 45], при этом некоторые из компонентов фразеологизма оказываются лишними и **отпадают**, а сама фразеологическая единица становится компактнее и лаконичнее [2, с. 45]. Так, у фразеологизма **молоко на губах не обсохло** А.М. Бабкин приводит полный, «исходный» вариант – **материно молоко на губах не обсохло**.

В.М. Мокиенко на поставленный выше вопрос отвечает в предположительной форме: «Кажется, что... избыточными становятся те компоненты, которые **менее образны и экспрессивны** [6, с. 95]. Его примеры: сам не свой – **половина дьявола**; не по карману – **дорого**. Затем, несколькими строчками ниже, утверждает, что **имплицироваться могут, по сути**

дела, любые... части сочетания, хотя, «по наблюдениям, чаще всего имплицитируются дополнения» [6, с. 96].

Наш фразеологический материал показывает следующее: имплицитироваться (сокращаться) может **первый компонент: (тому) назад; (хоть) святых выноси; (в) последнее время; (стоять) горой за кого, что; (одним) росчерком пера; (смотреть) сквозь пальцы. Срединный (второй) компонент** может быть сокращен в таких единицах: **на (доброе) здоровье; во (весь, полный) голос; с руками и (с) ногами; по (чистой) совести; от (всей) души. Последний компонент** может быть сокращен в таких единицах: **может (быть), собственно (говоря), на равных (правах, основаниях), по сути (дела), скорее (всего), на кой (черт, дьявол).**

Как видно из приведенных фактов, сокращению (имплицитированию) может подвергаться любой компонент, независимо от его места во фразеологизме.

Важным для понимания природы имплицитирования является вопрос о том, какими частями речи могут быть сокращаемые компоненты. Судя по материалу, ими могут оказаться все части речи.

Выявленные факты не позволяют нам присоединиться к концепции, согласно которой чаще всего сокращаемыми оказываются согласуемые слова.

Сокращаемые компоненты оказываются разными по своей роли во фразеологизме – они могут быть структурно обязательными и факультативными. Так, структурно обязательными, грамматически главными являлись или являются компоненты **правда** во фразеологизмах **подлинная (правда), подноготная (правда), возвращаться** во фразеологизме **(возвращаться) на круги своя; валить** во фразеологизме **(валить) с больной головы на здоровую; держать** во фразеологизме **(держат) камень за пазухой.**

Структурно факультативными могут быть компоненты – местоимения, прилагательные – во фразеологизмах **во (весь, свой, полный) рост, своими (собственными) руками или (своими) собственными руками.**

Сокращаемые компоненты могут быть структурно и семантически факультативными. Например, во фразеологизмах **(тому) назад, (одним) словом, короче (говоря), собственно (говоря).**

Фразеологический материал, если он отобран, как у нас, из произведений, созданных в XIX веке и создаваемых в настоящее время, включая самые последние дни, позволяет исследовать импликацию как многостороннее явление.

В современном русском языке импликация чаще всего проявляется в варьировании, которое мы называем количественным. См. работы челябинских фразеологов А.Д. Соловьевой, Л.Д. Игнатъевой, Т.Е. Помыкаловой, Т.Г. Голощаповой, Н.К. Костиной, Г.А. Мариной, Е.А. Григорьевой. Количественное варьирование наблюдается во многих единицах, его можно квалифицировать как один из активнейших процессов во фразеологии; характерен он в основном для морфологически неизменяемых единиц.

При количественном варьировании одна форма является полным вариантом, а вторая – сокращенным. Полным вариантом, основным для современного состояния языка, мы считаем такой, который содержит большее количество компонентов и тождественное во всех формах (если он морфологически изменяемый) и во всех контекстах индивидуальное фразеологическое значение. Сокращенным вариантом мы считаем такой, который характеризуется отсутствием некоторых компонентов, имеющих в полном варианте, и обязательным тождеством его индивидуального значения такому же значению полного варианта. Например, **на все 100% – на все сто, не жилец на белом свете – не жилец; речь идет (шла, пойдет, зашла и т.п.) о том (чем) – речь о том (чем); на доброе здоровье – на здоровье; во весь рост, в полный рост – в рост; и без того – без того; к слову сказать – к слову.**

Импликация как языковое явление не сводится к количественному варьированию, она гораздо сложнее, хотя сокращение количества компонентов наблюдается не только в приведенных выше примерах, но и в таких как **найти общий язык – общий язык; в (каких-либо) условиях – в условиях чего; в (каком-либо) отношении – в отношении кого, чего; в (каком-либо) деле – в деле чего; привести к общему знаменателю – общий знаменатель; по (чьему-л.) адресу – по адресу кого, чего; подлинная правда – подлинный (-ая, -ое, -ые); подноготная правда – подноготная.**

Все варианты одного и того же фразеологизма сосуществуют в языке в течение длительного времени, все употребляются говорящими как соответствующие нормам русского литературного языка.

Наш материал позволяет ответить на вопрос о том, каковы грамматические условия употребления в речи количественных вариантов.

Рассмотрим несколько фактов. Фразеологизм **тому назад**, употребляющийся с винительным падежом существительного или количественно-именного сочетания с временным значением, которое можно передать

той же падежной формой того же существительного или количественно-именного сочетания с предлогом **за...до** (две весны **тому назад** – ‘за две весны **до**’), встретился в 215 цитатах в полном варианте: ...два года **тому назад**, месяца полтора **тому назад**, полгода **тому назад**.

Полный вариант фразеологизма употребляли А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, А.Н. Толстой, И.А. Ефремов, А.П. Чехов, А.А. Фадеев, И.С. Тургенев и др. Конечно, употребляют его в полной форме в своей речи все пишущие и говорящие в наши дни.

В сокращенном варианте назад этот фразеологизм, тоже в постпозиции к винительному падежу имени или сочетания с временным значением, употреблен в 120 цитатах: двадцать лет **назад**, три года **назад**, два дня **назад**, шесть лет **назад**, около двадцати лет **назад**, лет десять-двенадцать **назад**, три дня **назад**.

Сокращенную форму, как и полную, употребляют те же авторы в тех же произведениях, хотя можно заметить, что, например, из «Войны и мира» у нас есть только одна цитата; чаще употребляют эту форму Чехов, Горький, Шолохов и наши современные писатели и журналисты.

Полный и сокращенный варианты фразеологизма **тому назад** употребляются в тождественных грамматических условиях.

Фразеологизм **скорее всего**, относящийся к модальным и выражающий предположительность с большей или меньшей степенью уверенности, в полной форме зафиксирован в 91 цитате, а сокращенный – **скорей** – в 72.

Фразеологизм **по сути дела**, относящийся тоже к модальным и являющийся средством выражении достоверности сообщаемого, употребляется в полной форме в 35 цитатах, в сокращенной, варьирующейся форме **по сути (существу)** в 38 цитатах.

Качественно-обстоятельственный фразеологизм **на (этих) (сих) днях** в полной форме употреблен в 19 цитатах, а в сокращенной – в 103.

Фразеологизм **на равных правах (основаниях)** дает такую картину употребления: полная форма – в 8 цитатах, сокращенная – в 53.

Имплицирование осуществляется, по крайней мере, двумя путями. При одном из них сокращение компонентного состава не вызывает грамматических преобразований ни самого фразеологизма, ни окружающего контекста (в единицах **тому назад**, **скорее всего**, **по сути дела**). При другом пути, напротив, имплицирование сопровождается грамматическими преобразованиями ближайшего окружения фразеологизма. Так, фразеологизм **в (каком-н.) случае**, содержащий структурно обязательный и се-

мантически варьирующийся согласуемый компонент, может этот последний «просто» утрачивать, сохраняя неизменным свое значение в сокращенном варианте (первый путь имплицирования). Например. Может, и стоит откликаться лишь **в том случае**, когда в голос позовут на помощь? (Комсомольская правда, 15.09.1973). ...Есть и такие, которые «молчат». Ну, да мне все равно, я совершенно покоен на этот счет и знаю, что **в случае** сказать (М.В. Нестеров – А.В. Нестеровой. Письмо от 16.04.1897). А как же вы?.. И дитя, в случае? – Там увидим (А.М. Горький. Мать, т. 7, с. 498).

Но имплицирование может проходить и другим путем: вместо согласуемого компонента, занимавшего интерпозицию, имплицированный фразеологизм, став двухкомпонентным, приобретает новое свойство – развивает способность оформлять родительный падеж имени, при этом вся конструкция, состоящая из фразеологизма **в случае** [9, т. 1, с. 708] и формы отвлеченного существительного, выражает значение условия. Например. **В случае** же **атаки** на центр мы выставляем на этом возвышении центральную батарею (Л.Н. Толстой. Война и мир, т. 1, с. 225). **В случае** **нужды** он (Нильс Бор) мог бы укрыться за броней своего всемирно признанного авторитета (Д. Данин. Нильс Бор. Ж. Наука и жизнь, 1973, № 3, с. 105). Наконец, сокращенный вариант в случае, объединившись с лексическим союзом если, образует новую фразеологическую единицу **в случае если**, соотносительную по значению и функции с союзом [9, т. 1, с. 716]. – **В случае, если** нас всех заберут, ненько, к вам Николай Иванович придет, и он вам скажет, как быть (А.М. Горький. Мать, т. 7, с. 326). – **В случае, если** возникнут затруднения, езжай район (М.А. Шолохов. Поднятая целина, т. 1, с. 10).

Второй путь имплицирования наблюдается и в таких единицах – за **(какой, чей) счет – за счет кого, чего; в (каком-л.) контексте – в контексте чего; в (каких-л.) условиях – в условиях чего; в (каком-л.) отношении – в отношении кого, чего; в каком-л. деле – в деле чего**¹⁷.

Названный путь имплицирования не менее, если не более, продуктивный, чем первый, но он не получил освещения во фразеологической литературе.

Каким бы путем ни осуществлялось имплицирование, оно всегда сопровождается глубокими семантическими изменениями компонентов внутри фразеологизма или изменениями категориального и индивидуального значения всего фразеологизма, влекущими за собой изменения

17 См. такой материал в работе Г.А. Мариной.

окружающего контекста, о чем речь пойдет дальше. Здесь необходимо отметить, что мы не разделяли и не разделяем позиции лингвистов, которые считают имплицирование проявлением принципа экономии в языке, при котором язык якобы освобождается от избыточных элементов. Оба термина – экономия и избыточность – мы считаем произвольно навязанными языку, их употребление в лингвистических трудах некорректным.

Имплицирование и экономия сходны исключительно по внешним проявлениям – по количественному уменьшению имеющихся единиц, что же касается качественной стороны уменьшаемых единиц, то понятие **экономия** не обнаруживает ни одного свойства, которое позволяло бы перенести его в лингвистику, потому что экономят, как известно, **нечто совершенно одинаковое**, при имплицировании же сокращаются **разные** по фонетическому облику, словообразовательной, морфологической, грамматической природе и по лексическому значению слова или **компоненты фразеологизмов**. Качественно различаются экономия и имплицирование по механизму осуществления и по следствиям.

Каковы же следствия имплицирования?

Первым и наиболее частотным следствием оказывается сохранение прежних качеств в сокращенной форме, **тождество семантическое, грамматическое и функциональное полного и сокращенного вариантов**, которые, в свою очередь, обеспечиваются действием процесса, называемым семантическим обогащением (см. Ларин, Мокиенко). Это последнее проявляется в том, что сокращаемый компонент «отдает» свою сему остающимся компонентам фразеологизма и потом уже имплицировуется. Процесс семантического обогащения длится очень долго, столетиями; за этот период происходит постепенное закрепление сокращенного компонентного состава фразеологизма в речи носителей, причем сокращенная форма, будучи тождественной по названным выше признакам полному варианту, от частого употребления в речи носителями языка, постепенно вытесняет полный вариант.

Поэтому импликацию первого пути правомерно квалифицировать как способ проявления тождества двух и более вариантов одного фразеологизма, как тип варьирования, характерный только для фразеологии.

Для практики преподавания в средней и высшей школе важно отметить следующие положения. 1. Если вследствие импликации фразеологизм становится меньше по объему, но сохраняет раздельнооформленность, его семантический, грамматический и функциональный анализ не представляет особых трудностей. Например, фразеологизм **на этих (сих)**

днях – 1) ‘скоро’; 2) ‘недавно’, в полном и сокращенном вариантах сохраняет оба значения, сочетается с глагольными формами настоящего, будущего или прошедшего времени, выполняет функцию обстоятельства времени. Ср. эти два ряда конструкций: **на этих (сих) днях – была освящена, будет разрешен, написана, возвращу, стал получать, уезжаю, посылаю, пришло, умерла, пришло, покидаю, передам, произойдет, будет, напишу, сообщал, выступили** (всего 19 цитат в нашей картотеке); **на днях – спускают, приключилась, ожидается, попадает, встретимся, разбил, начал борьбу, отправлялся, был, читал, сказал, вспоминал, получил, собираетесь, разыгралась, разжился, пошел, состоится, видел, уехал, прошло, будет, забегу, приедет, лечил, заеду, переговорю, слышала** (всего 103 цитаты в нашей картотеке).

2. Если в результате сокращения остается лишь один компонент, то возникают трудности анализа не только в разноязычной, но и в русской аудитории потому, что оставшийся компонент сохраняет семантическое, грамматическое и функциональное тождество с полным вариантом фразеологизма, а по форме похож на отдельное слово, которое, если не знать или не помнить, что это «осколок» фразеологизма, относится к какой-либо знаменательной части речи и обладает совершенно другими семантическими, грамматическими и функциональными свойствами. Так, сокращенная форма фразеологизма **тому назад – назад** сохраняет значение полного варианта, передаваемое синонимичным **за** в конструкции: **за** (5 минут, 2 года) и т.п., **до этого времени..**, сохраняет грамматическое свойство сочетаться с вин. падежом имени или количественно-именного сочетания и является средством выражения вин. падежа словоформы или сочетания с семантикой времени. Внешне же этот компонент омонимичен наречию места (направления), которое должно сочетаться с глаголом и выполнять функцию обстоятельства места в предложении.

Ср. *Назад Левин поехал через ручей, надеясь, что вода сбыла* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина).

*Мышцы спортсменов оказались способными на такие усилия, которые **пятьдесят лет назад** показались бы фантастическими* (Здоровье, 1965, № 11, с. 13).

Преподаватель прежде всего должен соотнести сокращенный вариант с полным, а потом уже анализировать первый вариант.

Следующим следствием имплицитирования оказывается семантическое развитие сокращенного варианта, образование нового значения, что приводит к нарушению тождества, прежде всего семантического,

полного и сокращенного вариантов. Например, у фразеологизма **на (моих, твоих, наших, его) глазах** со значением в 'чем-либо присутствии' в сокращенной форме развиваются новые значения – 'быстро, заметно, явно, при жизни, деятельности кого-либо'. Например, Николаич худел **на глазах** (Вл. Санин. Трудно отпускает Антарктида) – ('заметно'). В тот день мы совершили самый большой переход. Ручей, вбирая в себя родники, рос **на глазах** (Л. Репин. Комсомольская правда, 11.1.1968) – ('быстро'). Временный поселок буквально **на глазах** превратился в современный город (Комсомольская правда, 11.1.1968) – ('при жизни, деятельности кого-либо').

Сокращенный вариант развивает новые грамматические свойства – вместо согласуемого или примыкаемого компонента в сокращенном варианте начинает употребляться управляемая форма имени в родительном падеже с предлогом **у** или без него, сохраняющая определительное значение. Например, **на глазах у зрителя, на глазах у человечества, на глазах у всех, на глазах детей, на глазах читателя, на глазах ... посетителей, у нас на глазах, на глазах у Природы, на глазах у своих земляков-болельщиков, на глазах чужого человека, у него на глазах, у вас на глазах, на глазах у всей деревни, на глазах одного поколения, на глазах девушки, на глазах жен и детей, на глазах у десятков людей.**

Семантическое наполнение формы родительного падежа, как видно из приведенных фактов, гораздо шире такого же наполнения согласуемого или примыкаемого компонента, поэтому все случаи, где родительный падеж не обозначает одно лицо, следует рассматривать, на наш взгляд, как проявления начавшейся утраты семантического и грамматического тождества двух вариантов, как показатели образования нового значения.

По данным нашей картотеки, полный вариант **на (чьих-л.) глазах** начинает уступать сокращенному **на глазах (у) кого-, чего-л., на глазах**, хотя разница в частоте употребления небольшая – соответственно 118 и 141.

Третьим следствием нужно назвать образование новых фразеологизмов с самой высокой степенью абстрактности значения и с совершенно новыми грамматическими свойствами и функциями. Я имею в виду активнейший процесс образования грамматических и модальных фразеологизмов от качественно-обстоятельственных или объектных единиц, сокращающих свой количественный состав. Например, **на (чью-либо) долю** – 'кому' и **на долю** (кого, чего); **под (каким) предлогом** – **под предлогом** (чего), **по (какому) случаю** – **по случаю** (чего), **к (чьему, ка-**

кому) числу – к числу (кого, чего), по (какому) пути – по пути (чего); в (чью) честь – в честь (кого, чего); в (каком) духе – в духе (чего) и т.д.

Активно проявляется и такое следствие, как развитие внутрифразеологических омонимов. Например, от полного варианта фразеологизма **по сути дела** в русском языке развились две омонимические единицы, одна с модальным значением, как и полная форма, вторая – с качественно-обстоятельственным значением, например, говорите **по сути** (существу) – ‘конкретно’.

Наконец, еще одним следствием импликации, пусть не очень частотным, является **образование новых слов, развивающих новые значения**, связанные лишь исторически с элементами значения бывшей полной формы фразеологизма. Например, прилагательное **подлинный** из **подлинная правда** развило целый ряд новых значений – ‘оригинальный’; ‘действительный, самый настоящий, истинный’; ‘точный, без изменений, искажений’; ‘искренний, не показной’ и поэтому чрезвычайно расширившее свою сочетаемость. Например, **субстантивация подлинная**, а не мнимая, **подлинная демократия, подлинное величие, подлинный характер событий, подлинная область применения** теории, **подлинная любовь, подлинная свобода, подлинные** и мнимые **опасности, подлинный друг, подлинный героизм, подлинная сенсация, подлинный народный талант**. В свою очередь, от прилагательного **подлинный** образовано в русском языке омонимичное существительное, имеющее отвлеченное значение ‘свойство подлинного’: ... отличать мелкое, наносное **от подлинного**.

В заключение выскажем несколько положений, касающихся природы импликации.

Импликация имеет одно направление в своем движении – от большего количества компонентов к меньшему; пределом сокращения является отдельное слово. В этом направлении имплицирования отчетливо проявляется тенденция к снятию основного противоречия фразеологизма – раздельность оформления и цельность значения.

Импликация, осуществляемая первым путем, свидетельствует в основном материале о структурном развитии фразеологизма, не нарушающем семантического тождества одной единицы, и в меньшей части материала – о нарушении семантического тождества и о развитии новых значений у сокращенного варианта.

Импликация, осуществляемая вторым путем, напротив, представляет собой в каждый отдельный период существования языка продуктивный способ внутрифразеологического образования новых единиц.

Сокращение компонентного состава характерно прежде всего для морфологически неизменяемых единиц. Первое место по наличию количественно варьирующихся компонентов занимают единицы качественно-обстоятельственного и модального классов. Морфологически неизменяемые единицы превосходят по названному признаку в десятки раз морфологически изменяемые. Причина такого явления кроется в грамматической природе единиц двух разрядов: морфологическая изменяемость, обеспечивая функционально-грамматическое разнообразие одной и той же единицы в речи, сдерживает количественное варьирование, способствует устойчивости количественного состава фразеологизма. Морфологическая неизменяемость, прямо связанная с ограничением функционально-грамматического разнообразия до однообразия, напротив, способствует структурному развитию единицы в сторону уменьшения ее компонентного состава.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии: О систематизации и методах исследования фразеологических материалов / Б.А. Ларин // Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. – Л., 1956. – С. 200–224; Ученые зап. ЛГУ, № 198. Сер. филол. наук. – Вып. 24.
2. Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. – Л.: Наука, 1970. – 263 с.
3. Попов, Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов / Р.Н. Попов. – М.: Высш. шк., 1976. – 200 с.
4. Попов, Р.Н. Словообразование на почве фразеологических единиц / Р.Н. Попов // Рус. яз. в нац. школе. – 1973. – № 5. – С. 2–8.
5. Попов, Р.Н. Взаимодействие в языке лексической и фразеологической систем / Р.Н. Попов // Рус. яз. в школе. – 1973. – № 4. – С. 66–72.
6. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. – М.: Высш. шк., 1969. – 208 с.
7. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Высш. шк., 1969. – 231 с.
8. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Наука, 1950. – 1965. – 17 т.
9. Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 1–2.

ДИНАМИЧНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

В конце XX века естественна мысль о подведении некоторых итогов более чем полувекового изучения фразеологизмов и некоторых итогов создания новой отрасли языкознания. За время, прошедшее с 1946 года, многое прояснилось – определена основная единица науки, выявлены существенные семантические и грамматические свойства и признаки фразеологизма, систематизирован корпус фразеологизмов, обнаружены взаимоотношения и связи между фразеологией, с одной стороны, и лексикологией, семасиологией, грамматикой – с другой. Созданы различные типы фразеологических справочников, которые все еще называются «словарями». Однако фразеологам до сих пор нет «ни сна, ни отдыха», потому что начавшееся в языкознании вообще и во фразеологии в частности исследование функционирования фразеологизмов в речи показало, во-первых, что эти единицы – обязательные и нередкие компоненты всякой речи – разговорной устной и книжной литературной и, во-вторых, при своей формальной и семантической устойчивости они динамичны в такой высокой степени, границы которой нам, ученым, трудно себе представить.

В докладе характеризуются проявления динамизма фразеологизмов, которые вкратце перечисляются в тезисах.

1. Формирование нового значения на фоне семантической устойчивости первого или единственного значения (**круглый стол** – ‘обсуждение сложной проблемы, участники которого равноправны’, формируется значение – ‘внешне равноправное положение участников обсуждения при фактической капитуляции одной из сторон’). То же явление во фразеологизме **пятая колонна**.

2. Обновление компонентного состава фразеологизма в речи (вместо **несть числа** – **нет числа**; вместо **днем с огнем** – **днем с прожектором**; вместо **бразды правления** – **бразды управления**; вместо **сотрясение воздухов** – **сотрясение воздуха**, вместо **каинова печать** – **каиново клеймо**).

3. Параллельное существование в языке фразеологизма и слова, образованного на его основе (**пустопорожний** из **переливать из пустого в порожнее**; **потусторонний** из **по ту сторону**; **сиюминутно**, **сиюминут-**

ный из сию минуту; пустословие из пустые слова; шапкозакидательство, шапкозакидательное из закидать шапками; попутно, попутный, попутчик из по пути; криводушие из кривить душой; круглостольный из круглый стол; всамделишный из в самом деле; сумасшедший, сумасшествие, сумасшедшинка из сходить / сойти с ума; нитонисемное из ни то ни се; “пяतिकолонновцы” из пятая колонна; подковерный из под ковром. В названном явлении обращает на себя внимание то, что одни из лексем, например, **кровопролитие**, образовались еще в XII веке, другие – например, “**пяतिकолонновцы**”, **подковерный** – в XX веке; одни из лексем уже стали общеупотребительными, например **низкопробный, подручный, своевременный**, а другие остаются пока неологизмами и неизвестно, войдут ли они в общенародный лексический фонд (ср. **нитонисемность** (Л.Н. Толстой), **ad hoc овость** (Ю.Н. Караулов).

4. Особенно отчетливо динамизм фразеологизмов проявляется в многообразном варьировании. Назову здесь некоторые ряды.

Коротко говоря – короче говоря – короче.

Переваливать с больной головы на здоровую – валить с больной головы на здоровую – свалить с больной головы на здоровую – с больной головы на здоровую – с больной головы...

Сам(а) не свой (своя) – не свой (своя).

Отрезанный ломоть. – Отрезанный.

Нести крест – нести свой крест – нести на своих плечах свой крест.

Держать ухо остро – ...ухо остро.

(2 часа) тому назад – (2 часа) назад..., может быть – может.

Не мытьем так катаньем – мытьем и катаньем – мытьем, катаньем.

Само собой разумеется (разумеющийся) – само собой...

5. Фразеологизмы активно образуются различными способами – по устойчивой модели и путем преобразования синтаксической структуры единицы: **в (каком-нибудь) вкусе – в греческом вкусе – ‘по-гречески’, в европейском вкусе – ‘по-европейски’, в новом вкусе – ‘по-новому’, (каким-нибудь) образом – таким образом, решительным образом, привлекательным образом, в срочном порядке, в пожарном порядке, деньги не пахнут – «непахнущие» деньги, вешать лапшу на уши – лапша на уши, проливать/пролить кровь – пролитие крови, наносить/нанести ущерб – нанесенный ущерб, отводить/отвести глаза – отвод глаз; в силу (чего) – в силу того что, несмотря на (что) – несмотря на то что.**

6. Фразообразование может постепенно преобразоваться в словообразование: принимать/принять решение - принятие решения - решение, принятое..., дистанция огромного размера - значительная дистанция, проливать/пролить кровь - пролитая кровь - кровопролитие.

7. Фразеологизмы, имеющие один общий компонент, могут объединяться в своеобразные однородные ряды: нанесенные раны и обиды, ушам и глазам не верю, сильные и слабые места.

8. Новые фразеологизмы образуются на базе общеупотребительных или специальных словосочетаний - крыша поехала, катить бочку, вешать лапшу на уши, сесть, сидеть на игле, соскочить с (финансовой) иглы.

Как явствует из этого далеко не полного списка реализующихся видоизменений фразеологизмов и способов их образования, главным, определяющим свойством фразеологического состава русского языка является постоянная противопоставленность устойчивости каждой единицы ее динамичности, а не только варьированию, как считал В.Л. Архангельский и считает В.М. Мокиенко.

ДИНАМИЧНОСТЬ ПУШКИНСКОЙ СТИХОВОЙ РЕЧИ

Пушкинская речь очаровывает слушателя, читателя с самого раннего детства. Еще не умея или едва умея читать, ребенок попадает под волшебство его речи, она легко и быстро понимается и запоминается и такой остается на всю жизнь.

Начинается Пушкин для каждого русского человека со сказок, причем не ранних, а написанных уже зрелым Пушкиным.

Составляющих очаровательности речи Пушкина много. Мы остановимся в этой работе лишь на одной – динамичности стиховой речи.

Динамичность в современных толковых словарях определяется как свойство по значению прилагательного *динамичный*, а это последнее толкуется как 'исполненный движениями, подвижный', 'богатый действиями, насыщенный событиями', 'существующий в движении, развитии'. Отсюда следует, что понятие динамичности включает семы 'движение', 'изменение', 'развитие'. Первым слагаемым в динамичности является сема движения как простейшее перемещение в пространстве, как «механическое движение» [6, т. 1, с. 435], так и проявление всех и всяких изменений, процессов, включающих высшее проявление движения – мыслительные процессы. В русском языке формой выражения идеи всякого движения являются глаголы, которые, употребляясь в речи, делают ее динамичной.

I

Пушкинская речь изобилует глаголами в разных их формах, но больше всего в личных.

День прошел, царица вопит...

А дитя волну торопит:

«Ты волна моя, волна!

Ты гульлива и вольна;

Плещешь ты, куда захочешь,

Ты морские камни точишь,

Топишь берег ты земли,

Подымаешь корабли –

Не губи ты нашу душу:

Выплесни ты нас на сушу!»

И послушалась волна...

(Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди, 3, т. 3, с. 315).

Она езжала по работам,

Солила на зиму грибы,

Вела расходы, брила лбы,

Ходила в баню по субботам,

Служанок била осердясь –

Все это мужа не спросясь [3, т. 4, гл. 2, строфа XXXII]

Стоит Истомина; она

Одной ногой касаясь пола,

Другою медленно кружит,

И вдруг прыжок, и вдруг летит,

Летит, как пух от уст Эола;

*То стан *совьет*, то *разовьет**

*И быстрой ножкой ножку *бьет* [3, т. 4, гл. I, строфа XX]*

Дробясь о мрачные скалы,

Шумят и пенятся валы,

И надо мной кричат орлы,

И ропщут бор,

И блещут средь волнистой мглы

Вершины гор.

Отголь сорвался раз обвал,

И с тяжким грохотом упал,

И всю теснину между скал

Загородил,

И Терека могучий вал

Остановил [3, т. 2, Обвал, с. 267].

Для пушкинской речи в высшей степени характерны простые предложения, в которых субъект-подлежащее характеризуется одним глаголом-сказуемым, иногда с зависимым от него именем, создающим точную характеристику действия, движения, события.

Ревет ли зверь в лесу глухом,

Трубит ли рог, гремит ли гром,

Поет ли дева за холмом... [3, т. 2, Эхо, с. 344]

В гранит *оделася* Нева;
Мосты *повисли* над водами;
Темно-зелеными садами
Ее *покрылись* острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва... [3, т. 3, с. 286]

Содержательную сложность какого-либо явления, действия Пушкин передает рядом однородных глаголов-сказуемых. Так создана звуковая картина зимней бури.

Буря *мглою* небо *кроет*,
Вихри снежные *крутя*,
То, как зверь, она *завоет*,
То *заплачет*, как дитя,
То по кровле обветшалай
Вдруг соломой *зашумит*,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко *застучит* [3, т. 2, Зимний вечер, с. 113-114]

Глаголами-членами однородного ряда или сказуемыми в простых предложениях Пушкин изобразил чудесное превращение поэта с трепетным сердцем в пророка с пылающим углем в груди.

Моих зениц *коснулся* он.
Отверзлись вещие зеницы,
Моих ушей *коснулся* он, –
И их *наполнил* шум и звон:
И он к устам моим *приник*,
И *вырвал* грешный мой язык,
И он мне грудь *рассек* мечом,
И сердце трепетное *вынул*,
И уголь, *пылающий* огнем,
Во грудь отверстую *водвинул*.

И наконец в последнем четверостишии звучит «бога глас»:

«*Восстань*, пророк, и *виждь*, и *внемли*,
Исполнись волею моей,
И, *обходя* моря и земли,

Глаголом *жги* сердца людей» [2, т. 2, Пророк, с. 149-150]

Для стиховой речи Пушкина не менее характерны конструкции, в которых одному глаголу подчиняются ряды однородных именных форм.

Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня [3, т. 2, Зимнее утро, с. 258].

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны [3, т. 4, гл. 5, строфа V]

Напомним – названный тип конструкций организует текст, занимающий почти половину Введения к Медному всаднику и начинающийся строками

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный [3, т. 3, с. 286]

Образ быстрой долгой езды создает Пушкин, употребив при глагольной конструкции «Мелькают мимо...» длинный ряд существительных, обозначающих пространство, строения, лица, живые существа, мимо которых несется возок.

Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах [3, т. 4, гл. 7, строфа XXXVIII]

Динамичность речи Пушкин создает, используя, помимо глаголов, отвлеченные существительные со значением действия, движения, поступков, поведения, звучания, речи:

Лай, хохот, пенье, свист, и хлоп,
Людская молвь и конский топ! [3, т. 4, гл. 5, строфа XVII]

крик, шум, звон, спор, мечтанья, толкотня, встреча, чмокание, давка, прыжок, полет, поклоны, разговоры, обвал, рев и т.п., сохраняющие активную динамичность производящих глаголов; крик ← кричать, шум ← шуметь, спор ← спорить, толкотня ← толкаться, прыжок ← прыгать и т.д.

Красноречивые данные в связи с анализируемой темой содержит уникальный замечательный «Словарь языка Пушкина» [4], в котором не только приводятся во всех формах, какие использовал Пушкин, толкуются глагольные лексемы, но и указывается количество их употреблений во всех произведениях, включая стихотворные. Вот некоторые факты: *идти* – 564, *ходить* – 171, *подойти* – 77, *подходить* – 39, *прийти* – 309, *приходить* – 104, *ехать* – 388, *ездить* – 74, *приезжать* – 57, *приехать* – 302, *бежать* – 316, *бегать* – 44, *лететь* – 141, *летать* – 47, *бродить* – 110, *брести* – 8, *нести* – 105, *носить* – 77, *плыть* – 54, *плавать* – 8, *услышать* – 162, *слышать* – 233, *слушать* – 179, *служить* – 135, *следовать* – 161, *думать* – 582, *мыслить* – 65, *подумать* – 153, *говорить* – 1035, *сказать* – 1658, *молвить* – 85, *рассказать* – 101, *рассказывать* – 65, *любить* – 614, *полюбить* – 42, *разлюбить* – 9, *делать* – 322, *сделать* – 315, *давать* – 180, *взять* – 473, *брать* – 97. Назовем примеры употребительности некоторых отглагольных существительных: *дума* – 129, *мысль* – 407, *любовь* – 630, *бег* – 26, *дело* – 810. Наблюдения за данными «Словаря...» убеждают, что динамическая глагольная лексика и отглагольные существительные со значением действия, движения, мыслительной деятельности уступают только связке, глаголу и частице *быть*, *бы*, предлогам, союзам, частицам.

Обилие глагольных лексем, их активная, определяющая роль в построении кратких глагольных конструкций роднят пушкинскую стиховую речь с русской народной разговорной речью, особенно с динамичностью и синтаксической организацией русских пословиц.

В.В. Виноградов, исследуя особенность стихотворной речи Пушкина, пишет: «Короткие, точно и строго организованные отдельные предложения выстраиваются в стройную цепь» [1, с. 277]. И дальше говорит о восприятии этой исключительно пушкинской черты речи другими писателями, его современниками: «Этот принцип синтаксического сжимания обособленных единиц, прием дробления речи на лаконические и в то же время полные мысли и энергии предложения порождал у писателей, воспитавшихся на сложном синтаксисе периодически развернутой и симметрически расположенной ... речи карамзинской школы, впечатление очерковых, отрывистых набросков, представление об эскизной разорванности, лаконической неотделанности незавершенного плана» [там же].

II

Тема о динамичности, как специфической пушкинской черте стиховой речи, была бы неполно раскрыта, если бы мы остановились только на количественной ее характеристике.

До 70-х годов XX века в русистике не было учения о семантической структуре глагольного слова. В монографических трудах, академических грамматиках, не говоря об учебных пособиях, когда речь заходила о том, что обозначают глаголы, было одно утверждение – они обозначают действия или другие процессы как действия, иногда в скобках пояснялось, что понимается под понятием «действие», «процесс» [2, 1954, т. 1, ч. 1, с. 409; 2, 1980, т. 1, с. 482]. Обстановка резко изменилась с 70-х годов. Исследованиями Л.М. Васильева, Р.М. Гайсиной, А.А. Уфимцевой, Э.В. Кузнецовой, Л.Г. Бабенко и большого отряда других ученых к концу XX в., то есть за 30 лет было закрыто громадное белое пятно, а вернее, целое белое поле «семантика глагольного слова». Убедительные результаты получила межвузовская екатеринбургская проблемная группа «Русский глагол», опубликовавшая в 1999 г. «Толковый словарь русских глаголов», включающий 25 000 слов. Что особенно важно, этот словарь одновременно еще идеографический. Названные успехи в изучении семантики глагольного слова явились надежной основой для многих других исследований, где речь идет о роли глаголов. Используя данные названных выше исследований и «Толкового словаря русских глаголов» [5], постараюсь во II части работы рассмотреть понятие динамичности пушкинской речи с качественной стороны.

Наблюдая содержательные свойства глаголов в стиховой речи Пушкина, невольно восхищаешься их семантическому разнообразию, кажется, что семантические категории, субкатегории, группы и подгруппы, выделяемые в современных семантических классификациях, осуществлены на материале пушкинских стихотворных произведений, до того легко укладывается его глагольная лексика в глубокие и вместе обобщенные современные классификации. Замечательно и то, что современными и нам, и Пушкину глаголами и процессуальными фразеологизмами он отлично передает быт, дух, культуру, нравы, обычаи своего времени и тем самым создает убедительные картины жизни русского общества позапрошлого века.

Естественно, круг процессуальных единиц стиховой речи Пушкина уже круга таких же единиц во всех его произведениях, но в нем (круге) тем не менее представлены все выделяемые в классификациях семантические категории: категория бытия, категория действия или, шире, дея-

тельности, категория деятельного состояния, категория отношения и категория становления. Категория бытия, как обычно, названа первой, хотя она в речи Пушкина употребляется сравнительно нечасто: существительное *жизнь* 603, *жить* 394, *располагаться* 360, *находиться* 378, *лежать* 199, *бывать* 114, у лексемы *быть* не указано количество употреблений. Самой представленной в сложной категории действия, деятельности в пушкинской речи оказалась субкатегория движения (см. приведенные выше цифры). Причем господствуют приставочные или бесприставочные однонаправленные глаголы, обозначающие некротные целенаправленные движения в пространстве – *идти, ехать, бежать, лететь, придти, приехать* и подоб.; жаль, что площадь статьи не позволяет привести динамичные пушкинские строки. Еще одно характерное проявление категории деятельности в пушкинских стихах – обилие глаголов речи и прежде всего лексем *сказать, говорить*, глагол *молвить*, существительные *молва* и *молвь* представлены незначительно (соответственно 85, 62, 4). У Пушкина не только все говорят, но и всё говорит, особенно в сказках. И здесь отмечу, что глагол совершенного вида *сказать* употребляется чаще, чем глагол несовершенного вида *говорить*. Из лексики, обозначающей деятельность вообще, характерны глаголы *делать/сделать*, существительное *дело* и глаголы, обозначающие деятельность-взаимоотношения – *брать/взять, давать/дать*. Как и в описанных выше семантических субкатегориях, глаголы совершенного вида преобладают в видовых парах. Мыслительная деятельность представлена в словаре лексемами *думать, мыслить, подумать*, особенно продуктивен первый глагол. Из семантической категории чувства-отношения особенно употребительными оказались лексемы *любовь, любить*. Любопытно. Пушкин использовал только однажды глагол *дружить*. В семантической категории становления показательное использование базовых глаголов *стать* (375)/*становиться* (77).

Как видим, динамичность пушкинской речи придают лексемы целенаправленного, некротного, результативного движения, глаголы речи, мыслительной деятельности и лексемы отношения *любить, любовь*.

Динамичность речи Пушкина придают и многозначные слова. Как известно, русские глаголы отличаются разветвленной многозначностью, а так как каждое значение такого слова выражает другое понятие, проявляясь в сочетании с другим кругом именных форм, то употребление одного многозначного глагола в речи создает динамическое разнообразие. Так, глагол *бежать*, кроме своего первого значения ‘быстро перебирая ногами, перемещаться в каком-либо направлении’ в тексте «Евгений смот-

рит, видит лодку: Он к ней *бежит* как на находку», используется в значении 'быстро, поспешно идти куда-л. откуда-л.': «Глядишь и площадь запестрела. Все оживилось; здесь и там *Бегут* за делом и без дела». Значение 'стремиться куда-нибудь': «Он сам, надменный вольнодумец, Сам точит на себя топор, Куда *бежит*, зажавши вежды?». Значение 'быстро двигаться (о неодушевленных предметах)' в строках: «Ветер весело шумит, Судно весело *бежит*», значение 'течь, струиться' использовано в тексте: «По чашкам темною струею Уже душистый чай *бежал*». Значение 'быстро распространяться' использовано в тексте: «Перед ним молва *бежала*, Быль и небыль разглашала», значение 'спасаться бегством' в строках «Смутилось сердце киевлян; *Бегут* нестройными толпами», Значение 'удаляться, скрываться от кого-н., покидать кого-, что-л.' в строках «Хочу *бежать*: с боязнью и мольбой твои глаза не следуют за мной», «Я вас *бежал*, отечески края; Я вас *бежал*, питомцы наслаждений».

Второй глагол, избранный для показа роли многозначности в стиховой речи Пушкина, *лететь* – 'перемещаться по воздуху с помощью крыльев' и приставочный глагол с той же основой *полететь* – 'начать лететь, направив свой полет куда-н.' очень часто используются поэтом. Употребляет он эти глаголы и в первых значениях: «К нему и птица *не летит*, И тигр *нейдет*», «Пчела за данью полевой *Летит* из кельи восковой», «В шмеля вдруг оборотился, *Полетел* и зажужжал...», «Петушок спорхнул со спицы; К колеснице *полетел* И царю на темя сел...», но гораздо чаще и в других синтаксических условиях использует их Пушкин потому, что в сознании всех русских передвижение по воздуху в отличие от передвижения по земле более (или несравненно) легкое и быстрое, благодаря наличию этой семы названные глаголы очень часто употребляются для обозначения любого движения, изменения обстановки, состояния и т.д.

Наблюдая за употреблением глагольных лексем в стихотворной речи Пушкина, довольно скоро обнаруживаешь, что характер динамичности в произведениях разных жанров разный – в сказках и в поэме «Руслан и Людмила» – один, в романе «Евгений Онегин» – другой, в лирических стихах – третий.

В сказках Пушкина изначально все ясно – есть добрые и злые герои. Злые преследуют добрых, добрые активно сражаются со злом в любом его проявлении, добрым помогают силы природы и в результате добро обязательно побеждает зло.

Едва злодей *узнал* Руслана, В нем кровь *остыла*, взор *погас*, В устах открытых *замер* глас, И *пал* без чувств он на колена... До-

стойной казни *ждет* измена! (Руслан и Людмила, т. 3, с. 83–84). Бедный поп *Подставил* лоб: С первого щелка *Прыгнул* поп до потолка; Со второго щелка *Лишился* поп языка; А с третьего щелка *Вышибло* ум у старика. А Балда *приговаривал* с укоризной: «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной» (Сказка о попе и работнике его Балде, т. 3, с. 308). *Смотрит* – *видит* дело лихо: *Бьется* лебедь среди зыбей, Коршун *носится* над ней: та бедняжка так и *плещет*, Воду *вкруг мутит* и *хлещет*... Тот уж когти *распустил*, Клев кровавый *навострил*... Но как раз стрела *запела*, В шею коршуна *задела* – Коршун в море *кровь пролил*, Лук царевич *опустил*; *Смотрит*: коршун в море *тонет* И не птичьим стоном *стонет*, Лебедь около *плышет*, Злого коршуна *клюет*, Гибель близкую *торопит*, *Бьет* крылом и в море *топит* (Сказка о царе Салтане... т. 3, с. 316). Царь *глядит* – и *узнает*... В нем *взыграло* ретивое! «Что я *вижу?* Что такое? Как!» – и дух в нем *занялся*... Царь слезами *залился*, (...) Тут во всем они *признались*, *Повинились*, *разрыдались*; Царь для радости такой *Отпустил* все трех домой [там же, с. 336–337]. Ничего *не сказала* рыбка, лишь хвостом по воде *плеснула* И *ушла* в глубокое море. Долго у моря *ждал* он ответа, *Не дождался*, к старухе *воротился* – *Глядь*: опять перед ним землянка; на пороге *сидит* его старуха, А перед нею разбитое корыто (Сказка о рыбаке и рыбке, т. 3, с. 343).

Все происходящие в сказке события: активные, стремительные движения, физические действия, слуховые и зрительные восприятия, речь героев, звучание живых существ или окружающей природы, передаются глаголами, известными ребенку с самого раннего детства. Больше того, глаголы использованы в первых значениях, действия, о которых говорится в сказке, ребенок может легко вообразить. С точки зрения семантико-грамматической глаголы замечательны тем, что они обозначают целенаправленные движения, действия, имеют форму совершенного вида со значением результата (примеры см. выше). Названная особенность сказок объясняет причину того, что изображаемые события легко записываются на киноленту, многие графически иллюстрируются.

Другой характер носит динамичность речи в реалистическом произведении. Различия между процессуальными единицами сказок и реалистического романа обнаруживаются прежде всего в количественном объеме и качественной характеристике используемых семантических категорий, субкатегорий, групп и подгрупп. Можно совершенно определенно сказать, что процессуальные единицы «Евгения Онегина» входят

как составляющие в самые полные существующие в настоящее время семантические классификации, создают глубокую реалистическую характеристику героя. Так, характеристику Евгения Онегина Пушкин начинает с самых ранних лет: Судьба Евгения *хранила*: Сперва Madame за ним *ходила*, Потом Monsieur ее *сменил*. Ребенок был резов, но мил... Чтоб *не измучилось* дитя, *Учил* его всему шутя, *Не докучал* моралью строгой, Слегка за шалости *бранил* И в Летний сад *гулять водил* [3, т. 4, гл. 1, строфа III].

Глаголы познавательной деятельности особенно красноречивы в сочетании с другими формами в предложении: *Учил* его всему шутя, ...Мы все *учились* понемногу Чему-нибудь и как-нибудь [3, т. 4, гл. 1, строфы III и IV].

Группа глаголов чувства-отношения характеризует лицемерие Евгения Онегина: Как рано мог он лицемерить, Таить надежду. Ревновать, Разуверять, заставить верить, Казаться мрачным, изнывать... [3, т. 4, гл. 1, строфа X].

Особую, на мой взгляд, самую важную для понимания сущности Евгения Онегина группу составляют глаголы, обозначающие его деятельность, мысленно представляемую или реальную: Какое низкое коварство Полуживого *забавлять*, Ему подушки *поправлять*, Печально *подносить* лекарство, *Вздыхать* и *думать* про себя: «Когда же черт возьмет тебя!» (гл. 1, строфа I). Онегин дома *заперся*, *Зевая*, за перо *взялся*, *Хотел писать* – но труд упорный Ему был тошен; ничего *Не вышло* из пера его (гл. 1, строфа XLIII). И снова *преданный* безделью, *Томясь* душевной пустотой, *Уселся* он – с похвальной целью, Себе *присвоить* ум чужой; Отрядом книг *установил* полку, *Читал, читал*, а все без толку... Как женщин, он *оставил* книги, И полку, с пыльной их семьей, *Задержнул* траурной тафтой (гл. 1, строфа XLIV).

Глаголом состояния *спать* и глаголом *проснуться*, обозначающим переход из одного состояния в другое, Пушкин передает обычный образ жизни Евгения Онегина: Но, шумом бала *утомленный* И утро в полночь *обратя*, Спокойно *спит* в тени блаженной Забав и роскоши дитя. *Проснется* за полдень, и снова До утра жизнь его готова, Однообразна и пестра (гл. 1, строфа XXXVI).

Наряду с глаголами большую смысловую нагрузку в приведенном тексте выполняют разнообразные именные формы.

Не сделала такая жизнь Евгения счастливым.

...рано чувства в нем *остыли*;

Ему *наскучил* света шум;

.....
Измены утомить успели,
Друзья и дружба надоели (гл. 1, строфа XXXVII)
Ничто не трогало его,
Не замечал он ничего (гл. 1, строфа XXXVIII).

О душевном состоянии Онегина можно судить по таким глаголам – *томиться, скучать, терпеть, надоест* и подоб. Не менее показателен глагол *зевать/зевнуть*: он *зевает* в театре, *зевая* за перо берется, «заранее *зевал*, Приготавливаясь, денег ради, На вздохи, скуку и обман», «...он равно *зевал* Среди модных и старинных зал».

Особенно разнообразны глаголы и сочетания, обозначающие речь, мыслительную деятельность, глаголы отношения.

Глубина динамической характеристики создается Пушкины за счет использования многозначных глаголов. Так, трижды использован глагол *хранить*:

Судьба Евгения *хранила* (гл. 1, строфа III) – ‘оберегала,
от опасности, вреда и т.д.’

С ученым видом знатока
Хранил молчанье в важном споре... (гл. 1, строфа V)
Хранить молчанье – ‘молчать’.
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей (гл. 1, строфа V).
Хранить в памяти – ‘помнить’.

В двух значениях использован глагол *ходить* (гл. 1, строфы III и XXVII).

Лицемерие Евгения Онегина обнажает Пушкин в целом ряде строк, показывая несоответствие поступков истинному отношению к кому или чему-нибудь в мыслях или речах: Но, боже мой, какая скука С больным сидеть и день и ночь, Не отходя ни шагу прочь! Какое низкое коварство Полуживого *забавлять*, Ему подушки *поправлять*, Печально *подносить* лекарство, *Вздыхать* и *думать* про себя: «Когда же черт возьмет тебя!» Так думал молодой повеса, Летя в пыли на почтовых (гл. 1, строфы I и II). *Прочтя* печальное посланье, Евгений тотчас на свиданье *Стремглав* по почте *поскакал* И уж заранее *зевал*, *Приготавливаясь, денег ради, На вздохи, скуку и обман* (гл. 1, строфы III). Поэт в жару своих суждений Читал, забывшись, между тем Отрывки северных поэм, И снисходительный Евгений, *Хоть их не много понимал, Прилежно* юноше *внимал* (гл. 2, строфа XVI).

Таков психологический, интеллектуальный, культурный, социальный портрет главного героя романа. Портрет в основных его чертах создан глаголами.

Почти совершенно другой и очень ограниченный круг глаголов использовал Пушкин для характеристики дяди Евгения Онегина, эта характеристика уместилась на площади одной строфы: Он в том покое поселился, Где деревенский старожил Лет сорок с ключницей *бранился*, В окно *смотрел* и мух *давил*.

Единственными книгами дяди были тетрадь расходов и «календарь осьмого года»: Старик, *имея* много дел, В иные книги *не глядел* (гл. 2, строфа III).

Всего пятью глаголами обрисован динамический портрет старика – два глагола восприятия (*смотрел*, *глядел*), один глагол взаимоотношения (*бранился*), один – деятельности (*давил*), один – бытия (*имел*).

Матери Татьяны уделено больше внимания: на площади трех строф Пушкин изображает ее сначала девушкой, выданной замуж поневоле, потом переезд ее в деревню, «где она Бог знает кем окружена, *Рвалась* и *плакала* сначала, С супругом *чуть не развелась*; Потом хозяйством *занялась*, *Привыкла* и довольна стала» (гл. 2, строфа XXXI). Потом сделала открытие, «как супругом Самодержавно *управлять*, И все тогда пошло на статью. Она *езжала* по работам, *Солила* на зиму грибы, *Вела* расходы, *брила* лбы, *ходила* в баню по субботам, *служанок била осердясь* – Все это мужа *не спросясь*» (гл. 2, строфа XXXII).

Глаголы последних шести строк реалистично изображают весь уклад жизни помещицы, они (глаголы и процессуальные фразеологизмы принадлежат к разным субкатегориям и группам – эмоционального переживания, состояния, особенно много глаголов, обозначающих активную физическую деятельность, но почти нет глаголов, обозначающих мыслительную деятельность.

Как видно, в реалистическом романе каждый герой имеет свою динамическую характеристику. Этот принцип распространяется на всех героев – отца Татьяны, саму Татьяну, Ленского и т.д. Не ставя своей задачей анализировать динамичность каждого героя романа, обобщим проведенный анализ. В реалистическом произведении, принципиально другом, чем сказка, наблюдается другая продуктивность семантических категорий, субкатегорий, групп и подгрупп, в нем используются процессуальные фразеологизмы и многозначные глаголы, в нем возрастает удельный вес процессуальных единиц, характеризующих интеллектуальную, эмо-

циональную, психологическую, социальную и т.д. сферы деятельности героя, а соответственно герой сказки оказывается человеком, как правило, одной черты: поп – жадным, Балда – трудолюбивым и находчивым, царь Салтан – доверчивым, князь Гвидон – добрым богатырем и т.д.

И наконец третий характер имеет динамичность в лирических стихотворениях. Не вдаваясь в литературоведческую характеристику лирических стихотворений, их типов и жанров, проанализируем характер динамичности некоторых произведений.

Стихотворение «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» [3, т. 2, с. 264–265] замечательно тем, что в нем в поэтической форме Пушкин ведет речь о сложнейших философских вопросах – о реальности жизни и обязательности смерти, о разных периодах жизни разных людей, о соотношении сроков жизни и смерти человека и представителей растительного мира, о смене поколений, о невозможности человеку знать о времени и месте своей смерти. И заканчивается стихотворение двумя своеобразными четверостишиями – в предпоследнем высказано личное желание почивать «ближе к милому пределу», а в последнем – пожелание равнодушной природе «красою вечно сиять».

В первом, третьем и четвертом четверостишиях Пушкин излагает сложнейшие философские мысли, сопоставляя действия внешние, физические, выраженные глаголами движения, состояния, восприятия, с действиями, внешне не проявляющимися, невидимыми, но мощными по силе, постоянными, выраженными глаголами мыслительной деятельности. Глаголы этих четверостиший употреблены в сущности в одинаковых синтаксических конструкциях:

*Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь своим мечтам.*

.....
*Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю...*

.....
*Младенца ль милого ласкаю
Уже я думаю...*

Особенность динамичности приведенных строк состоит, на мой взгляд, в том, что в них выражено поэтическими языковыми средствами сложное философское положение об относительной самостоятельности

мышления, которое способно проходить у человека на фоне внешней физической деятельности, физического состояния и т.д. Относительная самостоятельность мышления проявляется в таких обыденных репликах: *Еду, а сам думаю... Сижу в гостях, а сам вспоминаю...*

Во втором четверостишии, начинающемся словами *Я говорю*, где этот глагол употреблен в значении 'заключать в себе какое-либо известие, сведение, мысль' [4, т. 1, с. 426], Пушкин думает о неизбежности смерти каждого живущего. Эта мысль выражается глаголами совершенного вида *промчатся* – 'быстро протечь, миновать (о времени)' [4, т. 3, с. 826] и *сойти* – 'умереть' [4, т. 4, с. 272].

*Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды –
И чей-нибудь уж близок час.*

Как видно, оба глагола являются текстообразующими, общую мысль четверостишия усиливают именные формы *мы все, под вечны своды*, и целое предложение *И чей-нибудь уж близок час*.

В четверостишии

*Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов...*

тоже высказаны глубокие философские мысли о том, что у каждого объекта есть начало и конец, что период существования одного объекта, в том числе человека, может быть больше или меньше, чем у другого. В языке есть понятие *пережить* кого-, что-либо, Пушкин эту мысль высказывает, глядя на дуб, который пережил век его отцов. В этом четверостишии текстообразующим является глагол бытия *пережить* в форме будущего и прошедшего времени.

В стихах

*Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести...*

выражена мысль о неизбежной, естественной смене, поколений, которую, на мой взгляд, Пушкин выразил поэтически сильно, но логически неверно, противопоставив глаголы *тлеть* и *цвести*. С точки зрения грамматической, неверно выбрана форма времени последних двух глаголов.

В стихах

День каждый, каждую минуту
Привык я думой провожать.
Грядущей смерти годовщину
Меж их *стараясь угадать*.
И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

Пушкин признается, что его постоянно занимает дума – вопрос о времени и месте своей смерти, вопрос, на который не знает ответа ни один человек на земле, и может, как точно говорит Пушкин, только гадать. В этих стихах текстообразующими являются лексемы мыслительной деятельности *дума, стараться угадать*.

В предпоследнем четверостишье

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду *истлевать*,
Но ближе к милому пределу
Мне все б *хотелось почивать*...

Пушкин противопоставляет личное желание почивать «ближе к милому пределу» естественному физическому закону. В этих стихах уже нет глаголов активной мыслительной деятельности, на их место пришли глаголы со значением желания и бытия. Седьмое четверостишие во всем стихотворении является подлинно элегическим. В нем выражены глубокая печаль и сознание неизбежности конца человеческой жизни.

Последнее четверостишие

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

содержит лексемы и сочетания, отличные от лексем и сочетаний всех предыдущих четверостиший. В глагольных формах *будет играть, будет сиять*, отнесенных к «младой жизни» и ее «вечной красе», выражено активное пожелание быть в будущем, неизбывное победное сознание и чувство вечности, первичности жизни, несмотря на неизбежность смерти.

Динамичность речи проанализированного стихотворения отличается по характеру от динамичности романа тем, что почти вся основана на сопоставлении спокойной частной внешней физической деятельности

постоянной мощной мыслительной деятельности, жестко связанной с обдумыванием самого главного для человека вопроса, вопроса о соотношении жизни одного человека и всех его окружающих со смертью, одинаково для всех неизбежной (В романе эта тема выражена только в монологе Ленского). Характерным для Пушкина считаю конец стихотворения, заканчивающегося гимном «младой жизни», играющей, несмотря на неизбежность смерти (О содержательности и характере интонации стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» см. 7).

По динамичности стиховая речь Пушкина – гениальное дитя формирующегося современного русского литературного языка, одним из родителей которого являлся живой разговорный народный язык, о чем можно судить по нескольким признакам. Во-первых, по обилию глаголов в личной форме, которые наилучшим образом передают динамичности как активное проявление субъекта, усиленные формами деепричастий, которые в проанализированных текстах употреблены в соответствии с требованиями русских грамматических законов. Во-вторых, динамичности стиховой речи проявилась в обилии коротких глагольных предложений, при помощи которых выражались, как отмечал акад. В.В. Виноградов «национальная характерность и реалистическая ясность» [1, с. 276]. В-третьих, глаголы употребляются в массе своей в прямых значениях, что подтверждается данными «Словаря языка Пушкина» [4].

Анализ глаголов движения в названных текстах показал, что Пушкин отдает предпочтение некротным однонаправленным глаголам. В использовании глаголов других семантических категорий наблюдается такая картина (см. текст статьи) – во всех парных по виду глаголах наиболее частотными являются формы совершенного вида, обозначающие активные, стремительные действия. Среди глаголов несовершенного вида очень мало лексем со значением становления и состояния.

Наблюдения над характером динамичности глагольных лексем разных семантических категорий заставляет сказать, что она (динамичность) одинаково высокая во всех названных жанрах, но характеризуется увеличением удельного веса глаголов, обозначающих разнообразную физическую деятельность и резким возрастанием роли глаголов умственной деятельности в романе «Евгений Онегин» и лирическом стихотворении.

В конце статьи хочу высказать следующее мнение – ярчайшая динамичность пушкинской речи есть проявление его психологической черты – он считал главным проявлением жизни динамичность, всюду и во всем замечал ее и выражал в своих произведениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / В.В. Виноградов. – Изд. 3. – М.: Высш. шк., 1982.
2. Грамматика русского литературного языка. – АН СССР, т. 1, ч. 1, 1954; Русская грамматика. – Изд-во АН СССР, 1980.
3. Пушкин, А.С. Собр. соч.: в 10 т. / А.С. Пушкин. – М.: ГИХЛ, 1959–1962.
4. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / под ред. В.В. Виноградова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац.словарей, 1956–1961.
5. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.
6. Философская энциклопедия: в 5 т. – М.: Изд-во Сов. энцикл., 1960–1970.
7. Чепасова, А.М. Содержательность и характер интонации пушкинских стихов / А.П. Чепасова // Фонетика и письмо в диахронии. Межвузовский сборник научных трудов. – Омск: Госун-т, 2001.

Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии: Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 23–26 сент. 1996 г. / ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 18–19.

ОБРАЗНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Несмотря на активную разработку проблем фразеологии в течение последних 50 лет, нерешенным остается вопрос о категориальных свойствах ее единицы – фразеологизма.

Одним из таких свойств многие исследователи называют **образность**, под которой понимается «способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности» (Мокиенко). Считается также, что образностью обладают не все фразеологизмы, последние квалифицируются как безобразные.

Считается, что образностью, как она понимается в теории промежуточного языка (Караулов), обладают все фразеологизмы, как и весь язык. Проблема заключается в том, чтобы определить, какая это образность.

Свободное сочетание, которым обозначаются конкретная ситуация, свойство предмета, действие и его свойство и т.д., основано на каком-либо одном образе как способе отражения человеком предметов, действий, свойств и т.д. окружающего мира, например, двигательном, зрительном, акустическом, обонятельном, осязательном. Так, сочетания **сматывать удочки, поднять руку на кого-нибудь, выносить сор из избы** основаны на двигательных образах. Во фразеологизмах тождественного состава образность сохранилась, но изменилась ее разновидность: в первом, втором, третьем фразеологизмах двигательно-зрительный образ преобразовался в зрительный, а в четвертом – в акустический. Особенно ярко результат преобразования образа наблюдается в единицах с компонентами глаголами движения (**приходить в ветхость, приходить в уныние, приходить в ярость, выходить из себя, выходить из равновесия**) и подобных, где двигательный образ преобразуется в зрительный.

В промежуточном языке говорящего фразеологизм продолжает оставаться противоречивой единицей: в ней сохраняется в качестве первичного один образ, чаще всего двигательный, когда единица переходит в звучащий язык, оперирующий не знанием, а значением всей фразеоло-

гической единицы, первичный образ заменяется другим, чаще всего зрительным или акустическим.

Качественно иное понимание образности в языке вообще, и во фразеологии в частности, согласуется с концепциями качественного изменения слов в составе фразеологизма; семантической цельности фразеологизма, семантической структуры слова и фразеологизма; внешней омонимии фразеологизмов, их экспрессивностью и др.

СИНОНИМИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

По-новому освещаются такие актуальные вопросы, как системная организованность фразеологического состава языка, внутренняя и внешняя синонимия. Явления синонимии впервые четко отграничиваются от эквивалентности фразеологических и лексических единиц языка и от вариантности, фразеологизма как языкового знака.

В настоящее время учение о синонимии фразеологизмов – сложная многоаспектная теория, в которой пока достаточно нерешенных вопросов. Первые замечания о синонимии фразеологизмов находим в трудах В.В. Виноградова [см.: 5; 6], постановку теоретических вопросов и анализ фразеологического материала в работах А.М. Бабкина [см.: 2], Н.М. Шанского [см.: 27; 28], В.П. Жукова [7] и др.

В данной статье обратим внимание на своеобразие внутренней и внешней синонимии фразеологизмов, синонимическую организованность фразеологического состава русского языка и соотношение синонимов и вариантов.

Внутрифразеологическая синонимия. В работах, где синонимия освещается как семантическое явление, обычно приводится определение фразеологических синонимов. Так, М.И. Сидоренко приводит в одной работе, в сущности, два определения, из которых второе отличается от первого большей точностью и четкостью: «Фразеологическими синонимами называются единицы, которые в исходной грамматической форме выражают одно и то же понятие, имеют одинаковую предметную отнесенность и лексико-семантическую валентность» [19, с. 200]. Как видно, М.И. Сидоренко считает необходимым выделить четыре признака синонимов-фразеологизмов: исходную грамматическую форму, способность выражать одно понятие, иметь одинаковую предметную отнесенность и одинаковую лексико-семантическую сочетаемость. Н.М. Шанский так определяет анализируемое понятие: «Синонимическими фразеологизмами называются различные обороты, обозначающие один и тот же предмет объективной действительности» [см.: 28, с. 69; 29, с. 194]. В обоих определениях называется один признак – способность обозначать один и тот же предмет действительности. Кстати, определение фразеологиче-

ских синонимов не отличается от определения лексических синонимов [см.: 29, с. 52]. В.П. Жуков так понимает сущность фразеологизмов-синонимов: это единицы «с тождественным или предельно близким значением, соотносительные с одной и той же частью речи, по преимуществу обладающие одинаковой или сходной синтаксической сочетаемостью (эта особенность прежде всего характерна для одноструктурных фразеологизмов), но отличающихся друг от друга либо оттенками значения, либо стилистической окраской, либо тем и другим одновременно» [7, с. 116]. В данном определении названы пять признаков: при сравнении этого определения с определением М.И. Сидоренко обнаруживаются большие различия в понимании одного и того же языкового явления.

В определении В.П. Жукова не указывается основное свойство синонимов – их связь с одним понятием, что давно установлено в отечественном языкознании не только при анализе лексического материала. Здесь можно напомнить описания синонимических «серий», обозначающих в литературном языке понятия **исчез, пьяный, далеко**, сделанные А.М. Бабкиным [2, с. 87–103], синонимические ряды литературного языка, выражающие понятия «много», «мало», «быстро», «громко» и др., приводимые Н.М. Шанским [28, с. 72]. Л.А. Ивашко выявила и описала богатейшие синонимические ряды, исследовав фразеологический материал псковских и других говоров русского языка, говоров украинского, белорусского и других славянских языков [11]. В монографии Л.А. Ивашко характеризует синонимические единицы, выражающие понятия «бездельничать, болтать»; «глупый, тупой, бестолковый»; «психически заболеть, помешаться»; «хитрый»; «пить, пьянствовать»; «умереть», «очень много», «очень мало», «издавна» и др. [там же, с. 9–64]. В определении В.П. Жукова в качестве первого условия синонимичности фразеологизмов называется тождество их значений. Однако признание тождества значений синонимов не ново в языкознании: синонимы в настоящее время квалифицируются как разные единицы, содержащие в своих значениях сему, которой выражается сущность единого понятия, и семы, которыми единицы, выражающие это понятие, различаются в языке как разные единицы. Поэтому тождественность значения двух или более единиц совершенно справедливо квалифицируется как семантическое свойство вариантов, а не синонимов [16, с. 21; 29, с. 192].

Дифференциальный признак синонимичности фразеологизмов в рассматриваемых определениях различен: это одинаковая лексико-семантическая валентность у М.И. Сидоренко и одинаковая или сходная

синтаксическая сочетаемость у В.П. Жукова. Сочетаемость, или валентность, действительно, одно из средств обнаружения значения языковых единиц. Более того, принято различать синтаксическую и лексико-семантическую сочетаемость; по первой различают классы номинативных единиц, по второй – разные по объему группы от ЛСГ до синонимов, антонимов и т.п. В соответствии с этим одинаковая синтаксическая сочетаемость, которую В.П. Жуков считает одним из показателей синонимичности, не выполняет этой роли; по синтаксической сочетаемости можно судить лишь о том, к одному или разным классам относится ряд фразеологизмов. Как установлено в языкознании, для синонимических единиц характерна близкая, частично совпадающая или одинаковая лексико-семантическая сочетаемость.

В определении М.И. Сидоренко называется в качестве дифференциального признака «исходная грамматическая форма». Если предположить, что под исходной грамматической формой понимается начальная форма изменяемого и единственная языковая форма неизменяемого фразеологизма, то такой признак, конечно, очень важен для квалификации фразеологизмов как синонимов. Так же, как и в лексике, во фразеологии в синонимические отношения вступают только единицы одного класса.

Совпадают оба определения, на наш взгляд, в той части, где говорится об «одинаковой предметной отнесенности» («широко употребляемый, но мало раскрытый термин») [24, с. 152] и о соотносительности фразеологизмов-синонимов с одной частью речи. В.П. Жуков включил в определение признаки, отличающие один фразеологический синоним от другого.

Изучение семантических и грамматических классов фразеологизмов, а также семантической структуры индивидуального значения фразеологизмов и семантической организованности фразеологического состава русского языка позволило нам сформулировать следующее определение: фразеологические синонимы – это два (или больше) фразеологизма, обозначающих одно понятие, принадлежащих к одному классу, одной субкатегории и группе и отличающихся друг от друга семантически или стилистически [27, с. 54].

Наше определение, как и проанализированные выше, касается только внутрифразеологической синонимии и поэтому является узким.

Синонимичность фразеологизмов между собой замечена учеными раньше, чем синонимичность фразеологизма со словом, хотя на факты

такой синонимичности указывают В.В. Виноградов [5; с. 150, 160; 6, с. 127, 133, 138], А.М. Бабкин [2, с. 79 и след.].

Синонимичные друг другу фразеологизмы характеризуются рядом признаков, одни из которых сближают их с лексическими синонимами, а другие отличают от последних и создают своеобразие данного явления в языке.

Фразеологические синонимы сближаются с лексическими неспецифическими признаками, а именно: а) связью всего синонимического ряда с одним семантико-грамматическим классом – предметные с предметными, процессуальные с процессуальными, атрибутивные с атрибутивными, количественные с количественными, качественно-обстоятельственные с качественно-обстоятельными, грамматические с грамматическими, так же, как лексический синонимический ряд связан с одной частью речи; б) обязательной связью членов ряда с одной семантической субкатегорией и группой; в) наличием семантических и/или стилистических различий между членами ряда [2, с. 83 и след.; 25, с. 70 и след.]; г) близкой и частично тождественной лексико-семантической сочетаемостью; д) способностью многозначного фразеологизма образовывать такое количество синонимических рядов, сколько у него значений, выражающих разные понятия [2; 3; 4; 7; 20]; е) способностью внутрифразеологических синонимов различать внутрифразеологические омонимы, например, фразеологизм **пустое место** – «человек, которого не принимают в расчет, человек, на которого не считают возможным положиться» вступает в синонимическую связь с фразеологизмами **пустая порода, мыльный пузырь**; омонимичный ему двузначный фразеологизм в значении «реальное или мнимое отсутствие положительных предпосылок для возникновения, развития чего-л.» не вступает в синонимические отношения, а в значении «отсутствие убедительных аргументов в мыслях, позиция кого-л.» семантически сближается с фразеологизмом **пустой звук** – «слова, речи, лишённые специально закреплённого за ними значения». Фразеологизм **живая душа** ни в одном из двух своих значений – «человек (в противоположность предмету)» и «человек отзывчивый, доброжелательный» – не вступает в синонимические отношения, а омонимичный ему однозначный фразеологизм со значением «суть, самое главное какой-л. теории, концепции» вступает в синонимические отношения с фразеологизмами **основа основ, краеугольный камень**; ж) способностью образовывать антонимо-синонимические ряды, например: **как на ладони, как на**

блюдечке – как в тумане, как во сне, как сквозь сон [см. еще примеры: 19, с. 54–58].

Обилие сближающих признаков (возможно, выявлены еще не все) не делает значения лексических и фразеологических синонимов адекватными.

Внутрифразеологическая синонимия характеризуется свойством, качественно отличающим ее от синонимии слов: членами ряда всегда являются синтаксические конструкции – модели разнообразных словосочетаний, сочетаний слов, предложений.

Синонимические ряды, состоящие из единиц одинаковой исходной синтаксической модели, принято называть одноструктурными; синонимические ряды, состоящие из единиц разных исходных синтаксических моделей, – разноструктурными.

Термины «одноструктурный» и «разноструктурный» в 1955 году употребил А.В. Кунин в англо-русском фразеологическом словаре, характеризуя структурную синонимию как одну из возможных разновидностей варианта фразеологической единицы [13, с. 1444–1445]; в 1967 г. эти же термины употреблены им при рассмотрении соотношений фразеологической вариантности и структурной синонимии в современном английском языке [14, с. 146 и след.].

Исследователи русской фразеологии употребляют термины «одноструктурный» и «разноструктурный» только относительно фразеологических синонимов [2; 7; 10; 27; 28].

Одноструктурными являются следующие, например, ряды: **загробная жизнь – тот свет – иной мир; крестовый поход – холодная война; белое пятно – слабое место; Ариаднина нить (нить Ариадны) – путеводная звезда – путеводная нить; каменная стена – китайская стена – глухая стена; первый план – крупный план, второй план – задний план; дух времени – веление времени – знамение (знак) времени; стреляный воробей – травленный волк – тертый калач; свой человек – свой парень**. Разноструктурными являются: **одно и то же – то же самое; связь времен – отцы и дети** [2, с. 87–92, 93–99].

Синонимический ряд может не быть единообразным по синтаксическим моделям единиц, его образующих. Например, в ряду **разные разности – всякая всячина – то да се** первые две единицы имеют одинаковую синтаксическую модель, а последняя построена по модели сочетания с сочинительной связью.

Одноструктурность и разноструктурность фразеологических рядов определенным образом связана с морфологической изменяемостью или неизменяемостью фразеологизма. Классы предметных, процессуальных, меньшей части атрибутивных фразеологизмов характеризуются ограниченным набором исходных синтаксических моделей: предметные – более чем на 90% субстантивные модели, атрибутивные – модели адъективных и процессуальные – модели глагольных словосочетаний. Классы морфологически неизменяемых фразеологизмов характеризуются широким набором исходных синтаксических моделей. Формальное свойство фразеологизмов особым образом отражается на структурном облике синонимических рядов. Синонимические ряды морфологически изменяемых фразеологизмов большей частью одноструктурные, а синонимические ряды морфологически неизменяемых могут быть и одноструктурными и разноструктурными.

Специфическим свойством фразеологических синонимов, отдельно оформленностью, вызывается другое специфичное для фразеологической синонимии свойство – наличие или отсутствие в членах ряда одинаковых компонентов. Несовпадающие компоненты одноструктурных синонимов, имеющих общий компонент, могут находиться между собой в разных семантических отношениях, когда употребляются вне фразеологизмов. Так, синонимами являются существительные **мешок** и **киса** и фразеологизмы **золотой (денежный) мешок – золотая киса**; прилагательные **последний, решающий** и **последнее слово – решающее слово**; семантически сближенными являются существительные **рог, дуга, погибель** и сочетания **гнуть в бараний рог – гнуть в дугу – гнуть в три погибели**; совершенно разными являются существительные **дно, жила** и **золотое дно, золотая жила**; **погреб, бочка** и **пороховой погреб, пороховая бочка**. Аналогичное явление наблюдается в английском языке [13]. Разумеется, названное явление характерно не только для фразеологизмов литературного языка, но и для диалектной фразеологии [11; 16].

Наличие общего компонента у членов фразеологического ряда – свойство, благодаря которому синонимия связывается с варьированием в области фразеологии.

Внешняя синонимия фразеологизмов. Учение о синонимичности фразеологизмов и слов только создается, так как этот вопрос интересует фразеологов в последние сорок лет. Есть и некоторые достижения. В.В. Виноградов в работах 40-х гг. отмечал: «Фразеологические сращения ставятся в один синонимический ряд со словами» [6, с. 127], «фразеологи-

ческие группы или фразеологические сочетания входят... в синонимические ряды слов и выражений» [там же, с. 138]. Е.И. Иванникова в 1966 г. выступила с работой, в которой рассматривает этот вопрос с семантической, лексикографической и других сторон [10]. М.И. Сидоренко утверждает, что имеются «широкие синонимические связи лексических и фразеологических единиц: **умереть – отдать концы, пешком – на одиннадцатом номере, болтун – бесструнная балалайка**» [20, с. 195]. А.М. Бабкин говорит: «Фразеологическая единица функционирует рядом со словом, подобно ему является членом предложения. Она может быть синонимична слову или сочетанию слов» [2, с. 79]. А.И. Федоров, учитывая сложность и специфику фразеологического значения, заключает, что фразеологизмы могут быть синонимичны словам [25, с. 97 и след.]. В одной из наших работ рассматривалась синонимия фразеологизмов со словами как проявление закономерных отношений между двумя типами номинативных единиц [27]. В.И. Зимин формулирует ряд закономерностей, характерных для внешней синонимии фразеологизмов [9]. Т.А. Камогорцева исследует синонимические отношения между глаголами и фразеологизмами на материале романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» [12].

Концепцию, игнорирующую достижения отечественных фразеологов и не подтвержденную анализом фразеологического материала, сформулировал относительно внешней синонимии фразеологизмов А.И. Молотков: «Лексическое значение фразеологизма формировалось, видимо, как более сложное и более своеобразное явление, чем лексическое значение слова, поэтому оно не синонимично и не может быть синонимично в принципе лексическому значению слова, а лексико-грамматические разряды слов не могут соответствовать, отождествляться с лексико-грамматическими разрядами фразеологизмов» [17, с. 111].

Плодотворному развитию теории внешней синонимии фразеологизмов мешает мнение о том, что фразеологизм эквивалентен по значению слову, что последнее идентифицирует значение фразеологизма. Но понятия «эквивалентность» и «эквивалентный», будучи использованными в собственном значении, несовместимы с понятиями «синонимичность» и «синонимичный». Положительные результаты изучения семантической структуры фразеологизмов, различения степеней сложности этой структуры приводят к тому, что уже в 60-е гг. появляются работы, в которых теория эквивалентности подвергается критике как не отражающая действительных соотношений фразеологизма со словом. Ю.Ю. Авалиани и А.М. Эмирова в ответах на вопросы анкеты участникам Тульско-

го симпозиума 1968 г. заявили: «Само понятие эквивалентности фразеологизма слову предполагает абсолютное, полное совпадение всей содержательной структуры этих языковых единиц. Однако последнее совершенно неверно. Полного изоморфизма содержательной структуры фразеологизма и слова нет и не может быть ввиду их специфики как единиц различных языковых уровней..., здесь следует говорить скорее не об их эквивалентности, а только о соотносительности» [1, с. 124, 125].

Действительно, если бы все фразеологизмы были эквивалентами слов, перед исследователями, выявляющими семантическую природу этих единиц, не стояла бы задача как можно точнее передать значение фразеологизма. Между тем задача эта остается чрезвычайно трудной, потому что в русском языке очень мало фразеологизмов, значение которых можно полно передать одним словом, как, например: **одержать победу** – «победить», **решительным образом** – «решительно», **изо дня в день** – «ежедневно», **хлеб да соль** – «еда», «утощенье». Подавляющее число фразеологизмов обладает значением, которое невозможно выразить одним словом: **шаг вперед** – «начало» (?), **золотой фонд** – «люди» (?), «произведения искусства» (?), «часть чего-л.» (?). Значение этих единиц более или менее полно можно передать словосочетаниями, соответственно «начало развития чего-л.», «лучшие люди коллектива, страны, человечества», «лучшие произведения искусства», «лучшие предметы как результаты труда», «лучшая часть чего-л.». В понятии, выражаемом фразеологизмом, содержится несколько семантических признаков, которые актуализируются в речевых текстах. Так, в понятии, выражаемом фразеологизмом **холодная война**, содержится три семантических признака: выражаемый существительным **политика**, прилагательным **агрессивная**, словосочетанием **официальный мир** – «агрессивная политика империалистических государств в условиях официального мира».

Концепция семантической соотносительности фразеологизма и слова наиболее полно выражает сущность семантических отношений между этими двумя типами номинативных единиц. В соответствии с этой концепцией слово, которым передается значение фразеологизма, выступает как синоним, всегда относительный, имеющий то же категориальное значение, принадлежащий к той же субкатегории и группе, что и фразеологизм. Обе единицы являются средством обозначения одного понятия, находятся в отношениях семантического параллелизма, образуют смешанный лексико-фразеологический синонимический ряд. Кроме названных общих признаков, у членов лексико-фразеологического сино-

нимического ряда имеются различия в объеме значения, экспрессивности, стилистические и морфологические, если члены ряда изменяемые единицы, а также различия синтаксические. Например, фразеологизм **первый шаг** и синонимичное ему существительное **начало** различаются семантически: фразеологизмом выражается поэтапность, поступательность начального периода развития чего-л., а существительным – только начальный момент, причем единый, цельный. Семантические различия поддерживаются морфологическими: существительное начало в этом значении употребляется только в форме ед. ч., а фразеологизм употребляется в формах обоих чисел, хотя более частотной является форма мн. ч. Благодаря указанным семантическим различиям оба члена ряда могут употребляться в одном предложении и не создавать семантической тавтологии, например: **Это были самые первые шаги в космос – начало новой космической эпохи человечества** (Правда. 1982. 12 янв.).

Внешняя синонимия фразеологизмов является одним из средств различения значений полисемичной единицы, а также одним из средств различения омонимичных единиц. Так, фразеологизм **видавший вид**¹ вступает в синонимическую связь с прилагательными **опытный, многоопытный, искушенный, наторелый** (разг.), тогда как омонимичный ему фразеологизм **видавший вид**² вступает в синонимические отношения с прилагательными **старый, поношенный, истрепанный, потертый** и др. Ряды слов, синонимичные каждому из синонимов, полностью расходятся по своим значениям, не имеют одинаковых семантических элементов со словами другого синонимического ряда.

В синонимические отношения со словом или словосочетанием вступает каждый фразеологизм, будь он исконным, состоящим из компонентов, относящихся к активному лексическому запасу вне фразеологизма, или включающим в качестве компонентов архаизмы, или заимствованным. Для последних синонимические отношения с отдельным словом являются первым необходимым этапом их освоения в заимствующем языке. Описанные свойства внешней фразеологической синонимии позволяют сформулировать одно общее определение синонимов. Синонимами называются номинативные единицы языка, имеющие одинаковое категориальное значение, служащие средством выражения одного понятия и различающиеся семантически и/или стилистически [27, с. 58].

Внешняя синонимия фразеологизмов, которая еще только осмысливается отечественными фразеологами, практически давно отражается составителями русских синонимических словарей; хотя недостаточно полно

и верно. См., например, Словарь синонимов русского языка (1970) и Словарь синонимов (1975) под редакцией А.П. Евгеньевой [21; 22], Школьный фразеологический словарь русского языка В.П. Жукова [8]. Е.А. Иванникова приводит данные о том, что в зарубежных синонимических словарях (французского языка Р. Байи, немецкого языка И.А. Эбенгарда, английского языка Р. Соула) устойчивые сочетания различных типов, фразеологизмы приводятся в одном ряду со словами-синонимами [10]. Из синонимических словарей русского языка автор называет Краткий словарь синонимов русского языка В.Н. Ключевой (1961). В этой же работе говорится о том, что Ш. Балли «одним из первых поставил вопрос об устойчивых словосочетаниях и их соотношениях со словами» и заявил, что «фразеологические обороты должны стоять в синонимическом словаре среди слов» [там же, с. 70].

Синонимическая организованность фразеологического состава русского языка. В работах по внутрифразеологической синонимии отмечалось ранее и теперь, среди каких разрядов наблюдаются, могут наблюдаться, наиболее представлены или, напротив, не могут быть обнаружены фразеологические синонимы. Оказывается, что синонимические отношения наблюдаются во всех группах фразеологических оборотов, которые можно выделить, имея в виду их лексико-грамматическое значение [28, с. 195], особенно богата глагольная фразеологическая синонимика, для современного состояния фразеологического запаса характерно обилие синонимических фразеологических единиц [3, с. 87, 99], русская фразеология очень богата синонимами [20, с. 200], богаче всего фразеологическая синонимия представлена во фразеологизмах глагольного и наречного характера [29, с. 72], в синонимические отношения способны вступать только семантически полноценные, самостоятельные фразеологизмы или слова, поэтому нельзя считать синонимами такие языковые единицы, собственное значение которых трудно или совсем невозможно установить, например, **из рук вон (плохо), как божий день (ясно)** и т.п. [7, с. 120]. Как видно, в приведенных высказываниях не ставится вопрос о характере синонимических связей фразеологизмов между собой, о степени охвата этими связями фразеологического состава современного русского языка.

Исследование внешней синонимии фразеологизмов позволяет ближе подойти к определению характера синонимических связей. Как известно, впервые в русской фразеологии идею о реальной или потенциальной синонимии фразеологизмов и слов предложил академик В.В. Ви-

ноградов в работах 40-х годов [5; 6]. Уже тогда он высказал чрезвычайно плодотворную, но, к сожалению, забытую современными фразеологами мысль о соответствии значения фразеологизма значению единой грамматической категории, или, как теперь принято говорить, значению одной части речи: «...в тех случаях, когда этимологическое значение грамматически и фонетически различаемых компонентов вступает в видимое противоречие с грамматическим значением целого, это противоречие аннулируется, и идиоматизм подводится под соответствующую его значению единую грамматическую категорию. Например, устно-фамильярное идиоматическое выражение **чего-нибудь куры не клюют** имеет значение количественного слова. Оно ставится в один синонимический ряд со словами **пропасть, уйма** и т. п.» [6, с. 126–127]. Это положение В.В. Виноградов распространяет и на другие типы фразеологических единиц. Примечательно, что в работах этого времени им не употребляются термины «эквивалентность», «идентичность», не называются единицы или разряды, которые не способны были бы вступать в синонимические отношения со словами, Е.А. Иванникова, всесторонне анализируя условия, при которых фразеологизмы вступают в синонимические отношения со словами, не отказываясь от теории эквивалентности, предлагает учитывать разную степень эквивалентности (?) фразеологизма слову; считает правомерной и необходимой постановку вопроса о синонимии слов и фразеологических единиц, так как фразеологические единицы в качестве эквивалентов слов входят в лексико-семантическую систему языка [10]. Утверждение этого исследователя, что «более 2/3 фразеологизмов вступают в синонимические отношения со словами (подсчет велся на основании фразеологических единиц, указанных в современных академических словарях)» [там же, с. 85], заставляет делать вывод, что еще в конце 60-х гг. проблема внешней синонимии фразеологизмов из стадии дискуссии могла перейти в стадию практической разработки. Однако в 1984 г. В.И. Зимин выступает со статьей, в которой, с одной стороны, признает синонимии фразеологизмов и слов реальной, очевидной и одним из важных видов отношений в единой лексико-фразеологической системе русского языка, а с другой – считает необходимым «исключить из корпуса фразеологии» многие единицы, обычно не вступающие в синонимические отношения со словами [9]. Среди этих единиц, в частности, он указывает сложные союзы, предлоги и другие служебные слова. В заключение автор делает вывод, что в синонимические отношения со словами вступают почти исключительно фразеологические сращения и фра-

зеологические единства [там же]. В этом положении содержится явное противоречие: учитывая тип категориального, или классного, значения, исследователь исключает из числа единиц, способных вступать в синонимические отношения, сложные союзы, предлоги и другие «служебные слова», а учитывая степень семантической слитности компонентов, утверждает, что «почти исключительно» вступают в синонимические отношения со словами фразеологические сращения и фразеологические единства. В таком случае фразеологические сращения и единства в значении союзов (**так как, то есть**), предлогов (**тому назад**), частиц (**и без того, в общей сложности, того и гляди, смотри**) оказываются вне круга исследуемой проблемы.

Таким образом, внутрифразеологическая синонимия по-разному представлена в разных семантико-грамматических классах, а внутри классов по-разному представлена в семантических субкатегориях и группах; внутри групп наблюдаются весьма различные по объему синонимические ряды, характеризующие отдельные понятия [2; 7; 19; 20; 28; 29]. В целом внутрифразеологическая синонимия не охватывает полностью фразеологический состав русского языка.

Что же касается внешней синонимии, то тут отчетливо обнаруживаются два обстоятельства. Во-первых, будучи семантически параллельной слову или словосочетанию, каждая фразеологическая единица соотносится с ними и, следовательно, каждая фразеологическая единица синонимична слову или словосочетанию, поэтому можно говорить о полном охвате фразеологического состава современного русского языка внешними синонимическими отношениями. Во-вторых, модальные фразеологизмы, будучи средством выражения разнообразных отношений говорящего к действительности или к высказыванию, а не средством обозначения понятия в строгом смысле этого слова, не вступают во внешние синонимические связи с модальными словами, а только семантически сближаются с последним, поэтому можно говорить об их несистемности.

Если же иметь в виду оба вида синонимических отношений, то надо признать, что почти весь фразеологический состав современного русского языка синонимически организован, что синонимия фразеологизмов – наиболее ярко выраженное их системное семантическое свойство.

Синонимия и вариантность. Одной из сложных проблем до сих пор остается проблема разграничения фразеологических синонимов и вариантов, потому что фразеологизм, будучи разнооформленной едини-

цей, имеющей в качестве компонентов существенно изменившиеся слова, допускает многообразие видоизменения своей внешней, формальной, и внутренней, содержательной, сторон. Эти видоизменения, разные по природе, приводят к разным результатам. В науке указанные изменения получают и разную квалификацию. Усилиями многих отечественных лингвистов на материале русского и других языков выявлено несколько типов фразеологического варьирования [см.: 11; 13; 14; 15; 16; 29 и др.].

Специфичным для фразеологизмов типом варьирования является компонентное, которое чаще называется лексическим. Способность компонентов фразеологизмов заменяться другими компонентами одни ученые квалифицируют как факт образования фразеологического синонима, другие – как варьирование. Думается, при решении этой сложной проблемы следует избегать двух моментов – некорректного употребления термина «лексический» и тождественной квалификации замены всех и всяких компонентов.

Основные положения теории семантической структуры слова позволяют понять внутренний механизм компонентного варьирования и синонимии во фразеологии. Замена одного компонента внутри фразеологизма приводит к одному из двух результатов: 1) если у заменяемых компонентов актуализировались одни и те же семы при образовании фразеологического значения, результатом является фразеологический вариант; 2) если у заменяемых компонентов актуализировались разные, хотя и близкие семы при образовании фразеологического значения, результатом является фразеологический синоним. Например, в ряду **зеленая улица – зеленый свет** обе единицы выражают одно понятие – «специально созданные или создаваемые благоприятные условия для кого-, чего-л., благоприятная обстановка», но в единице **зеленая улица** содержится семантический элемент протяженности, длительности действия благоприятных условий, а в единице **зеленый свет** содержится элемент временной краткости благоприятных условий, их разовость или, может быть, неожиданность. Наличием разных семантических элементов в семантической структуре единиц поддерживается их синонимичность. Ср.: **Каждая из этих десяти вакцин получала «зеленую улицу»** (Наука и жизнь. 1967. № 12); **На пути к заключению договора загорелся зеленый свет** (Комс. правда. 1968. 17 марта).

Во фразеологическом ряду **столбовая дорога – столбовой путь** тоже выражается одно понятие – «главное, центральное направление в развитии чего-л.». Компоненты **дорога** и **путь** актуализируют во фра-

зеологизме одну сему – «линия движения в какую-л. сторону», эта сема делает их полными синонимами вне фразеологизма и вариантами в составе фразеологизма.

Семантическое движение от синонимичности к вариантности, от различий к тождественности наблюдается только у одноструктурных синонимов, имеющих один (или больше) общий компонент и синонимичные или синонимически сближенные другие компоненты. Тождество семантики двух варьирующих единиц подкрепляется тождеством нескольких других сторон – тождеством синтаксической структуры, тождественной сочетаемостью и стилистическим тождеством. Казалось бы, признаки фразеологических синонимов и таких же вариантов так четко определены, что невозможно не различить эти два явления, но на самом деле проблема разграничения или, точнее, взаимодействия синонимов и вариантов остается сложной. Вероятно, неудовлетворенность в неразличении синонимов и вариантов будет ощущаться всегда, так же, как и необходимость в их различении [см.: 18; 23], потому что в каждом данном периоде существования языка есть бесспорные варианты типа **золотой фонд – золотой запас, опорный пункт – опорная точка, пустой звук – пустой звон** и есть такие ряды, которые занимают промежуточное положение между синонимами и вариантами, например, **нечистая сила – нечистый дух**. Л.А. Ивашко, вслед за Ю.А. Гвоздаревым, называет ряды таких единиц вариантно-синонимическими сериями [11, с. 27, 31 и др.]. Переходный характер единиц типа **последнее слово – решающее слово** заключается в угасании семантических различий между членами ряда и в более или менее активном развитии семантического и другого тождества. К угасанию семантических различий между фразеологическими синонимами приводит действие нескольких условий: 1) семантическое сближение, доходящее до синонимичности слов вне фразеологизмов: **скользкий путь (дорога), проторенный путь (дорога)**; 2) замена архаического компонента словом активного запаса: **связующее (соединительное) звено, знамение (знак) времени**; 3) замена иноязычного слова исконным: **золотой фонд (запас), кульминационный пункт – высшая (наивысшая) точка**; 4) замена одного компонента другим, принадлежащим к той же тематической группе: **обетованная земля (место, страна), звездный час (время, минута, миг)**.

Фразеологические варианты могут быть частью синонимического ряда: **дух времени – веление времени – знамение (знак) времени**.

Взаимодействие одноструктурных синонимов и фразеологических вариантов в современном русском языке – процесс живой, чрезвычайно активный, сложный и противоречивый. Он имеет определенное направление в своем развитии. Одноструктурные синонимы являются постоянным источником образования вариантов, разные по значению фразеологизмы постепенно становятся тождественными по значению вариантами одного фразеологизма. Иначе говоря, фразеологические компонентные варианты – следствие и предел семантического развития некоторых одноструктурных синонимов [13]. Названный процесс имел место в прошлом состоянии русского языка, что особенно убедительно показано на русском диалектном современном и историческом фразеологическом материале, а также на материале разных современных славянских языков в исследованиях В.М. Мокиенко [15; 16], процесс этот продолжается и в настоящем, а так как протекает он медленно, то в каждый данный период состояния языка фразеологические синонимы и варианты требуют соответствующей квалификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авалиани, Ю.Ю. Некоторые вопросы современной фразеологии / Ю.Ю. Авалиани, А.М. Эмирова // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: матер. симпоз. Тула, 1968. – Тула, 1972.
2. Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. – М.: Наука, 1977.
3. Бурмако, В.М. О соотношении значения и сочетаемости тавтологических фразеологизмов, вызывающих близость, совместность / В.М. Бурмако, А.М. Чепасова // Вопросы современного русского литературного языка. – Челябинск, 1970. – Вып. 4.
4. Бурмако, В.М. Сочетаемость фразеологизмов «из угла в угол», «из стороны в сторону» / В.М. Бурмако, А.М. Чепасова // Вопросы современного русского литературного языка. – Челябинск, 1970. – Вып. 4.
5. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц / В.В. Виноградов // Избр. тр. – М.: Наука, 1977.
6. Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии / В.В. Виноградов // Избр. тр. – М.: Наука, 1977.
7. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов / В.П. Жуков. – М.: Просвещение, 1972.
8. Жуков, В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка / В.П. Жуков. – М.: Просвещение, 1980.

9. Зимин, В.Н. Синонимия слов и фразеологических единиц в современном русском языке / В.Н. Зимин // Лексико-фразеологические связи в литературном русском языке и народных говорах. – Курск, 1984.
10. Иванникова, Е.А. Синонимические отношения между фразеологическими единицами и словами / Е.А. Иванникова // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. – М.; Л., 1966.
11. Ивашко, Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии / Л.А. Ивашко. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
12. Камогорцева, Т.А. Некоторые особенности глагольной лексико-фразеологической синонимии / Т.А. Камогорцева // Лексико-фразеологические связи в литературном русском языке и народных говорах. – Курск, 1984.
13. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.
14. Кунин, А.В. Фразеологическая вариантность и структурная синонимия в современном английском языке / А.В. Кунин // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда, 1967.
15. Мокиенко, В.М. Образы русской речи: историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии / В.М. Мокиенко. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
16. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. – М.: Высш. шк., 1980.
17. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка / А.И. Молотков. – Л.: Наука, 1977.
18. Раевский, М.В. Замечания по спорным проблемам фразеологии / М.В. Раевский // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: мат-лы симпозиума. Тула, 1968. – Тула: Тульск. пед. ин-т, 1972.
19. Сидоренко, М.И. Антонимо-синонимический ряд фразеологических единиц / М.И. Сидоренко // Актуальные проблемы русской фразеологии. – Л., 1983.
20. Сидоренко, М.И. К определению фразеологических единиц / М.И. Сидоренко // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда, 1967.
21. Словарь синонимов. – Л.: Наука, 1975.
22. Словарь синонимов русского языка. – Л.: Наука, 1970.
23. Тихонов, А.Н. О грамматических формах, вариантах и дериватах фразеологических оборотов / А.Н. Тихонов // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда, 1967.
24. Уфимцева, А.А. Лексическое значение (Принцип семасиологического описания лексики) / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986.

25. Федоров, А.И. Лексико-фразеологические системные и синонимические связи в русском литературном языке конца XVIII – начала XIX века / А.И. Федоров // Синонимия в языке и речи. – Новосибирск, 1970.

26. Федоров, А.И. Семантико-стилистические синонимические отношения в русской фразеологии конца XVIII – начала XIX вв. / А.И. Федоров // Синонимия в языке и речи: Докл. конф. 15–17 нояб. 1969 г. – Новосибирск, 1970.

27. Чепасова, А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов / А.М. Чепасова. – Челябинск, 1983.

28. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1968.

29. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Высш. шк., 1970.

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ НОМИНАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ, ВЫРАЖАЕМОЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ РАЗНЫХ СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ

Категория количества, или количественной определенности, связана с категориями качества и меры и представляет собой одну из наиболее абстрактных категорий мышления современного человека. Однако, будучи таковой по характеру, она вместе с тем является средством отражения некоторых основных свойств реальных вещей и явлений и находит принципиально адекватное выражение в языке [1, с. 98].

Адекватность выражения количественного значения проявляется в многообразии специальных средств, которыми располагает каждый современный язык: это определенные части речи, их формы и грамматические категории, словообразовательные средства. В русском языке количественное значение выражается числительными, некоторыми местоимениями, категорией числа существительных, категорией вида глаголов, формами степеней сравнения прилагательных и наречий, суффиксами [2, с. 161–164].

Многообразие средств выражения категории количества обусловлено сложностью количественного значения, его содержательным многообразием [3], а это последнее обусловлено, в свою очередь (18), качественным разнообразием предметов и явлений окружающей действительности, характеризующихся количественной определенностью. Самыми крупными составляющими этой категории являются: а) чистое количество; б) величина (*quantum*); в) степень [4, с. 313].

В русском языкознании категорию количества принято исследовать прежде всего на материале числительных, категории числа существительных, степеней сравнения прилагательных и наречий. О количественных значениях некоторых местоимений, категории вида глагола и таких же значениях, создаваемых префиксами, высказаны отдельные замечания в связи с решением других грамматических и словообразовательных проблем.

В настоящей статье, насколько позволит ее объем, будет предпринята попытка описать количественное значение, выражаемое фразеологиз-

мами как номинативными единицами языка, соотносительными по категориальному значению с разными частями речи. п. 1. Средством выражения чистого количества в лексике являются количественные числительные [2; 3; 5; 6].

Фразеологизмы не способны обозначить чистое количество, хотя имеют общекатегориальное и индивидуальное значение количества [7]. Ср. **непочатый край** (чего-либо) – ‘много’, **несть числа** (кому-,чему-либо) – ‘много’, **как сельдей в бочке** (кого-,чего-либо) – ‘много’; **в обрез** (чего-либо) – ‘мало’, **по пальцам сосчитать** (кого-либо) – ‘мало’, **за глаза** (чего-либо) – ‘много’, **с три короба** (чего-либо) – ‘много’, **с гулькин нос** (чего-либо) – ‘мало’, **до черта** (чего-либо) – ‘много’; **ни грамма** – ‘совсем нисколько’; **ни на йоту** – ‘нисколько’.

Диккенсы, Теккереи, У. Нуго кончились. Подражателям их **имя легион**, но они всем надоели (Л.Н. Толстой). Такие люди в полку всегда были в чести. Примеров тому **хоть отбавляй** (Сов. Россия, 1981, 16.08). Чем ближе к тому уголку, тем меньше шума, хотя народу – **яблоку негде упасть** (Комс. правда, 1968, 25.06). – Нынче то мы и то за счет ржи хлеба много государству сдали, хотя ее и посеяно было **с воробьиный нос**, – помог ему председатель (А. Иванов). **Два слова** о нашем умельце, любителе чеканки, или его соседе, увлекающемся выжиганием по дереву (Правда, 1978, 17.02).

Количественные фразеологизмы по характеру выражаемого значения делятся на два разряда: единицы, дающие положительную количественную характеристику предмету, и единицы, дающие отрицательную количественную характеристику. Единицы первого разряда обозначают неопределенно большое или неопределенно малое количество чего-либо, единицы второго разряда обозначают полное отсутствие какого-либо количества предметов или отсутствие какой-либо степени проявления процесса или признака и включают в свое количественное значение элемент качественной характеристики [8].

С числительными большинство количественных фразеологизмов сближает, кроме значения, способность сочетаться с конкретными считающимися, собирательными, вещественными и отвлеченными существительными в косвенных падежах, главным образом, в родительном.

Индивидуальные значения количественных фразеологизмов чрезвычайно разнообразны, так как сформировались из семантических элементов разных слов, ставших их компонентами; эти фразеологизмы строятся по моделям сочетаний слов, словосочетаний и предложений. Коли-

чественные фразеологизмы относятся к морфологически неизменяемым, и этим отличаются от числительных.

п. 2а. Число и величина находят языковое выражение в грамматической категории числа существительных и предметных фразеологизмов [7].

Категория количества делит все предметные фразеологизмы на две части.

В первую, самую малочисленную, часть входят единицы со значением лица, предмета, свойства-качества, процесса как предмета, например, **заклятый враг, простой смертный, бедный родственник, маменькин сынок, кисейная барышня, старая дева, виновник торжества, возмутитель спокойствия, визитная карточка, белая ночь, белое пятно, насиженное место, медвежий угол, злачное место, вещественное доказательство, азбучная истина, узкое место, черное дело, задняя мысль, первый шаг, сакраментальный вопрос, постановка вопроса** и др. Каждая из единиц этой части может сочетаться с количественными числительными, может обозначать одно лицо, явление, один предмет, факт и т.д. и больше одного, при этом индивидуальное фразеологическое значение в формах ед. и мн. чисел остается тождественным самому себе, а грамматическое значение точно соответствует числовой форме.

Ср. Планета Земля изучена, белых пятен на ней не осталось. И все же Землю мы знаем неважно (Комс. правда, 1972, 15.10). Значит, слава метеостанциям? Увы, почти 80% поверхности земного шара для них белое пятно (Комс. правда, 1972, 27.07).

Связь с грамматической категорией числа фразеологизмов первой части и существительных, ставших грамматически главными компонентов этих единиц, одинаковая.

Фразеологизмы первой части являются семантической и грамматической базой категории количества всех предметных фразеологизмов, в них особенно отчетливо обнаруживается качественно иной характер количественного значения по сравнению с родовым.

Во второй части находятся все другие предметные фразеологизмы, которые охватываются семантико-грамматической категорией количества, а не грамматической категорией числа.

По своим семантическим и грамматическим свойствам фразеологизмы второй части не едины и составляют несколько объединений, разных по количеству входящих в них единиц и по количественному значению.

1. В первое объединение входят фразеологизмы, обозначающие лицо, но не содержащие в этом обозначении указания на пол лица. Например, **мокрая курица, отрезанный ломоть, пятое колесо, переметная сума** и т.п. Такие единицы обозначают и одновременно характеризуют лицо вообще, объединяя в этом обозначении и в этой характеристике лиц обоего пола и приписывая определенное(-ые) качество(-а) каждому, в ком оно(-и) обнаружено(-ы). Фразеологизмы первого объединения употребляются только в форме единственного числа со значением класса.

2. Следующее объединение составляют единицы, обозначающие совокупность лиц, предметов, мыслимых как коллективное или собирательное единство. Фразеологизмы этого объединения в свою очередь делятся на четыре группы. В первой группе находятся многозначные фразеологизмы, которые, если обозначают одно лицо, то входят в первое объединение, а если обозначают совокупность, то – в первую группу второго объединения. Например, **белая кость, черная кость, денежный (золотой) мешок, дойная корова, жеребьячья порода, живой товар, мелкая сошка, плоть от плоти, пустая порода, пятая колонна**. Значение совокупности сочетается с формой единственного числа у большинства единиц этого объединения. Во второй группе находятся фразеологизмы, тоже обозначающие совокупность, но имеющие форму множественного числа – **отцы города, отцы и дети, горячие головы, злые языки, мертвые души** и т.п.

В третьей группе объединяются фразеологизмы, у которых форма множественного числа грамматически главных компонентов совмещает значение раздельного множества со значением парности, например, **золотые руки, рабочие руки, рожки да ножки**. В четвертой группе объединены фразеологизмы, грамматически главные компоненты которых выражены субстантивированными прилагательными, причастиями в форме множественного числа, например, **великие мира сего, сильные мира сего, власть имущие (предержавшие), сильные духом, иные прочие, молодые и старые**. В эту же группу входят фразеологизмы, у которых форма числа главного компонента и его количественное значение без других компонентов уже имеет значение нераздельного множества, поэтому другие компоненты только усиливают названное количественное значение, например, **все без исключения, все до одного, все и вся, все и каждый**. Единицы с компонентом **все** характеризуются самой низкой степенью обобщенности фразеологического значения.

3. Третье объединение, тесно связанное со вторым, самое малочисленное и самое нехарактерное для фразеологии, составляют единицы, которые, как и вещественные существительные, обозначают массу, вещество, материал, например, **длинный рубль, звонкая монета, красный товар, круглая сумма, птичье молоко, хлеб (и, да) соль, чертова зелье, чертова кожа, белые мухи, золотые (золотые) горы, бешеные деньги** и некот. другие.

Во фразеологизмах названного объединения несоотносительные формы единственного и множественного числа имеют значение недискретного, непрерывного количества, масса множества, обозначаемого этими единицами, может быть только измерена [2]. Причем формой единственного числа подчеркивается прежде всего качественное своеобразие, а затем уже величина данного вещества. Формой множественного числа, напротив, подчеркивается большое количество вещества, его масса, нераздельная множественность. Некоторые единицы третьего объединения способны быть обозначением и собирательного и вещественного множества. Например, **золотой фонд, всякая всячина, плоть от плоти, то да се.**

4. Четвертое объединение, самое многочисленное по количеству входящих в него единиц, составляют фразеологизмы, обозначающие события, деятельность, свойства, состояния, процессы как предметы. Семантическое свойство фразеологизмов обозначать какое-то отвлеченное понятие, как и такое же свойство отвлеченных существительных, наиболее точно передается в русском языке формой единственного числа.

Количественное значение форм числа отвлеченных существительных Ф.Ф. Фортунатов, О.С. Ахманова, А.Н. Гвоздев, В.В. Виноградов называют значением класса, вида, рода. Однако в русском языкознании высказывалось и другое мнение. В.Н. Мигирин [6] считал, что формы единственного и множественного числа вещественных и неодушевленных существительных являются пустыми, не содержащими количественного значения [6, с. 134]. Из этого положения В.Н. Мигирин следует, что категория числа значима и присуща только одной части существительных – конкретным, считаемым, все же другие существительные лишены количественных значений, так как язык, будучи «слеп», «ставит грамматическое клеймо и на таких лексемах, которые в нем не нуждаются» [6, с. 134]. Несостоятельность названной концепции легко обнаруживается в том, что допускается существование качественной определенности без количественной определенности, то есть утверждается, что существи-

тельные типа пшеница, рожь, сметана, отруби, золото, кислород, обладают только качественным своеобразием и лишены количественной определенности; разделяя указанную концепцию, нельзя правильно объяснить, почему возможны в языке такие формы – **радость и радости, труд и пять трудов, поход и три похода, направление и направления, скорость и скорости** и т.п.

Количественное значение «единственности», монолитности, цельности, выражаемое формой единственного числа у фразеологизмов четвертого объединения, является основным, оно поддерживается у этих номинативных единиц исключительно грамматическим средством – отсутствием формы множественного числа. Другого средства выражения названного количественного значения, например, словообразовательного, у большинства единиц этого объединения нет. Ср. **позорный столб, твердая рука, фиговый лист (-ок), палка о двух концах, ахиллесова пята (пятка), гордиев узел, корень зла, краеугольный камень**.

У меньшей части фразеологизмов названное количественное значение поддерживается еще семантическими и морфемными свойствами их грамматически главных компонентов. Напр., **олимпийское спокойствие, злоба дня, вступление в силу, переоценка ценностей** и др. К этой же части примыкают фразеологизмы, грамматически главные компоненты которых не имеют специальных суффиксов отвлеченности, например, **кавалерийский наскок, отвод глаз, выход из положения, шаг вперед, задняя мысль, запас прочности, замкнутый круг** и т.п. И, наконец, меньше всего в четвертом объединении фразеологизмов, имеющих количественное значение единичности, так широки и обобщены обозначаемые ими понятия. Например, **тот свет** – в религиозных представлениях 'загробный мир', **ад крошечный** – 'что-либо мучительно трудное, невыносимая обстановка'.

Исключительно малочисленны в четвертом объединении фразеологизмы, имеющие несоотнесительную форму множественного числа типа родовые муки, общие фразы, подводные камни, телячьи нежности, громкие слова, ослиные уши, воздушные замки и некоторые др. Такими единицами выражается количественное значение сложности, протяженности, интенсивности, длительность чувства, состояния, переживания, признака, свойств и т.п., их непрерывная множественность.

п. 2б. Весьма немногие предметные фразеологизмы выражают количественное значение своим индивидуальным фразеологическим значением, и в этом свойстве они похожи на существительные типа **боль-**

шинство, множество, меньшинство, класс, часть, разряд, доля и др.под. Например, **девятый вал, капля в море, куча (-) мала, львиная доля, малая толика, тьма тьмущая, удельный вес, коэффициент полезного действия, узкий круг, широкий круг, широкий фронт, самая малость** и некоторые др.

Некоторые из фразеологизмов, о которых здесь идет речь (например, **львиная доля, малая толика**), занимают промежуточное положение между предметными и количественными единицами. В таких фразеологизмах утрачена почти полностью способность иметь соотносительную форму числа, резко ограничена падежная парадигма. Так, у единицы **львиная доля** наиболее частотными являются формы именительного и винительного падежей, у единицы **малая толика** особенно частотна форма винительного падежу без предлога.

п. 2в. Количественное значение степени получают или имеют лишь отдельные предметные фразеологизмы. Своеобразие этого значения – ‘сравнительная величина, характеризующая размер, интенсивность, меру качества, и т.п. чего-либо; мера чего-либо’ – находит выражение в нескольких языковых средствах. Прежде всего, значение степени может быть индивидуальным значением фразеологизма, например, **геометрическая прогрессия** – ‘очень быстрое увеличение чего-либо’; затем значение степени могут получать собирательные единицы, ср. **соль земли** – ‘лучшие люди страны, человечества’ в форме **соль соли земли** получает значение высокой степени. Некоторые фразеологизмы с количественным значением, описанные в предыдущем пункте, развивают значение степени, о чем свидетельствуют лексические значения сочетающихся с фразеологизмом слов, ср. **увеличивается, растет, уменьшается** и т.п. **удельный вес**; или аналитическая форма степени сравнения грамматически подчиненного компонента, например, **самый, более широкий круг, узкий круг**. Наконец, значение степени выражается в предметных фразеологизмах морфемными средствами и специальными формами грамматически подчиненных компонентов. Причем последними способами значение степени выражается в разных по индивидуальному и субкатегориальному значению единицах, например, **сильнейшие мира сего; сверхдлинный рубль, позавчерашний день** чего-либо; **наивысшая точка, позорнейший столб; широчайший круг, шире круг, широк круг**.

п. 3. Количественное значение у призначных фразеологизмов может входить в индивидуальное значение каждой единицы и может быть

внешним проявлением категориального значения признака – формой согласования с определяемым существительным.

Количественное значение, как элемент индивидуального значения, в призначных фразеологизмах существует в таких разновидностях: в значении единственности, уникальности, в значении множественности, сложности и в значении степени проявления признака.

п. 3а. Первую разновидность значения имеют единицы типа единственный в своем роде, один (-) одинешенек, один (-) единственный, один и тот же, первый... последний, первый встречный, первый попавшийся. В названных и подобных единицах количественное значение находится в разных соотношениях с элементом качественного значения. Так, тавтологизмом **один(-)единственный** и единицей **первый... последний** подчеркивается значение единственности, их семантическую структуру можно передать сочетаниями – ‘только один, всего один’. Названное значение у единицы **один(-)единственный** подчеркивается в предложении различными лексическими средствами. Ср. Лишь **одна-единственная** нервная клетка обладает многими миллиардами степеней свободы своих действий (П. Анохин). Машины могут дать тысячи вариантов проекта и из них выбрать **один-единственный**, оптимальный (Комс. правда, 1967, 18.11). Четверть века потратил он на определение структуры молекулы одного белка. **Одного единственного** (Комс. правда, 1973, 01.09).

У фразеологизма **первый... последний** количественное значение видоизменяется в зависимости от того, какие неударные компоненты связывают ударные. Так, если компоненты связаны бывшим союзом **и**, фразеологизм имеет значение ‘один, всего один’, если же компоненты связаны бывшим союзом **но** с отрицанием **не**, фразеологизм имеет значение ‘начальный в ряду других’, и наконец, если фразеологизм имеет модель **не первый и не последний**, его значение – ‘средний в ряду других’. Ср. Это была **не первая и не последняя** буржуазная газета в Англии, принесенная на алтарь капитала (Правда, 1970, 05.05). Не сбылись чаяния иных ее (Лебяжки – А.Ч.) жителей остаться в стороне от этой напасти. Устинов – ее **первая, но не последняя жертва** (Правда, 1976, 04.05). Было самое начало марта, и шел мокрый снег – **первый и последний** снег той далекой зимы 1921 года (Комс. правда, 1972, 17.06).

Во фразеологизме **единственный в своем роде** элемент количественного значения сосуществует с элементом качественного значения ‘исключительный, своеобразный, оригинальный’, а во фразеологизмах

первый встречный и **первый попавшийся** элемент значения 'начальный' сосуществует с элементами значений 'любой', 'случайный', 'оказавшийся ближайшим'.

Во фразеологизме **один и тот же** в одинаковой мере представлены элементы количественного и качественного значений – 'один' и 'одинаковый, тождественный'.

Вторую разновидностью количественного значения множественности, сложности имеют единицы типа **все без исключения, все и вся (-кие, -ческие), все до одного (единого), вместе взятое(-ые), от (с) первого до последнего, большие и малые, стар (-ый) и млад (малый)**.

Причем в единицах типа **все без исключения, все и вся (-кие, -ческие), все до одного (единого), от (с) первого до последнего, большие и малые** указанное количественное значение дополнительно выражается специальной синтаксической организацией фразеологизма – сочинительной связью компонентов, употреблением предложных конструкций от (с) – до, соединением внутри одной единицы синонимически сближенных или антонимических компонентов.

Единицы **все без исключения, все и вся (-кие, -ческие), большие и малые** и др. подобные омонимичны предметным единицам с собирательным значением. См. п. 1 настоящей статьи.

Фразеологизмами второй разновидности выражается разная степень множественности, сложности и разные соотношения элементов количественного и качественного значений. Ср. с одной стороны, **все до одного**, с другой стороны, **вместе взятое(-ые)**.

п. 3б. Фразеологизмы с описанными выше разновидностями количественных значений составляют одну, очень небольшую часть признаков единиц. В другую часть объединяются фразеологизмы с количественным значением степени.

По грамматическим свойствам фразеологизмы второй части делятся на два больших разряда – морфологически изменяемые и морфологически неизменяемые. В единицах первого разряда категориальное, субкатегориальное и индивидуальное значения признака имеет формальные показатели названного значения, сосредоточенные в одном из компонентов фразеологизма. В единицах второго разряда признающее значение не имеет специальных формальных показателей. К единицам первого разряда относятся **не чист(-ый) на руку, битком набит(-ый), из ряда вон выходящий, крепкий(-ая), (-пок, -пка) на ухо, туг(-а,-ая,-ой) на ухо, тяжел(-ый) на подъем, легок(-ка) на подъем, тяжел(-ый, -а) на руку, ле-**

гок (-ка) на помине, цел и невредим, слаб(-оват) в коленках, коротко знаком (-а,-ы), равен(-вна) нулю, рад(-а) радешенек(-шенька), ни жив ни мертв; как в воду опущенный, как каменный, как мертвый, как потерянный, как ошпаренный, как зачарованный, как одержимый, как прикованный, как сумасшедший, как шальной и др.

Значение высокой или малой степени в названных и подобных единицах поддерживается краткими формами грамматически главных компонентов или компонентов как наиболее отчетливо передающими значение степени как сравнительной величины.

Морфологически неизменяемые призначные фразеологизмы представлены в современном русском языке большим количеством единиц, чем морфологически изменяемые. К ним относятся единицы типа с **маленькой буквы**, с **большой буквы**, **семи пядей во лбу**, с **иглочки**, **первой руки**, **средней руки**, **большой руки**, **старого закала**, **второго сорта**, **высокой пробы**, **на все руки**, **на голову (на несколько голов) выше**, **в годах**, **во всей красе**, **во всей полноте**, **во всем блеске**, **в (полном) цвету**, **в (полном) разгаре**, **во цвете лет**, **в долгу**, **на высоте**; **без сучка (и) без задоринки**, **не на жизнь, а на смерть**; **как в раю**, **как на иголках**, **как в лихорадке**, **как рыба в воде**, **как на углях**, **как дома**, **как с гуся вода**, **как бык**, **как воздух**, **как жар**, **как заяц**, **как зверь**, **как камень**, **как огонь**, **как лев**, **как лунь**, **как мел**, **как ночь**, **как рак**, **как полотно**, **как собака**, **как стеклышко**, **как тень**, **как уголь** и мн. др. В индивидуальных значениях названных и подобных единиц не только сосуществуют, но уравновешены элементы качественного значения и элементы разной степени проявления признака от низкой через среднюю к высокой. Формированию названного количественного значения в одних единицах способствовали элементы лексических значений слов, ставших компонентами, ср. с **маленькой буквы** – ‘незначительный по достоинствам’, с **большой буквы** – ‘значительный по достоинствам’, **семи пядей во лбу** – ‘очень умный, талантливый’, **второго сорта** – ‘утративший часть положительных качеств или не имевший их’; в других единицах к влиянию семантических элементов слов-компонентов добавились особенности синтаксической организации фразеологизма (имеем в виду единицы с сочинительной связью и с компонентом как); в третьих – значение некоррелятивной (предложно-падежной формы – **в годах**, **на высоте**).

Обращает на себя внимание функциональная специализация описываемых в настоящем подпункте единиц – они чаще всего бывают при-связочной частью именного сказуемого.

Необходимо отметить, что лингвисты, исследовавшие некоторые из приведенных и подобных фразеологизмов, не обратили внимания на описанную выше особенность их категориального, субкатегориального и индивидуального значения [10; 11].

п. 3в. Формы единственного и/или множественного числа в изменяемых призначных фразеологизмах типа **как таковой(-ая, -ое, -ые), свой(-я, -е,-и) собственный(-ая, -ое, -ые), легкий(-ая, -ие), легко, легка (-и) на подъем, вместе взятое(-ые)** являются прежде всего показателями количества предметов, определяемых фразеологизмами, и лишь в последнюю очередь показателями того или иного количественного значения, содержащегося в индивидуальном значении призначной единицы.

п. 4. Качественно-обстоятельственные фразеологизмы [7], как и некоторые наречия, в субкатегориальных, групповых и индивидуальных значениях могут содержать или полностью выражать количественное значение степени. Названное общее значение реализуется в нескольких частных: а) интенсивность, высокая степень проявления действия или признака; б) полнота, исчерпанность действия; в) средняя степень проявления действия, признака; г) низкая степень проявления; д) высокая скорость движения; е) протяженность действия во времени или пространстве; ж) постепенность действия; з) периодичность, повторяемость его.

Со стороны интенсивности, высокой степени проявления характеризуют действие или признак единицы типа **с (одного) маху (-а), с размаху, с плеча, до пят, до слез, до смеху, с закрытыми глазами, в мыле, в высшей степени, благим матом, за (под) семью замками, как две капли воды, как свои пять пальцев, как небо от земли, на (во) все корки, во всю ивановскую, огнем и мечом, в пух и прах, (и) в хвост и в гриву.** Значение этих и подобных единиц точнее всего передается наречиями **легко, сильно, очень, крепко, полностью.** Фразеологизмы с названным значением чрезвычайно многочисленны и структурно разнообразны в современном русском языке. К предыдущему значению близко значение полноты, исчерпанности действия, выражаемое фразеологизмами типа **от слова до слова, от доски до доски, от начала до конца, из конца в конец, вдоль и поперек, с полной выкладкой, с полным правом, с корнем, со всеми потрохами, с полной отдачей, до предела, на (все) сто процентов.** Значение средней степени проявления действия или признака имеют единицы типа **более или менее, в большей или меньшей (степени, мере), в той или иной (степени, мере)** и некоторые другие. Значение низкой степени проявления действия или признака содержится в

единицах **спустя рукава, краем (краешком) глаза, одним глазком, из последних сил, на живую нитку, через час по чайной ложке.**

Чрезвычайно разнообразны в языке фразеологизмы, выражающие значение высокой скорости движения, синонимичные наречию **быстро**. Единицы с названным количественным значением образуют многочисленные синонимические ряды. Ср. **во весь опор, во все лопатки, во всю прыть**, [10], **на всех парах; на всех парусах, без памяти, без оглядки, сломя голову, как молния, как стрела, как ветер, как от чумы, как безумный, как ошпаренный, как птица, как на пожар** [11].

Качественно-обстоятельственные фразеологизмы могут выразить количественное значение протяженности действия во времени или пространстве, например, **из поколения в поколение, из рода в род, из века в век, из года в год, изо дня в день**; значение постепенности действия – **час от часу, шаг за шагом, год от года, день ото дня, капля за каплей, капля по капле**, и значение периодичности, повторяемости, например, от случая к случаю, время от времени и некоторые другие.

Количественное значение степени в качественно-обстоятельственных фразеологизмах сочетается с элементом качественного значения, причем элемент последнего почти во всех единицах осознается носителями языка в первую очередь, а элемент количественного значения как бы оттесняется на второй план. Элементы количественного значения более отчетливы лишь в единицах, содержащих компоненты со значением множества, точного количества и т.п.: **за (под) семью печатями, во все горло, во все лопатки, на все сто процентов, одним глазом (глазком)**.

п. 5. Процессуальные фразеологизмы [7], как и глаголы, выражают количественное значение степени. По этому признаку они объединяются в один разряд с призначными и качественно-обстоятельственными, в разряд «называющих признаков», а не разряд «называющих предметных» [12, с. 35-46]. В соответствии с типом категориального значения количественное значение реализуется в процессуальных фразеологизмах в нескольких разновидностях: а) в значении протяженности во времени, например, **проливать/пролить свет, пропускать/пропустить мимо ушей, отдавать/отдать должное, открывать/открыть Америку, отдавать/отдать душу, пускать/пустить в ход, подводить/подвести черту, проходить/пройти мимо**; б) в значении интенсивности, например, **вставать/встать горой, вставать/встать грудью, выводить/вывести из строя, выходить/выйти из себя, выбивать/выбить почву из-под ног, выбивать/выбить из колеи, не давать/не дать покоя, не давать/не дать**

спуску; в) в значении неопределенной протяженности во времени, например, **обивать пороги, отдавать себе отчет, пожинать плоды, поедом есть, надрывать душу, не помнить себя, выкручивать (выламывать) руки, души не чаять, драть шкуру, места себе не находить, не спускать глаз, лезть из кожи, ломать голову, наводить ужас, вставлять палки в колеса, валяться в ногах, зубы заговаривать**; г) в значении полноты действия, например, **надуть в уши, намылить шею, набить оскомину, навязнуть в зубах, нагреть руки, наломать бока**; д) в значении сложности – **камня на камне не оставить, пускать/пустить корни, по (на)греть руки, поставить на ноги – ‘вылечить’**; е) в значении высокой скорости движения – **не чувствовать (слышать) ног под собой, понести ноги, уносить ноги, обращать/обратить в бегство**; ж) в так называемом накопительном значении – **обвести вокруг пальца**; з) в значении сопроводительности – **подливать масла в огонь; подбрасывать камни (кашечки) в огород**; и) в значении ограничительности – **поломать голову, пообивать пороги, повалиться в ногах**; к) в значении многократности – **одерживать верх (победу), прописывать ижицу**; л) в значении начального момента действия – **полезть в бутылку, полезть из кожи, заварить кашу**; м) в значении распределительности – **разложить по полочкам, расхлебывать/расхлебать кашу, распускать/распустить слухи**.

Количественное значение в процессуальных единицах (имеем в виду фразеологизмы и глаголы) выражается несколькими способами. Первым из них мы считаем грамматическую категорию вида, охватывающую основную массу процессуальных единиц. Об этой функции вида в глаголе убедительно пишет В.Н. Мигирин [6, с. 151–177]; П.А. Соболева [13, с. 5] отмечает «глубинное родство» категории числа существительного и вида глагола. За категорией вида следуют способы глагольного действия. В обоих названных способах значение степени выражается глагольным компонентом, его морфемами. Некоторые разновидности количественного значения – сложности, интенсивности, повторяемости – находят выражение в форме числа именного компонента. Ср.: **навести справки и справку; ломиться в открытые двери и открытую дверь; поднимать головы и голову; давать советы и совет; ставить точки и точку; приложить руки и руку; ставить точки над і и точку; ломать головы и голову; одержать победы и победу**. Роль числовой формы именного компонента особенно возрастает в тех случаях, когда глагольный компонент употребляется в форме деепричастия или инфинитива, ср. **давая советы, делая визиты, одерживая победы, стали ломать головы, принялся**

наносить удары, молодежь успела подать голоса. Значение степени может быть подчеркнуто характером индивидуального значения фразеологизма, ср. **обращают в бегство**, а также синтаксической организацией его, ср. **как ветром сдуло, как рукой сняло**.

Есть у процессуальных единиц, как разновидности признаков, морфологически изменяемых, и внешние показатели количества – флексии единственного и множественного числа глагольного компонента, которые указывают на количество действующих лиц.

Категорию вида мы считаем почти универсальным способом выражения количественного значения в процессуальных единицах потому, что она характеризует действие с точки зрения его протяженности во времени независимо от точки отсчета, характеристика по протяженности во времени есть количественная характеристика действия [3].

Способы глагольного действия по сути своей также являются средством выражения только количественной характеристики действия, а не временной и количественной [14; 15].

Категория количества имеет во фразеологии те же три разновидности – числа, величины, степени; значение каждой из разновидностей органически связано с характером номинативного значения отдельного фразеологизма и типом категориального значения одного класса фразеологизмов. Оказалось, семантическая структура категории количества во фразеологии не тождественна семантической структуре одноименной категории в лексике. Различия проявляются, во-первых, в том, что значение дискретного количества во фразеологии остается лишь в части предметных фразеологизмов, способных обозначать один предмет или раздельное их множество и сочетаться с количественными числительными, всеми же другими классами, включая и большую часть предметных, выражается значение величины и степени. Во-вторых, значение степени в классе прилагательных и некоторых наречиях выражается грамматической категорией степеней сравнения, а в призначных и качественно-обстоятельственных фразеологизмах названная грамматическая категория не функционирует.

Фразеологизмы, выражающие количественные значения, как и лексемы, служат адекватному выражению в языке универсальной категории количества.

Выражают количественное значение во фразеологизмах грамматические категории, категориальные, субкатегориальные, групповые, индивидуальные значения фразеологических единиц и морфемы, функ-

ции последних проявляются специфично в связи с качественными изменениями слов, ставшими компонентами фразеологизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 230 с.
2. Панфилов, В.З. Философские проблемы языкознания / В.З. Панфилов. – М.: Наука, 1977. – 287 с.
3. Философская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. – Т. 2. – 1962; т. 3, 1964.
4. Ленин, В.И. Философские тетради / В.И. Ленин // Соч. – Т. 38, изд. 4. – 644 с.
5. Панфилов, В.З. Категории мышления и языка. Становление и развитие категории количества в языке / В.З. Панфилов // Энгельс и языкознание. – М.: Наука, 1972. – С. 107-134.
6. Мигирнин, В.Н. Язык как система категорий отображения / В.Н. Мигирнин. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 236 с.
7. Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов / А.М. Чепасова. – Челябинск, 1974. – 100 с.
8. Шумилова, Г.Г. Семантико-синтаксические свойства фразеологизмов модели не или ни + падежная форма существительного в современном русском языке / Г.Г. Шумилова. – Челябинск, 1980.
9. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – Изд. 2-е. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
10. Соловьева, А.Д. Фразеологические единицы с фразообразующим компонентом-существительным в форме винительного падежа / А.Д. Соловьева. – Челябинск, 1973.
11. Игнатьева, Л.Д. Структурные и семантические свойства фразеологических единиц с фразообразующим компонентом как в современном русском языке / Л.Д. Игнатьева. – Челябинск, 1973.
12. Уфимцева, А.А. Семантика слов / А.А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 5-80.
13. Соболева, П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П.А. Соболева. – М.: Наука, 1980. – 294 с.
14. Авилова, Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова / Н.С. Авилова. – М.: Наука, 1976. – 327 с.
15. Современный русский язык. – М.: Просвещение, 1981. – Ч. II. – 270 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ ДУХ, ДУША, СЕРДЦЕ

Современная фразеология, как и русистика в целом, в течение XX века активно развивалась в лоне системно-структурного языкознания: в ней одновременно характеризовались семантические свойства и отношения фразеологических единиц, разрабатывались концепции синтаксической организованности их, предпринимались классификации выявленных единиц, определялись закономерности функционирования во фразеологизмах морфологических и синтаксических категорий, описывались типы структурного варьирования. Не менее активно развивалась диахроническая и диалектная фразеология.

Фразеологам удалось выявить такие фундаментальные свойства фразеологических единиц, как соотносительность их значения с значением слов той или иной части речи; качественные преобразования слов в составе фразеологического целого; обобщенность и широту значения, часто превосходящую лексемы по этому признаку, более длительный период существования в языке многих единиц по сравнению с периодом существования отдельных слов и форм, что делает фразеологизмы своеобразными «хранителями» значений значения(-ий), перешедших из прошлого в настоящее и пригодных для языка будущих поколений.

Однако, несмотря на объективно большие достижения, русская фразеология не располагает учением о функциональной стороне фразеологизмов, об их роли в выражении человеческой природы – деятельности человека, его мыслей, чувств, оценок, характере отношений к другому человеку, обществу, природе, в выражении картины окружающего мира. Нет пока ответа на принципиальные вопросы о том, представляет ли фразеологический состав функциональную систему и если представляет, то каково ее строение и как она связана со структурной и семантической системами. Изучение фразеологии с функциональной стороны должно привести в конечном счете к созданию концепции антропоцентрической фразеологии как части антропоцентрического языкознания. Начало такому изучению фразеологии

уже положено в работах ряда исследователей – Л.А. Ивашко, Т.Г. Никитиной, Т.В. Бахваловой, Л.А. Гараевой и др.

В настоящей статье предпринята попытка выявить функциональные свойства фразеологизмов, обозначающих эмоционально-психические состояния человека как результаты психических процессов. Для анализа отобраны единицы с компонентами *дух*, *душа*, *сердце*, обладающими большими фразообразовательными способностями. Каждая из лексем некоторыми своими значениями обозначает психический мир человека. *Дух* – 1. Психические способности, сознание, мышление. 2. Внутреннее состояние, моральная сила человека, коллектива [1, т. I, с. 618]. *Душа* – 1. Внутренний психический мир человека; его переживания, настроения, чувства и т.п. 2. Совокупность свойств, черт, присущих личности; характер человека [1, т. I, с. 619–620]. *Сердце* – 2. Этот орган как символ средоточения чувств, переживаний, настроений человека. 3. Душевный мир человека, его переживания, настроения, чувства. 4. Разг. Гнев, раздражение [1, т. 4, с. 111]. Как видно, душевное состояние человека обозначается существительными только как данность, «относительно статический момент» [2, с. 267]. Фразеологизмы, сохраняя семантическую и грамматическую связь со «своими» существительными, образуют особую совокупность, характеризующуюся определенными структурно-системными и функциональными свойствами.

Самыми малочисленными среди анализируемых единиц оказались предметные, обозначающие состояние как предмет: *расположение духа*, *присутствие духа*, *большое сердце*. Особенно употребительным в языке XIX и XX вв. является фразеологизм *расположение духа* – 'настроение'. В психологии настроением называют общий эмоциональный фон [2, с. 407]. Фразеологизм *расположение духа* употребляется говорящим в разных целях. Во-первых, для обозначения состояния, в котором пребывает человек в определенной обстановке. Характер этого состояния конкретизируется прилагательными типа *веселое*, *грустное*, *серьезное* или *известное послеобеденное*, *(самое) счастливое*, *умильное*, *довольное*, *доброе*, или *(самое) хорошее*, *прекрасное*, *дурное*, *отличное*, *неприятное*. Значение пребывания человека в каком-либо *расположении духа* подчеркивается семой бытия компонента *расположение* и глагольными формами семантической категории бытия – *был*, *бывал*, *находился*, *сидел*, *чувствовал себя* и формой предложного падежа с предлогом *в*. Во-вторых, фразеологизмом говорящий обозначает недействительное состояние как следствие влияния определенных причин: Яков

никогда не бывал в хорошем расположении духа, так как ему постоянно приходилось терпеть страшные убытки (А.П. Чехов, т. 8, с. 336). У Бутлера никого не ранило, и он возвращался в самом веселом и добром расположении духа (Л.Н. Толстой, Хаджи Мурат, т. 14, с. 89). Генерал недавно отпраздновал свое 65-летие и находился в отличном расположении духа, вспоминая свой визит в Москву (Комс. Правда, 7 марта 1967). В-третьих, фразеологизм может быть употреблен для обозначения эмоционального состояния как процесса, проявляющегося во времени. Счастливое расположение духа начальства после смотра перешло и к солдатам (Л.Н. Толстой. Война и мир, т. 1, стр. 152). ...получив из рук Якова Лукича просторный дубленый полушубок, вновь пришел в отличное расположение духа (М.А. Шолохов. Поднятая целина). Значение состояния как процесса подчеркивается глагольными формами наводили, входил, перешло, пришел и подоб., и формами косвенных падежей, управляемых названными глаголами.

Так же малочисленными, но частотными в современном языке являются призначные фразеологизмы *в духе* – 'такой, в общем душевном состоянии которого преобладают положительные (легкие, созидательные) эмоции; антонимичный первому *не в духе* – 'такой, в душевном состоянии которого преобладают тяжелые, отрицательные эмоции (раздражение, гнев, досада, угрюмость); многозначный *без души* – 1) такой, который испытывает яркое положительное чувство (радость, восторг) без отчетливого его осмысления; 2) такой, который испытывает сильное, безотчетное отрицательное чувство (страх, ужас); синонимично-вариантные *по душе(-ам)* и *по сёрдцу, по сёрдцу* – 'соответствующий эмоционально-психическому складу, настроению кого-либо'.

Названные и подобные единицы употребляются для обозначения эмоционально-психического состояния как признака, постоянно присущего лицу или проявляющегося в разные по долготе промежутки времени. Наиболее частотным в этом разряде является фразеологизм *не в духе*, обозначающий не осмысленное или не вполне осмысленное состояние. Володя не то чтоб был *не в духе*, когда уже почти ночью подъезжал к большому мосту через бухту, но он ощущал какую-то тяжесть на сердце (Л.Н. Толстой. Повести и рассказы, с. 124). Чернышев, тотчас же по лицу и, главное, глазам Николая понял, что он нынче был особенно *не в духе* (Л.Н. Толстой. Хаджи-Мурат, т. 14, с. 30). В предложении встречается со связками двух форм времени – настоящего и прошедшего, причем в форме настоящего времени в два раза чаще, чем в форме прошедшего

времени. Синтаксическое время выражается в основном связкой быть, единичных случаях – самостоятельными глаголами или процессуальными фразеологизмами – *просыпается, чувствуешь себя, сделался*, причастием *сделавшийся*; так же единичны употребления фразеологизма в ряду однородных сказуемых – *был занят и не в духе, – не в духе и начинаешь попрекать, был не в духе, бранил; был недоволен и не в духе*. Эмоционально-психическое состояние нередко оценивается говорящим по степени интенсивности – *сильно, очень, особенно, явно, немножко, чуточку*. На преходящий характер состояния указывают наречия, предложно-падежные и количественно-именные сочетания со значением времени – *сегодня, утром, нынче, в это утро 1 января, когда, иногда, два дня*; на непреходящий характер состояния указывают отдельные лексемы и сочетания – *все время, всегда*. Нередко в тексте эмоционально-психическое состояние, выражаемое фразеологизмом, характеризуется как причина какого-либо другого действия, или, напротив, как следствие, вызванное каким-либо действием, событием, обстановкой. Причину появления состояния говорящий может предполагать. Названные причинно-следственные отношения выражаются соответствующими средствами: наречиями, предложно-падежными формами или структурой сложного предложения. Я уже дома, но работаю отвратительно, так как чувствую себя сильно *не в духе* (А.П. Чехов, т. 16, с. 19). Он еще не совсем очнулся от сна и потому *не в духе* (А.П. Чехов, т. 9, с. 325). Лабашкин, видя, что он (Троекуров) *не в духе*, поклонился и спешил удалиться (А.С. Пушкин, Дубровский, т. 5, с. 166). Оттого ли он был *не в духе*, что приезжал князь Василий, или оттого он был особенно недоволен приездом князя Василия, что был *не в духе* (Л.Н. Толстой. Война и мир, т. 1, с. 272). /Сорин/: Отчего сестра *не в духе*? (А.П. Чехов. Чайка, т. 9, с. 231).

Для выражения предельно пластичных, непрерывных проявлений психики, «психического как процесса» [2, с. 266], порождающего те или иные продукты или результаты (психические состояния и образы, понятия, чувства и т.д.), в русском языке служат, кроме глаголов, процессуальные фразеологизмы, построенные по двум типам синтаксических моделей-словосочетаний и предложений – *воспарить духом (мыслью), воспрянуть духом, падать/пасть (упасть) духом, поднять дух кого-, чего, собраться с духом, вымотать (всю) душу из кого-л., отвести душу, души не чаять в ком-л., болеть душой за кого-, что-л., хватать за душу кого-л., держать (иметь) сердце на кого-л., сорвать сердце на ком-л., принимать/принять близко к сердцу и др.; душа (сердце) болит за кого-л., что-л., душа не лежит к чему-л., душа не принимает, душа ушла (уходит) в пятки, на душе кошки скребут,*

сердце взвыгало, сердце отошло (отойдет), от сердца отошло (отойдет), сердце падает, сердце оборвалось (дрогнуло), ударило в сердце и др.

Фразеологизмы, построенные по названным моделям и имеющие в качестве компонентов имена *дух, душа, сердце*, употребляются для обозначения психических процессов, замыкающихся в самом субъекте, или направленных на объект. Динамичность того или иного психического процесса выражается прежде всего содержательной и грамматическими семами глагольного компонента, а разновидность процесса – одной из сем именного компонента. Обращает на себя внимание следующий факт – глагольные компоненты в массе своей вне фразеологизмов в своих первых значениях обозначают зримые, конкретные физические действия, движения: *хватать* (хватать за сердце), *падать/пасть (упасть)* духом, *поднять* (поднять дух), *собраться* (собраться с духом), *держаться* (держаться за сердце кого-л.), *срывать/сорвать* (срывать/сорвать сердце на ком-л.), *принимать/принять* (принимать/принять близко к сердцу), *уйти* (душа ушла в пятки) и др. подоб. В составе фразеологизма глагольный компонент утрачивает дифференциальную сему движения или конкретного физического действия, но сохраняет категориальную сему «действие вообще» и формы морфологических категорий, чем придает всему фразеологизму категориальное значение активного, развивающегося процесса, на первый взгляд как бы незримого. Фразеологизмы со значением направленного процесса, как правило, обозначают активные чувства в отличие от фразеологизмов со значением состояния, замыкающегося в сфере субъекта, поэтому первые можно называть чувства-отношения, а вторые – чувства-состояния.

Наличие/отсутствие объекта или обстоятельства, особого окружения может служить средством разграничения фразеологизма и нефразеологической конструкции: *сердце болит* – обозначение физического состояния, *сердце (душа) болит за кого, за что* – обозначение эмоционального состояния; *сердце разрывается* и *сердце разрывается от* тоски, горя, забот.

Фразеологизмы модели простого предложения употребляются для выражения широкого круга функций: ими выражается психическое и эмоциональное напряжение, при котором господствуют тяжелые отрицательные эмоции – *сердце кровью обливается* (у кого-л.), *на душе (сердце) кошки скребут, душа не на месте, сердце (душа) горит*; нарастание напряжения (*дух занимается, ударило в сердце*) или, напротив, спад его (*отлегло от сердца*) и возвращение эмоционального состояния к гармонии, к преобладанию положительных эмоций (*сердце отошло, сердце (душа) взвыгало(-а)*). Фразеологизмом может выражаться состояние резкого неприятия кого-

чего-л. (*с души воротит*). Фразеологизмы модели простого предложения могут употребляться в языке для выражения эмоционально-психического состояния, характерного для кого-либо (*душа нараспашку*), или состояния, в котором какое-то время господствуют отрицательные мысли, чувства (*душа не на месте*), такие же не вполне осознанные предчувствия (*чуёт (чье-либо) сердце*) состояния внезапного страха, испуга (*сердце ёкнуло, сердце падает, упало*) и мн. др.

Главная роль в выражении проявлений эмоционально-психического состояния, переживания как длящегося процесса принадлежит глагольным компонентам, обладающим полным или сокращенным набором форм разных глагольных категорий, что зависит от характера индивидуального значения единицы, типа синтаксической модели и, наконец, формальных возможностей глагольных компонентов. Фразеологизмы, построенные по модели словосочетания, имеют бóльший набор форм грамматических категорий, чем фразеологизмы, построенные по модели простого предложения; в первом типе моделей глагольный компонент является грамматически главным, формирующим номинативную семантику как процессуальную, как обозначение собственно действия, состояния, изменяющегося по многим параметрам; во втором типе моделей глагольный компонент является координационно связанным с формальным субъектом, оба компонента формируют семантику процесса из семантики суждения, поэтому глагольный компонент ограничен в функционировании ряда глагольных категорий или их форм. Фразеологизм *падать/пасть (упасть) духом* – ‘разуверяться/разувериться в возможности положительного (благополучного, счастливого) исхода, результата чего-л.’ Служит для обозначения тяжелого осознанного состояния; формами вида это состояние передается как длящееся или как достигшее предела. Форма совершенного вида является господствующей. Формами лица, числа душевное состояние передается как присущее одному лицу, в большинстве случаев употреблений, так и многим лицам, чем подчеркивается, что называемое состояние может овладевать одновременно многими. – Это был трудный путь, и люди, утомленные им, *пали духом*. (М. Горький. Старуха Изергиль). Первый взрыв смеха воодушевил артистов, но затем они *упали духом* – в самых веселых, смешных местах спектакля зал почему-то безмолвствовал (С. Михалков. Все начинается с детства). Состояние, обозначенное фразеологизмом, говорящий может обнаружить у себя, у собеседника или третьего лица. Последняя форма лица господствует. Описываемая единица из-за специфики своего значения может употребляться только в двух формах

времени – настоящем (в меньшем количестве случаев) и прошедшем. Каждой из форм подчеркивается либо становление, постепенное развитие чувства – состояния уныния, отчаяния, либо результат его, афористичность. Показательно функционирование наклонения у этой единицы. Почти в 100% употреблений говорящий использует форму изъявительного наклонения, характеризуя действие-состояние как реальный зрительный образ, имеющий множественные сложные проявления, оценивая это состояние сочувственно, сострадательно, с глубоким душевным пониманием, на что указывает весь лексико-грамматический состав предложения. Единичны употребления в форме условного наклонения, когда названное состояние говорящий считает следствием воздействия внешних условий. Употреблению форм повелительного наклонения препятствуют семантические причины, хотя глагол вне фразеологизма такую форму имеет. В причастной форме единицей выражается состояние как проявляющийся или проявившийся признак. – Ну, я курящий, мне не страшно, – подбодрил я *упавшего* духом шофера. (И.А. Ефремов. Дорога ветров, с. 91). В форме деепричастия единицей обозначается дополнительное действие, предшествующее другому действию или следующее за ним. – Митинг-то как же? Будем устраивать? – настоятельно лез Брозин, *падая духом* (Л. Леонов, Барсуки, т. 2, с. 308). – Это что? – *упав духом*, уныло-пренебрежительно спрашивает он (Сереза). (В. Панова, Сереза, т. 2, с. 277). Состояние уныния, отчаяния, испытываемое человеком или какой-то группой лиц, не может быть выражаемо формой повелительного наклонения, ее своеобразно заменяет инфинитивная форма, обладающая широкими модальными возможностями. Названная форма, по данным нашей картотеки, используется в сочетании со словами категории состояния, безличными глаголами, причастиями с отрицанием – ... *не позволявший себе падать духом*, ... *им не следует падать духом*; ... *не нужно падать духом*; *нельзя падать духом* и др., которыми говорящий мягко, с разной степенью настойчивости выражает модальность запрещения, просьбы, уговаривания. Мы располагаем цитатой, в которой инфинитивная форма является объектной, а все содержание предложения свидетельствует о субъективном, тяжёлом состоянии, которое может возникнуть, по мнению говорящего, у объекта. – Дух русского солдата не основан так, как храбрость южных народов, на скоровоспламеняемом и остывающем энтузиазме: его так же трудно разжечь, как и заставить *упасть духом* (Л.Н. Толстой. Повести и рассказы, с. 36). Фразеологизм *не падать/пасть (упасть) духом*, который часто квалифицируется как описанная выше единица без не, что мы считаем неверным, имеет значение – ‘бод-

риться, продолжать надеяться, вопреки тяжелым обстоятельствам, на положительный, благополучный исход, результат', он употребляется для обозначения совершенно другого состояния: активного душевного сопротивления отрицательным, тяжелым обстоятельствам и стремления говорящего терпеливо ожидать положительного(-ых) результата(-ов). Форма повелительного наклонения со значением страстного пожелания, почти мольбы в форме 2 л. ед. и мн. ч. и инклюзивное наклонение в форме 1 л. мн. ч. наилучшим образом выражают индивидуальное значение единицы и являются самыми частотными особенно форма 2 л. ед. и мн. ч. Больше того, форма повелительного наклонения обнаруживает тенденцию к вытеснению из употребления других формы лица и форм совершенного вида.

Фразеологизм *дух (дыхание) захватывает, захватывало* – 'изумляется, поражается' служит для обозначения сильного волнения, возникающего мгновенно, как проблеск молнии. Переживаемое состояние вполне осознано говорящим, на что указывает обстоятельство причины или следствия, выражаемые формой родительного падежа с предлогом *от* – ... *захватывает дух от правдивости трагедии, захватывает дух от взгляда на памятник...*, *дух захватывало от восторга...*, *дух захватило от великоления его (жандарма) мундира...* – или специальной синтаксической конструкцией – *Шла с ведрами однажды от колодца, подходит к дому – видит краснофлотца. Дух захватило: Гриша у крыльца (С.В. Михалков. Мать, т. I, с. 341).* Не случайно на детских рисунках такие чистые краски. Зеленые – яркие, как первая трава, красные – такие, аж *дух захватывает* (С. Михалков. Все начинается с детства, с. 51). Процессуальный фразеологизм *дух (дыхание) захватывает, захватывало* построен по модели словосочетания с фиксированной формой 3-го лица ед. числа глагольного компонента, поэтому единица ограничена в функционировании лица, наклонения, не имеет форм деепричастия, инфинитива, по крайней мере, в нашей картотеке нет цитат с последними двумя формами. Отсутствие морфологических форм лица говорящий восполняет синтаксическими формами, приписывающими названное состояние первому, второму, третьему лицу ед. и мн. числа, выражаемому родительным падежом с предлогом *у* личного местоимения или существительного: *у него захватило дух, у кого не захватывало духа; у меня, у молодежи, у матросов, у людей, у Сережи* и т.п.

Полная синтаксическая конструкция, в которой в большинстве случаев употребляется в речи единица, имеет вид: *у кого* + фразеологизм + *от чего*. Для обозначения внезапно охватившего человека чувства использо-

ван двигательный образ задержки дыхания, который обозначает физиологическое состояние человека. Сема двигательного образа преобразуется в сему зрительного образа, лежащую в основе фразеологического значения единицы, обозначающей эмоциональное состояние. Фразеологизм используется во всех трех формах времени, самыми частотными являются настоящее и прошедшее, формы будущего времени единичны. Формой несовершенного вида говорящий обозначает хотя и мгновенный, но тем не менее длящийся процесс возникновения сильного, яркого чувства, а формой совершенного вида, напротив, подчеркивает мгновенность появления чувства. Причастной формой выражается протяженный в настоящем или прошлом признак. – Виктор Семенович показывал на своем маленьком дьяволе *дух захватывающие* чудеса (К.А. Федин, Первые радости, т. 5, с. 285). Они (каменщики) затаили песню в три голоса, и голоса были полные, заливные, и песня уходила в горы таким *захватывающим дух* зовом, что в первый раз за полгода Левшин позабыл о лечении (К.А. Федин, Санаторий Арктур, т. 5, с. 14). Как видно, в этой единице функционирование грамматических категорий и форм ограничено особенностями ее синтаксической организации.

Многие процессуальные фразеологизмы модели простого предложения по грамматическому функционированию сходны с фразеологизмом *дух (дыхание) захватывает (-ывало)*. Большинство этих единиц обозначают эмоционально-психическое состояние, часто неосознанное, замыкающееся в сфере субъекта. Например, единицей *сердце падает, упало* выражается состояние внезапного испуга, страха – ‘пугаюсь, -аешься, -ается, испугался*’. Ощущение наступающего страха подчеркивается формой настоящего несовершенного, тогда как ощущение быстро наступившего страха, который говорящий не успел осмыслить, выражается самой частотной формой прошедшего совершенного. У единицы *сердце ёкнуло* такое же индивидуальное значение, как и у предыдущей. Внезапность наступившего состояния подчеркивается единственно возможной формой прошедшего совершенного. Фразеологизмом *сердце замирает/замерло* – ‘очень сильно волнуется, -ешься, -юсь’ передается состояние душевного и эмоционального напряжения в предельно высокой степени, возможной для человека. Для обозначения названного состояния говорящими использован двигательный образ краткой остановки сердца. Сема двигательного образа преобразовалась в сему сложного зрительного образа, лежащую в основе значения единицы, обозначающей эмоционально-психическое состояние. Механизм формирования значения этой единицы сходен с механизмом формирова-

ния значения фразеологизма *дух (дыхание) захватывает*. Понятие, выражаемое этой единицей, говорящий может адресовать самому себе, собеседнику (редко) и особенно часто третьему лицу. Так как глагольный компонент единицы ограничен возможностями синтаксической модели, то у нее есть только обе формы вида, все формы времени, причастия. Синтаксическое лицо выражено, как уже отмечалось, именем в родительном падеже с предлогом *у*; кроме того, возможна форма предложного падежа с предлогом *в* (*во мне, в нем, в ней*). У фразеологизма *чувет (чье-либо) сердце* синтаксическое лицо выражено притяжательным местоимением *мое, его, ее*, чаще всего местоимением *мое*. – ‘Я предчувствую, ты предчувствуешь, он, она предчувствует’. Как и у фразеологизма *дух (дыхание) захватывает*, у фразеологизмов модели простого предложения часто обозначается причина, вызвавшая такое состояние: *замирает сердце от мысли, от гордости, от ночной встречи, от каждого слова; сердце разрывается от жалости*, немногие фразеологизмы простого предложения могут обозначать направленное чувство. Например, *сердце (душа) не лежит к кому*, *чему* обозначает внешне неактивно проявляющееся неприятие кого, чего – ‘не нравится, не вызывает положительных чувств, желания содействовать, сочувствовать’. Объект чувства-отношения выражается дательным падежом имени с предлогом *к* – *к дочери, ко мне, к тебе, к этому старику, к чему, к Фёдору, к «холодному дому»*. Фразеологизм реализует только форму несовершенного вида, что обусловлено свойствами компонента *лежать*, все формы времени, самым низкочастотным оказалось будущее время.

Проделанный анализ показал, что существительные *дух, душа, сердце* вне фразеологизмов служат для обозначения душевного и эмоционального состояния человека только как данности, как статического состояния, фразеологизмы же, включающие эти существительные в качестве компонентов, обозначают эмоционально-психическое состояние в трех проявлениях – как предмет, как признак и как процесс.

В каждом из трех проявлений обозначенное состояние оформляется совокупностью грамматических средств, которые использует говорящий в своей речи.

а) В предметных фразеологизмах статичность душевного состояния выражается моделью словосочетания, состоящего из компонентов-существительных с управлением или согласованием, если подчиненный компонент согласуемый. Характер конкретного эмоционального состояния выражается прилагательным – (*очень*) *веселое, счастливое* и т.п. и в основном формой предложного падежа с предлогом *в*.

б) Эмоциональное состояние как признак обозначается морфологически неизменяемыми единицами, состоящими из компонентов-имен в форме какого-либо падежа; говорящий квалифицирует предикативный признак субъекта, обозначенный фразеологизмом, как временный и использует и при этом глагол-связку *быть* в форме настоящего или прошедшего времени ни, сочетания или отдельные лексемы со значением времени – *сегодня, утром, дня* и т.п. Состояние может оцениваться говорящим по степени интенсивности проявления, на что указывают лексемы *сильно, очень, особенно, явно* и подоб.

в) Наиболее адекватным средством обозначения «психического как процесса» являются процессуальные фразеологизмы, построенные по двум типам синтаксических моделей – словосочетания и предложения. Типы форм и морфологических категорий, их грамматические значения являются средством выражения тончайших проявлений сложнейших душевных и эмоциональных состояний. Личные формы, причастия, деепричастия, инфинитивы выполняют широчайший круг функций, реализуя свои собственные значения и взаимодействуя между собой. Как показал анализ, морфологические категории полнее функционируют во фразеологизмах, построенных по модели словосочетания. Модель предложения ограничивает функционирование лица, числа, наклонения, под влиянием своего грамматического значения она (модель), как правило, является средством выражения состояния, замкнутого в сфере субъекта.

Функциональные свойства фразеологизмов со значением эмоционально-психического состояния представляют собой результат взаимодействия нескольких лингвистических и экстралингвистических факторов: содержательных сем слов, ставших компонентами фразеологизмов, индивидуального значения целой единицы, ее категориально-классного значения, формально-грамматических возможностей компонентов, типа синтаксической модели, по которой построена фразеологическая единица, цели употребления фразеологизма в речи, которая устанавливается говорящим. Иначе говоря, проанализированные фразеологизмы не только семантически и грамматически, но и функционально организованы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь русского языка в 4 т. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1957–1961.
2. Краткий психологический словарь / под ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. – М.: Изд-во полит. лит., 1985.

ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ ПРЕДЛОГОВ В ПАДЕЖНЫХ ФОРМАХ ПРЕДМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Русскими грамматистами установлено, что в выражении падежа существительного в современном русском языке большая роль принадлежит предлогам, что все разнообразные предложно-падежные формы одного существительного составляют его морфологическую парадигму, что «предлоги могут быть рассматриваемы как агглютинативные префиксы косвенного объекта» [4, с. 531], что они, взаимодействуя с падежом данного имени, лишь уточняют его (падежа) значение [2, с. 270]. Значение и роль предлогов в выражении падежа предметных фразеологизмов не тождественны значению и роли предлогов в выражении падежа существительных.

1. Предлоги, употребляясь с формами предметных фразеологизмов, обнаруживают те же значения и оформляют те же семантико-грамматические отношения, какие они обнаруживают и оформляют, употребляясь с падежными формами существительных. Не имея возможности изложить здесь все выявленные нами в процессе анализа фразеологического материала особенности употребления предлогов с предметными фразеологизмами, покажем на примере падежных форм с предлогом по условиям реализации, конкретизации его значений.

Самое древнее, пространственное свое значение – «поверхностное соприкосновение с предметом» (В.В. Виноградов) или значение пути движения **по** реализует в сочетании не со всяким предметным фразеологизмом в форме дат. п., а лишь с фразеологизмами, обозначающими пространство, место, территорию: **белый свет** – ‘Земля, земной шар’; **божий свет, край света** – ‘очень отдаленное, по мнению кого-либо, место’. Падежная форма **по бел(ом)у свету** оказалась почти единственной в нашей картотеке, она представлена 31 карточкой из 32.

Причинное значение предлога **по** реализуется в сочетании с формой дат. п. фразеологизма, обозначающего отвлеченное понятие. Например, единица **добрая воля**, обозначающая нравственное качество человека или такое же качество коллектива, имеет значение ‘благожелатель-

ность, доброжелательность в отношении к кому-чему-либо', и в форме дат. п. с причинным значением употребляется только с предлогом **по**.

Временное значение предлога **по** обнаруживается в сочетании с формой вин. п. фразеологизмов, обозначающих время, например, **сегодняшний день** – 'современность, настоящий момент'. В синтаксической форме **по сегодняшнему дню** предлог реализует значение 'вплоть до определенного времени' [7, с. 109].

Модальное значение образа и способа [4, с. 539], образовавшееся на основе переосмысления пространственного значения предлога **по** и такого же значения компонента – существительного, проявляется в сочетании с формой дат. п. фразеологизма **замкнутый круг** – 'совокупность взаимосвязанных обстоятельств, воспринимаемых как непреодолимые препятствия в деятельности, развитии'. Синтаксическая форма **по замкнутому кругу** оптимально выражает названное значение предлога, падежной формы и индивидуальное значение фразеологизма; других предложных или беспредложных форм дат. п. фразеологизма **замкнутый круг** в указанном значении нам не встретилось. Аналогичное значение предлога обнаруживается в формах дат. п. фразеологизмов **проторенный путь (дорога)**, **непроторенный путь**, **столбовая дорога** и др.

Значение логически мотивированной причины действия, «принудительно надвигающейся со стороны» [4, с. 543], предлог **по** обнаруживает в сочетании с формой дат. п. фразеологизма **ирония судьбы** – 'нелепая, странная случайность'. Форма дат. п. этого фразеологизма образуется, по данным нашей картотеки, только с предлогом **по**.

В сочетании с формой дат. п. фразеологизма **осиное гнездо**, обозначающего совокупность лиц, предлог **по** употребляется в объектном, значении, он обозначает предмет, на который направлено, обращено действие. Такое же объектное значение реализует этот предлог в сочетании с фразеологизмами **больное (слабое, уязвимое) место**, **узкое место** и др.

Сложное объектно-обстоятельственное значение 'в соответствии с чем-либо, соответственно чему-либо' предлог **по** реализует в сочетании с формой дат. п. многозначного фразеологизма **последнее слово** – 'новейшее достижение в чем-либо'. Форма **по последнему слову** (чего-либо) оптимально выражает названное значение предлога, значение падежной формы и индивидуальное фразеологическое значение: из 23 случаев употребления в форме дат. п. с предлогом **по** – 21.

Дистрибутивное, разделительное [4, с. 539] значение реализует предлог **по** в сочетании с формой дат. п. фразеологизма **больной вопрос** – «назревшая, но трудная для разрешения задача».

Лимитативное, ограничительное [4, 539] значение реализует предлог **по** в сочетании с формой дат. п. фразеологизмов **удельный вес** – ‘роль, место кого, -чего-либо в хозяйстве, в обществе; общественная значимость, ценность кого, -чего-либо’ [7, с. 16–310] и **черный рынок** – ‘спекуляция, место валютных и других сделок’.

В способности предметных фразеологизмов употребляться с теми или иными предлогами для выражения определенных семантико-грамматических значений и отношений проявляется не только грамматическая сущность предложно-падежных сочетаний фразеологизмов, но и противоречивая природа последних – словный характер компонентов и цельность, «элементарность» [8–15] индивидуального фразеологического значения, при образовании которого компоненты, составляющие фразеологизмы, претерпевают разные по степени семантические изменения.¹

2. Предметные фразеологизмы, грамматически главные компоненты которых претерпевают сравнительно небольшие семантические изменения при образовании значения фразеологического целого, по составу предлогов, оформляющих их падежные значения, не отличаются от семантически соотносительных существительных по составу предлогов, оформляющих их (существительных) падежные значения. К числу таких фразеологизмов мы относим некоторые единицы со значением лица типа **кисейная барышня, блудный сын, рыцарь плаща и кинжала**; единицы со значением места, времени типа **белый свет, край света, сегодняшний день, вчерашний день**; немногие фразеологизмы со значением опредмеченного свойства, состояния, действия типа **здравый смысл, холодная война, добрая воля**. Предлоги в падежных формах таких фразеологизмов находятся в отношениях соответствия с индивидуальным значением фразеологизма так же, как и такие же предлоги в падежных формах существительных, употребляемых в нефразеологических сочетаниях.

Но фразеологизмов, в падежных формах которых предлоги находятся в отношениях соответствия с индивидуальным значением фразеологического целого, в русском языке немного. Основную массу предметных фразеологизмов составляют единицы, грамматически главные компоненты которых претерпевают или уже претерпели семантические изменения; эти последние строго закономерно отражаются или уже отразились на характере соотношений предлогов падежных форм таких фра-

зеологизмов с индивидуальными значениями последних. Предложно-падежные формы таких фразеологизмов выстраиваются в омонимические пары с предложно-падежными формами существительных в нефразеологических сочетаниях. В предложно-падежной форме нефразеологического сочетания в отношениях соответствия находятся значение предлога, значение падежной формы и лексическое значение существительного, а в предложно-падежной форме фразеологизма все составляющие ее элементы находятся в отношениях внешнего противоречия с индивидуальным значением данного фразеологизма. Проиллюстрируем высказанные положения несколькими фактами омонимии предложно-падежных форм. В предложно-падежной форме нефразеологического сочетания **за круглым столом** предлог **за** употребляется в значении, которое еще в «Русской грамматике» А.Х. Востокова квалифицируется как первое, пространственное [5].

В предложно-падежной форме фразеологизма **за круглым столом** ни один из составляющих ее элементов не сохранил прямого значения, потому что во всех падежных формах фразеологизма **круглый стол**, а не только в этой, реализуется не значение 'предмет мебели в виде широкой горизонтальной доски на одной или нескольких ножках (иногда с ящиками, тумбочками), на который кладут или ставят что-либо', а значение – 'обсуждение сложной злободневной проблемы, участники которого равноправны'. Под влиянием изменившегося значения фразеологизма произошло качественное изменение значения предлога и такое же изменение значения падежной формы, которая вместо прямого пространственного значения получила сложное качественно-обстоятельствоное и характеризующее значение, в котором совмещаются элементы нескольких значений – модального значения образа действия, временного и условного. Значения всех элементов данной предложно-падежной формы фразеологизма находятся одновременно в отношениях внешнего противоречия с его индивидуальным фразеологическим значением, если брать эту предложно-падежную форму изолированно, без предложения, без учета лексического значения и грамматической характеристики слов, с которыми связана форма **за круглым столом**, и в отношениях полного соответствия с индивидуальным фразеологическим значением единицы, если учитывать лексическое окружение этой формы, ее связь с другими падежными формами единицы **круглый стол**, то есть если учитывать морфолого-синтаксическую природу категории падежа вообще и падежную парадигму данной единицы в частности.

В омонимичных предложно-падежных формах фразеологизма **студенческая скамья** предлоги продолжают оформлять те же падежи, но их значения, как в значениях падежных форм, находятся в отношениях внешнего противоречия с индивидуальным значением фразеологизма **студенческая скамья**, который обозначает не приспособление для сидения, сделанное обычно из доски или нескольких досок на стойках, а период учебы в вузе, время студенчества. В связи с изменением значения сочетания предлоги резко изменили свое грамматическое значение, они вместе с падежной формой и индивидуальным значением фразеологизма получили новое обстоятельственное значение – временное¹⁸, а падежные формы соответственно получили значение – «во время учебы в вузе; со времени учебы в вузе».

Предметные фразеологизмы, компоненты которых претерпели большие семантические изменения, могут быть омонимичны не только целому нефразеологическому сочетанию, как описанные выше фразеологизмы, но и отдельному существительному, употребляемому в современном русском языке как с согласуемыми словами, так и без них. Например, **ахиллесова пят(-к)а, гордиев узел, позорный столб, прокрустово ложе**.

Состав предлогов, их значение, как и значение падежной формы в таких фразеологизмах, находятся в отношениях внешнего противоречия с индивидуальным фразеологическим значением единиц. Например, фразеологизм **позорный столб** имеет, по нашим данным, следующий состав предлогов, оформляющих его косвенные падежи: **у, от** с род. п., **к** с дат., но ни один из этих предлогов, ни один из падежей, ни одно из падежных значений даже отдаленно не выражают грамматических значений фразеологизма **позорный столб** с его индивидуальным значением – ‘общественное осуждение’.

В современном русском языке предложно-падежные формы сочетания **позорный столб** ввиду развившегося у него нового, фразеологического, значения становятся, если нельзя сказать «стали», грамматически немотивированными, что подтверждается наличием ярких семантических и грамматических противоречий между предложно-падежной формой фразеологизма, лексическим значением глагола, управляющего этой формой, с одной стороны, и лексическим составом всего предложения, в котором употребляется данная предложно-падежная форма, с другой; к

18 Ср. характеристику этого фразеологизма, в 7; 13–890.

этим фактам надо прибавить еще резкое сокращение числа падежных форм, которые может образовать этот фразеологизм. Процессы, происходящие с фразеологизмом **позорный столб**, наглядно подтверждают слова Б.А. Ларина: «Семантическая слитность, целостность образуется раньше, скорее. Для “созревания” грамматической неразложимости нужны века» [6, с. 212]. Единица **позорный столб**, как и все другие единицы этой части, оставаясь предметной в современном русском языке, находится на пути к сращению, по терминологии академика В.В. Виноградова, она движется к числу единиц, семантически немотивированных, грамматически неизменяемых¹⁹. Мы не можем согласиться с позицией составителей лексических словарей современного русского языка, выделяющих процессуальный фразеологизм **пригвождать (ставить, выставлять и т.п.) к позорному столбу**²⁰.

Степень проявления противоречий между предложно-падежной формой и значением фразеологического целого у разных единиц этой части, конечно, разная, поэтому с разной степенью отчетливости проявляется в них тенденция стать немотивированными.

Описанные в статье отношения несоответствия между предлогами и индивидуальными значениями почти всех фразеологизмов, компоненты которых претерпели большие семантические изменения, носят внешний характер. Падежные значения форм таких фразеологизмов, так же как и падежные значения форм фразеологизмов, компоненты которых претерпели сравнительно небольшие семантические изменения, находятся в отношениях полного семантического соответствия с семантико-грамматическим содержанием всего предложения. Этот вывод не распространяется лишь на те единицы, по семантико-грамматическим свойствам которых можно судить об их переходе в разряд непредметных и немотивированных.

¹⁹ Совершенно верно сделали составители ТСРЯ, сопроводив сочетание **позорный столб** этимологической справкой [9; 2–485].

²⁰ Выделение такой единицы объясняется отсутствием достаточного материала, в котором употреблялось бы сочетание **позорный столб**. Поэтому глубоко верным мы считаем упрек А.М. Бабкина: «Не располагая необходимыми материалами, составители толковых словарей нередко признают компонентом фразеологизмов такие слова, которые не входят в их состав, что отрицательно сказывается на систематизации фразеологического фонда современного русского языка» [1, 10]. На неоправданное включение глаголов в состав фразеологизмов из угла в угол, рука об руку и др. в толковых словарях указывает В.М. Бурмако [3, с. 219–222].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабкин, А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии / А.М. Бабкин. – М.; Л.: Наука, 1964.
2. Будагов, Р.А. Введение в науку о языке / Р.А. Будагов. – М., Просвещение, 1955.
3. Бурмако, В.М. Семантико-синтаксические свойства именных тавтологических фразеологизмов / В.М. Бурмако. – Саратов, 1971.
4. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – Изд. 2. – М.: Высшая школа, 1972.
5. Востоков, А. Х. Русская грамматика / А.Х. Востоков. – Изд. XII. – СПб., 1874, § 138.
6. Ларин, Б. А. Очерки по фразеологии / Б.А. Ларин // Уч. зап. – № 198. – Вып. 24. – ЛГУ, 1956,
7. Словарь современного русского литературного языка. АН СССР. – М.; Л., 1950–1965.
8. Толикина, Б.Н. Об общем отличительном признаке фразеологических единиц, отграничивающем их от нефразеологизмов / Б.Н. Толикина // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Тула, 1972.
9. Толковый словарь русского языка. – М.: СЭ, 1934–1940.

ПАДЕЖНАЯ ФОРМА – ИСТОЧНИК ФРАЗООБРАЗОВАНИЯ

Падеж как морфолого-синтаксическая категория не только может стать, но является постоянным, активным источником фразообразования. В настоящей статье речь пойдет о двух способах фразообразования, в которых участвуют падежные формы.

При исследовании падежа предметных фразеологизмов было обнаружено, что его падежные формы образуют новые единицы, во-первых, взаимодействуя с объектными глаголами, которые, как и предметные фразеологизмы, могут иметь широкую, узкую и единичную сочетаемость. Так, фразеологизм **первый шаг – первые шаги** – «начало, начальный период, момент в деятельности кого-, чего-л., в развитии, движении чего-л.», сочетаясь с объектными глаголами **наблюдать, означать, преодолеть, благословить** и подоб., сохраняет классное предметное и индивидуальное значение и падежную парадигму. В единичной же сочетаемости с объектными глаголами **делать – сделать** фразеологизм в форме вин. беспредложного падежа утрачивает классное предметное значение, утрачивает падежное грамматическое значение и превращается в именной компонент процессуального фразеологизма, имеющего значение «начинать – начать (про)двигаться, развиваться».

Мы даже **сделали первые шаги** к звездам. Лит. газ. 1966. 7 нояб. Пустынное земледелие **делает** лишь **первые шаги**. Правда. 1973. 28 августа. Искусство кино, еще сравнительно недавно **делавшее первые шаги**, демонстрирует сегодня свое могущество. Правда, 1972. 24 августа.

В образующемся фразеологизме глагольный компонент «семантически ослабевает» – утрачивает индивидуальное, субкатегориальное значение и сохраняет лишь самое общее категориальное значение процесса, а новое индивидуальное субкатегориальное значение формируется из элемента индивидуального значения предметного фразеологизма и сохраняющегося категориального значения глагольного компонента.

Аналогичные изменения претерпевают формы предметных фразеологизмов **знак равенства, первая скрипка, первый (передний) план, второй (задний) план** в следующих процессуальных фразеологизмах: **ставить/поставить знак равенства, играть первую скрипку, выходить**

(выступать/выступить), выдвинуться на первый план, отходить/отойти, отступать/отступить на второй (задний) план, отодвигать/отодвинуть (оттеснять/оттеснить) на второй (задний) план, отодвигаться/отодвинуться (оттесняться/оттесниться) на второй (задний) план.

В названных выше процессуальных фразеологизмах глагольные компоненты потребовали от предметных фразеологизмов форм вин. падеж без предлога или того же падежа с предлогом **на**.

Все таким способом образующиеся процессуальные фразеологизмы – наши «современники»: некоторые из них образовались, может быть, не одно столетие назад, другие еще только формируются, следуя за развивающимся сознанием говорящих.

В целом этот живой и активный процесс можно квалифицировать как пример современного и постоянного слияния падежной формы предметного фразеологизма с сочетающимся с ним глаголом, выражающим в результате новое, уже процессуальное значение.

Описанный выше способ образования процессуального фразеологизма наблюдается лишь в тех случаях, когда предметный фразеологизм имеет узкую или единичную сочетаемость с глаголом, если же сочетаемость широкая, то предметный фразеологизм, сохраняя все виды значений, остается в сочетании с глаголами «свободной синтаксической формой» [1, с. 24].

Показательно, что предметный и образованный процессуальный фразеологизмы сосуществуют в языке в одно и то же время. Подтверждением этой мысли можно считать учет таких единиц в академическом словаре (ССРЛЯ).

Второй способ образования фразеологизмов связан со спецификой структуры падежной парадигмы единицы. Падежная парадигма может состоять из приблизительно одинаковых по продуктивности форм, таких единиц относительно мало, гораздо больше единиц, парадигма которых состоит из высокочастотных и низкочастотных форм. Нередки единицы с отсутствующими формами. Приведем факты из картотеки, которую я составляю с 1959 года. Высокочастотные формы: у фразеологизма **удельный вес** – «доля кого, чего-л. в чем-л. в какой-л. совокупности» высокочастотный им. субъектный – 67 цитат из 181, род. объектный и определительный – 28, вин. без предлога – 14; у фразеологизма **угол зрения** во 2 значении – «сторона, направление» – твор. образа действия – 53 цитаты из 92, им. субъекта – 21; у единицы **пальма первенства** – 50 цитат из 62

употреблены в форме вин. без предлога; у фразеологизма **дымовая завеса** высокочастотным является тв. с предлогами **за** и **под** и беспредложный – 17 из 35; у фразеологизма **край света** – «место, удаленное от говорящего» высокочастотны пр. и вин. с предлогом **на**.

Низкочастотные формы: у фразеологизма **удельный вес** – дат. 5 из 181, тв. – 8, пр. – 4; у единицы **дамоклов меч** род. и дат. по 1 из 44, вин. – 3; у единицы **здравый смысл** в первом значении дат. 2 из 92, предл. и твор. по 4; у единицы **край света** – дат. 1 из 88, твор. и род. по 2; у единицы **завтрашний день** – тв. 5 из 94, дат. 3, им. 4.

Падежные парадигмы абсолютного большинства предметных фразеологизмов представляют собой сочетание высокочастотных и низкочастотных форм, гибко и вместе с тем прочно удерживающее каждый данный фразеологизм в классе предметных и создающее грамматическую специфику фразеологизмов.

По роли во фразеобразовании два названных вида форм различны. Наличие низкочастотных форм в парадигме свидетельствует о том, что категориальное значение предметности остается сильным или во всяком случае живым в данной единице, хотя эти формы употребляются редко, тем не менее они, будучи противопоставленными по грамматическому значению и грамматической форме высокочастотным формам, являются элементами целых падежных парадигм и вообще категории падежа. Низкочастотные формы в парадигме фразеологизма – доказательство сохранности в нем предметного типа семантики и падежа, как его собственной категории.

Наличие высокочастотных форм в парадигме свидетельствует о том, что в них находит оптимальное выражение соответствие между особенностями индивидуального фразеологического значения и значением данной падежной формы, которое ведет, как это ни парадоксально, к ослаблению классного значения, к отрыву в будущем высокочастотных форм от совокупности парадигм каких-то единиц и к потенциальному или совершившемуся превращению их в оболочки непредметных неизменяемых фразеологизмов, у которых грамматическое, падежное значение превращается или стремится превратиться в категориальное непредметное значение. Так, у фразеологизма **круглый стол** – «обсуждение сложной проблемы, участники которого равноправны» в форме творительного падежа с предлогом **за** – **за круглым столом** – «общца», у фразеологизма **позорный столб** – «общественное осуждение» две высокочастотных формы – родительный с предлогом **у** и дательный с предлогом **к**.

Форма у **позорного столба** – «осуждаемый обществом», форма **к позорному столбу** – «общественно осуждаемый, осужденный», фразеологизм **первый(е) шаг(и)** – «начало какой-либо деятельности, начало развития» в форме род. с предлогом **с** – **с первого шага, с первых шагов** имеет значение «сначала». Все названные выше и многие другие факты в настоящее время – высокочастотные формы соответствующих предметных единиц, находящихся на пути к полному отрыву от своих парадигм и от предметного типа семантики. Период сочетания в одной парадигме высоко- и низкочастотных форм длится долго, поэтому более или менее точная квалификация какой-то формы как высокочастотного элемента целой падежной парадигмы или как самостоятельного фразеологизма, возникшего на базе этой падежной парадигмы, зависит от количества карточек с таким компонентным составом. Отсутствие больших фразеологических картотек в фонде академических словарей, не говоря о частотных, приводит к тому, что высокочастотные формы подаются как самостоятельные единицы. Так характеризуются в Словаре современного русского литературного языка следующие факты: **на краю света, земли** (быть, находиться); **на край света, земли** (бежать, пойти и т.п.). «Быть, находиться где-то очень далеко; бежать, пойти куда-то очень далеко» [ССРЛЯ, т. 5, с. 1569]. **Пригвождать (ставить, выставлять и т.п.) к позорному столбу** [ССРЛЯ, т. 10, с. 796] толкования значения не приводится, и в томе 14 этого же словаря в статье **Столб** опять приводится под знаком тильда единица **пригвождать (ставить, выставлять и т.п.) к позорному столбу** – «разоблачая, предавать общественному осуждению, клеймить позором» [Там же, с. 918]. Фразеологизм **угол зрения** в томе 16 приводится без толкования, здесь же приводится как фразеологизм форма **под углом зрения** тоже без толкования и отсылается к статье **Зрение** [Там же, с. 232], в которой приводятся две падежные формы фразеологизма – в им. и твор. с предлогом **под** как самостоятельные фразеологизмы, ставятся в один ряд с такими же формами фразеологизма **точка зрения**; толкование в обоих случаях приводится одно [Там же, т. 4, с. 1339]. Как видно, приведенные факты подтверждают высказанное выше мнение о роли высокочастотных форм во фразеологии и об их квалификации в современной лексикографии. Наличие высокочастотных форм в языке свидетельствует об активности процесса фразеобразования на базе падежных форм и высокой востребованности их говорящими в современной русской речи.

Итак, два названных способа образования фразеологизмов, источником которых являются падежные формы, имеют как одинаковые, так и

различные свойства. Одинаковым в обоих способах является то, что предметное значение в результате или в процессе образования новой единицы преобразуется в непередметное. Различны они в том, что при первом способе **образовавшиеся единицы сосуществуют в языке одного периода**, а их категориальные значения логически соотносительны. При втором способе наблюдается **результат образования и его процесс**, который может привести, а иногда уже привел к образованию новой единицы из члена падежной парадигмы этой предметной единицы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973.
2. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

ФРАЗЕОГРАФИЯ – ЗЕРКАЛО ФРАЗЕОЛОГИИ

В настоящем докладе постараюсь осветить круг теоретических проблем фразеологии, разрабатываемых учеными Южного Урала и Западной Сибири и имеющих непосредственный выход на фразеографию.

В названии нашего симпозиума и в перечне основных проблем, предлагаемых для обсуждения, термины «лексикография» и «фразеография» употреблены как однородные члены, соединенные союзом и. Однако, если термином «лексикография» обозначается богатейшая, старейшая, глубочайшая по характеристике описываемого материала отрасль русского языкознания, то за термином «фразеография», осмелюсь утверждать, не стоит никакой общепризнанной теоретической базы, хотя за последние 50–60 лет создано достаточно большое количество фразеографических сборников, справочников, названных словарями. Так что для фразеологии большая честь стоять в одном ряду с лексикографией, большой аванс, хотя реальный уровень исследований русских фразеологических единиц в России и, в частности, на Южном Урале и Западной Сибири, высокий, что разрешает нам говорить о сформулированных здесь и доказавших свою истинность теоретических положениях как о таких, которые непротиворечиво могут применяться и применяются при описании фразеологических единиц, могут быть и являются элементами русской фразеографической теории.

1. Единицей исследования во фразеологии и единицей описания во фразеографии является синтаксическая конструкция, только синтаксическая конструкция. По этой причине фразеографический труд представляет собой книгу – сборник, справочник, собрание, свод, в котором описываются синтаксические единицы разной структуры, разного объема. Различия в структуре описываемых единиц так велики, что у лингвиста, впервые обратившегося к исследованию фразеологизмов, возникает мысль о беспредельном, неограниченном разнообразии структур, которые невозможно как-либо систематизировать. Действительно, фразеологизм может иметь структуру словосочетания (**медный лоб, правая рука, точка зрения, угол зрения, водить за нос, оставить с носом, души не чаять**), сочетания слов (**за глаза, под каблуком, не фонган, не сахар, абы как**), структуру однородных членов предложения (**ну и ну, рано или**

поздно, семо или вамо), части сложного предложения (как ни в чем не бывало, как попало, как в воду глядел(а), как у Христа за пазухой), структуру простого предложения (руки опускаются, глаза бы не глядели, ноги подкосились) и др. Но все разнообразие структур русских фразеологизмов только кажется неограниченным, на самом деле все они являются формами русской грамматики, ее категорий, типов связей и т.д., ни один из русских фразеологизмов не оказывается образованным вопреки законам и правилам грамматики русского языка, о чем пойдет речь дальше. Для фразеографа квалификация синтаксической структуры фразеологизма должна быть обязательной, какого типа фразеографический труд он ни создавал бы.

2. Каждая синтаксическая конструкция состоит из компонентов словного характера, что до сих пор, до сего дня для многих лингвистов-фразеологов и фразеографов является камнем преткновения при исследовании и при описании фразеологической единицы. Наш многолетний анализ большого фразеологического материала заставил нас прийти к выводу, которым мы успешно пользуемся: компоненты фразеологизма, сохраняя форму слова, подвергаются качественным семантическим и грамматическим изменениям, в результате чего создается новая языковая единица, обозначающая новое понятие и обладающая своими собственными грамматическими свойствами и функциями. Учение о компонентном составе продолжает развиваться, и много новой информации получено с тех пор, как исследовал природу компонентов В.Л. Архангельский [1, с. 210–213].

3. Главным условием в разной степени полного исследования и описания фразеологического фонда языка является наличие фразеологической картотеки. Как показывает жизнь, фразеологической картотеккой, подобной лексической картотеке, находящейся в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и в Москве, Россия пока не располагает. Фразеологи Челябинска, Магнитогорска, Кургана, Омска, Тобольска для исследования разных сторон фразеологизмов и разных их структурных типов создали и продолжают накапливать факты в личных специальных картотеках, насчитывающих по несколько десятков тысяч карточек каждая [14, с. 35–40; 261 и др.]. В Челябинске на базе имеющегося общего фонда и личных картотек создается единый национальный фразеологический фонд.

4. Фразеологический состав русского языка долгое время повергал лингвистов своим обилием и разнообразием в отчаяние, в литературе и в докладах на конференциях и семинарах можно было прочитать и услы-

шать мнение о том, что фразеологизмы русского языка не могут быть подвергнуты какой-либо систематизации, классификации. Опуская историю разработки вопроса о классификациях, осветим решение этой сложнейшей проблемы учеными челябинской проблемной лаборатории.

Первой глобальной классификацией современного фразеологического фонда, на наш взгляд, является классификация А.М. Бабкина, предпринявшего деление всей фразеологии на три разряда: номинативную, грамматическую и модальную, причем «модальные словосочетания» он относит к «грамматической идиоматике» [2]. Фразеологический состав русского языка с применением названной классификации А.М. Бабкин не исследовал.

В 1974 году я опубликовала классификацию фразеологизмов, основанную на учете типа категориального, самого общего значения единиц, соотносительного с типом категориального значения одного класса слов. В соответствии с названным принципом все фразеологизмы современного русского языка распадаются на морфологически изменяемые и морфологически неизменяемые. В свою очередь изменяемые делятся на несколько классов – предметные, процессуальные, призначные, количественные; неизменяемые, они есть среди части призначных и количественных, полностью неизменяемыми являются пять классов: качественно-обстоятельственные, фразеологические предлоги, фразеологические союзы, фразеологические частицы и модальные. Единицы каждого разряда и класса характеризуются совокупностью семантических и грамматических свойств.

5. Названная классификация стала и до сих пор является надежным рабочим инструментом исследования фразеологизмов современного русского и других славянских языков, а также в исследовании русского и других славянских языков предшествующего периода с разных сторон.

Так, изменяемые фразеологизмы изучались со стороны структуры их семантики и функционирования в них морфологических категорий.

Неизменяемые фразеологизмы, представляющие собой модели форм косвенных падежей имени, послужили материалом для создания целого ряда кандидатских, докторских диссертаций и монографий. Неизменяемые грамматические единицы тоже исследованы и описаны в кандидатских, докторских диссертациях и монографиях.

6. В своих исследованиях мы решили сложнейшие задачи: по семантическим, грамматическим, структурным и другим признакам единиц попытаться выявить фундаментальные свойства фразеологизмов со-

временного русского языка. Считаю, что многое нам удалось. Назову наиболее крупные, на мой взгляд, закономерности.

— Фразеологизмы семантически организованы в классы, соотносительные с классами слов.

— Фразеологизм не тождествен слову семантически, а только соотносителен с последним.

— Фразеологизмы грамматически организованы, они подчиняются законам национальной грамматики, хотя действие этих законов во фразеологизмах не тождественно их действию в лексическом материале.

— Во фразеологическом материале могут проявляться семантические и грамматические свойства, которые нельзя обнаружить в лексическом материале.

Выведенные закономерности стали основой фразеографических правил.

Опираясь на полученную информацию, мы определяли свойства компонентов единиц разных моделей, количество компонентов в единицах разных моделей. Исследования показали, что:

— Абсолютное большинство фразеологических единиц имеют двухкомпонентный состав, за ними следуют трехкомпонентные.

— Каждый компонент, будь он грамматически главным или подчиненным, служебным или знаменательным, занимает определенное место в данной единице.

— Каждый фразеологизм имеет свою начальную форму, зависящую от того, к изменяемым или неизменяемым он относится. Продуктивность форм грамматических категорий и частота их употребления определяется особенностями значения данной единицы.

— Изменяемые фразеологизмы строятся по ограниченному числу синтаксических моделей, но наличие у таких единиц большого количества грамматических типов, категорий и их форм создают большую частоту употребления изменяемых единиц в речи.

— Неизменяемые фразеологизмы, напротив, строятся по большому количеству разнообразных моделей, представляющих собой фиксированные формы морфологических категорий или частей синтаксических конструкций, и тем самым увеличивают количественно и качественно фразеологический фонд русского языка.

7. Большие картотеки и опора на знания о выявленных фундаментальных свойствах фразеологизмов являются прочным основанием многочисленных, надежных не только квалификационных работ, но и солидных монографий, в которых исследуются целые классы фразеологизмов (Г.А. Шиганова, А.Д. Соловьева и др.), семантические отношения внутри фразеологизмов и с лексическим составом языка (Н.А. Павлова и ее аспиранты), проблемы фразообразования и словообразования на базе фразеологизмов (Е.Н. Ермакова), синтаксические связи фразеологизмов с внешним текстом (И.Г. Казачук), проблемы динамизма фразеологического состава (Е.В. Радченко) и многие другие.

В настоящее время мы располагаем довольно внушительным количеством работ, в которых фразеологический состав рассматривается как строгая семантико-грамматическая подсистема языка, находящаяся в сложнейших связях и отношениях с лексико-грамматической системой национального языка.

Добытая в фразеологических трудах информация имеет прямой выход в фразеографию.

8. В настоящее время фразеологи, очарованные тем или иным свойством фразеологизма (-ов), не наблюденного ими в слове (-ах) или, напротив, обнаружив черты сходства фразеологизма (-ов) с словом (-ами) в каком (-их) проявленном (-ыми) свойстве (-ах), берутся за написание и издание фразеографического труда, называемого ими не иначе как «фразеологический словарь русского языка», не смущаясь ни термином «словарь», ни квалификацией своего труда как относящегося ко всему языку, а не к какой-либо его части, теме, разделу и т.п. В статье такого фразеографического труда нет фундаментальных лингвистических характеристик приводимой единицы.

— Не указаны внешние формальные признаки – начальная форма, синтаксическая модель, количество обязательных или варьирующихся компонентов.

— Нет указаний на то, к какому разряду относится эта единица – к номинативной? грамматической? модальной фразеологии?

— К изменяемым или неизменяемым относится эта единица?

— Если она (единица) относится, например, к номинативной фразеологии, то какого она семантико-грамматического класса – предметно-

го? процессуального? признанного? количественного? качественно-обстоятельственного?

— Если единица обозначает, например, процесс, то какие типы форм у нее есть инфинитивные? личные? причастные? деепричастные?

— Какие формы морфологических категорий у такой единицы есть? и какова их продуктивность?

— Какими синтаксическими свойствами обладает описываемая единица? в какие синтаксические связи вступает с другими словами и формами в предложении-высказывании?

— В какие семантические отношения вступает с другими фразеологизмами и/или со словами?

— Какова стилистическая характеристика этой единицы?

— В каких и скольких фразеографических трудах приводится?

Ответы на поставленные, а возможно и другие, вопросы могут быть приведены в статье, посвященной одной единице, лишь при наличии большого количества ее употреблений в речи.

Если названного условия нет, статья остается пустой, а единица – не имеющей анализа и почти не представляющей интереса для фразеологии и фразеографии.

9. Основными задачами южноуральских и западносибирских фразеологов являются неуклонное увеличение фразеологического фонда, продолжение многосторонних исследований выявленного и выявляемого фразеологического фонда как сложнейшей подсистемы языка и фразеографическая деятельность.

Первую задачу мы решаем с того времени, как образовалась проблемная фразеологическая лаборатория. Увеличивается фонд в основном за счет личных картотек, о чем шла речь в предыдущей части доклада.

Для успешного решения второй задачи у наших фразеологов имеются все необходимые условия: личные картотеки, наличие убедительных надежных теоретических выводов, полученных в результате исследований особых закономерностей, которым подчиняются фразеологизмы, функционируя в языке, о чем шла речь выше. Наличие названных условий позволяет фразеологам дальше исследовать еще неоткрытые стороны единиц русского фразеологического состава. Назову несколько новых работ: (Ратушная, 2000), (Игнатьева, 2001), (Чепасова, 2003; 2006), (Казачук, 2006), (Радченко, 2007; 2009), (Павлова, 2008), (Ермакова, 2009).

Изложенное выше понимание свойств фразеологической формы, характеризующейся раздельнооформленностью, привело нас к созданию фразеографических трудов, принципиально отличающихся от многих известных подобных трудов.

Мы создали «Свод фразеологизмов», который построен на учете всех описанных выше свойств фразеологических единиц. В нем в алфавитном порядке с учетом первого фразеобразующего компонента располагаются 11 500 единиц современного русского языка без толкований индивидуальных значений. Свод депонирован в ИНИОН СССР в 1987 г. По такому же принципу составлен другой свод, названный «Материалами для словаря славянских фразеологических соответствий». В этом труде свыше 15 000 единиц. Оба названных свода мы рассматриваем как подступы к полному, глубокому фразеографическому труду, в котором непротиворечиво отражалось бы величайшее богатство русского народа и русского языка, и была бы отринута антинаучная традиция характеристики фразеологизмов, стереотипно тиражируемой в лексических толковых словарях.

В конце 80-х годов мы разработали «Проспект семантикограмматического словаря», рассчитанный на десяти томное издание. Проспект был одобрен издательством «Русский язык», но бурные разрушительные процессы в обществе, изменения состава работников редакции заморозили издание словаря. По принципам, разработанным для семантикограмматического словаря, мной написан небольшой учебный толковый словарь, точнее, учебное пособие по фразеографии «Фразеологизмы в нашей речи» (Чепасова, 2000). Главной задачей фразеографии русского языка является создание единого национального фразеологического свода, подобного толковым лексическим словарям в 17-и или 20-и томах.

Но чтобы выполнить эту огромную задачу, необходимо, во-первых, создать картотеку, которая включала бы в себя фразеологический состав, известный русскому народу в период от Пушкина до наших дней, точнее, в рамках XIX–XXI вв. Во-вторых, фразеология имела бы такой уровень развития, который позволил бы фразеографам выработать строгую, в возможно большей степени непротиворечивую систему описания фразеологических единиц. Понятно, что названный труд не может быть создан одним человеком или за короткий срок.

Я считаю, исходя из описанных выше условий, целесообразным готовить единый национальный фразеологический свод, используя частые, тематические, семантические, семантико-грамматические своды, сборни-

ки, собрания, справочники. Поясню, что имею в виду. Н.А. Павлова много лет изучала проблему омонимии, располагает огромной картотекой, написала несколько монографий по омонимии, назову здесь последнюю [8], в год смерти опубликовала свод фразеологических омонимов [12]. Описанию омонимов в этом Словаре предшествует развернутое Предисловие (с. 7-10), в котором излагаются принципы отбора омонимов, структурные их типы, формальные признаки, семантические и грамматические свойства, стилистические характеристики, семантические отношения с другими фразеологизмами, отдельными словами и формами, однозначность/многозначность и др. На площади в 304 с. все 868 фразеологических омонимов получают высочайшую фразеографическую характеристику. Описанный в Словаре... материал полностью войдет в единый национальный фразеологический свод.

Г.А. Шиганова занимается изучением фразеологических предлогов, она обладает картотекой почти в 600 единиц в 80 000 употреблений. В монографиях последних лет [18; 19] фразеологические предлоги получили глубокую, разностороннюю характеристику. В настоящее время Г.А. Шиганова готовит самый полный в России свод фразеологизмов, где все выявленные при исследовании свойства, отношения, семантические свойства, особенности структуры и др. особенности фразеологических предлогов находят выражение в фразеографическом труде. Замечательной чертой готовящегося труда считаю обилие текстов, извлеченных из различных произведений письменной речи. В единый национальный фразеологический свод войдет весь труд, посвященный одному семантикограмматическому классу.

До сих пор речь шла о созданных и создаваемых уральскими и сибирскими учеными фразеографическими трудах, которые можно квалифицировать как составную часть единого национального фразеографического свода. Назову еще один труд, вышедший уже вторым изданием в Москве. Имею в виду работу А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи» (1997 и 2001), тоже названную словарем. Это труд, в котором фразеологическая единица получила максимально глубокую, разностороннюю характеристику. Работу в 856 страниц предваряет «Введение» (с. 3-44), в котором излагаются принципы построения всего труда и фразеологической статьи. Этот труд – точное зеркало того, что узнали авторы о фразеологизме(-ах), имеющем(-их) в своем компонентном составе в основном знаменательную лексему, названную «ключевой». Последняя подается как заголовок, под которым помещаются и

толкуются все фразеологизмы, которые исследованы авторами. Так, фразеологизмы под заголовком **душа** занимают 10 стр. (216–226), под заголовком **нога** – 9 стр. (442–450), под заголовком **рука** 32 стр. (590–622). И так далее. Это первая особенность словаря. Второй особенностью считаю фразеологофразеографический характер толкования единицы, заключающийся в том, что каждая трансформация научно квалифицируется и отмечается определенным значком (с. 41–49). Третья особенность – наличие этимологической справки у каждой (!) единицы. Причем нередки случаи употребления значка «солнечный диск» у нескольких фразеологизмов, находящихся под одной «ключевой» лексемой. См. у единиц под заголовком **вода** 8 справок, у единиц с заголовками **голова** и **нога** по 7 справок. Большое внимание авторы уделяют толкованию значения как основной, исходной форме фразеологизма, так и его деривантам. В целом фразеологизмы, помещенные под «ключевой» лексемой, получают глубочайшее и разнообразнейшее фразеографическое, а не лексикографическое описание.

По принципу отбора материала работа А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко – частное собрание, оно в едином национальном фразеографическом своде будет золотой частью.

Приводя краткую информацию о трех фразеографических трудах, в которых отражаются успехи русской фразеологии, я хотела показать, что отечественные фразеологи работают пока автономно, не следуют какой-то одной строго выработанной системе анализа и описания, опираются на большие личные картотеки, в которых можно открыть универсальные свойства, характерные для лексических единиц, и свойства, характерные только для фразеологизмов. Отсутствие единых принципов анализа и описания тормозит развитие и фразеологии, и фразеографии.

Соглашаясь с мнением одного из авторов «Введения» к «Фразеологизмам в русской речи» о том, что «на современном этапе развития фразеологии наблюдается все возрастающая тенденция синтезирования теории и фразеографической практики» [7, с. 3], не могу согласиться с полным составом словарей, приводимых в примечании, как реализующих названную выше тенденцию к синтезированию теории и фразеологической практики.

10. Заканчивая доклад, отмечу: в современной фразеологии усилиями отдельных ученых и некоторых их объединений раскрываются и квалифицируются глубинные и внешние формальные свойства фразеологизмов. Благодаря этому фразеология русского языка обрела черты

сложной науки, исследующей фразеологическую подсистему национального языка.

Фразеография, которая, строго говоря, может быть только зеркальным отражением фразеологии, пока не существует как стройная система правил описания фразеологических единиц, в ней (фразеографии) есть теоретическая база для описания, отдельные убедительные, глубокие фрагменты (см. выше), которые дают надежду на возможность создания научно строгой, глубокой фразеографии. А пока фразеография не имеет своего общепринятого терминологического аппарата: значительные по количеству описываемых единиц книги называем словарями, иногда «большими», статьи, в которых описываются синтаксическая структура, поведение и формы компонентов, разного типа трансформации неоднословной единицы, называются словарными, а не фразеологическими, разработку каких-либо сторон фразеологизма называем лексикографической, а не фразеографической. Фразеография продолжает пользоваться «младенческими лексикографическими пеленками», хотя уже выросла из них. Однако любая наука начинается с младенчества, будем надеяться, и фразеография освободится «от пеленок».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский, В.Л. О постоянных и переменных в структуре устойчивой фразы / В.Л. Архангельский // Филологические науки. НДВШ. – 1961. – № 1. – С. 210–213.
2. Бабкин, А.М. Фразеология и лексикография / А.М. Бабкин // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. – М.; Л.: Наука, 1964. – 76 с.
3. Ермакова, Е.Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии современного русского языка / Е.Н. Ермакова. – Тюмень: Вектор Бук, 2009. – 416 с.
4. Казачук, И.Г. Управление объектных процессуальных фразеологизмов: монография / И.Г. Казачук. – Челябинск, 2006. – 172 с.
5. Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка / под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск: МаГУ, 2009. – 290 с.
6. Мелерович, А.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка: монография / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 484 с.
7. Мелерович, А.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – 2-е изд. стереотип. – М.: Русские словари, Астрель, 2001.

8. Павлова, Н.А. Омонимия как проявление развития языка (на материале русских фразеологизмов): монография / Н.А. Павлова. – Омск: Изд-во Полиграфический центр КАН, 2008. – 300 с.
9. Радченко, Е.В. Динамические процессы во фразеологизмах с функционирующими морфологическими категориями: монография / Е.В. Радченко. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 148 с.
10. Радченко, Е.В. Динамические процессы в сфере значения русских фразеологизмов с функционирующими морфологическими категориями: монография / Е.В. Радченко. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2009. – 231 с.
11. Ратушная, Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования / Е.Р. Ратушная. – Курган: Изд-во КургГУ, 2000. – 223 с.
12. Словарь фразеологических омонимов современного русского языка / под ред. Н.А. Павловой. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 304 с.
13. Соловьева, А.Д. Качественно-обстоятельственные фразеологизмы русского языка / А.Д. Соловьева. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2005. – 459 с.
14. Челябинская фразеологическая школа (Итоги и осмысление пути). Научно-исторический очерк / науч. ред. А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2002. – 304 с.
15. Чепасова А.М. Предметные фразеологизмы русского языка / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2003. – 267 с.
16. Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учебное пособие / А.М. Чепасова. – Изд. 2-е, исправл. и доп. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. – 144 с.
17. Чепасова, А.М. Фразеологизмы в нашей речи. Учебный толковый словарь / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2000. – 299 с.
18. Шиганова, Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: монография / Г.А. Шиганова. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2001. – 454 с.
19. Шиганова, Г.А. Релятивные фразеологизмы русского языка / Г.А. Шиганова. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2003. – 306 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ФРАЗЕОГРАФИИ

Лексикография и **фразеография** имеют одинаковую вторую часть основы. На этом кончаются наши знания о фразеографии. Слово **фразеография** отсутствует в справочной литературе (ЛЭС, 1990, с. 258–259, Ахманова, 1966) и что самое печальное, в практических фразеографических трудах. Если термин **лексикография** имеет определение, сложное содержание, пусть краткую, но историю развития (ЛЭС, 1990, с. 258–259), хотя бы краткий список литературы, то термин **фразеография**, насколько мне известно, не имеет ничего подобного. Фразеологам предстоит заняться обширным кругом вопросов, связанных с понятием **фразеография**.

Для возникновения, существования и развития фразеографии необходимы научные исследования фразеологического состава и картотека, или фразеологический фонд.

В настоящей статье мы попытаемся в краткой форме изложить наше понимание составляющих фразеографию как раздела фразеологии и показать отличие фразеографии от лексикографии.

Объектом описания лексикографии является, как известно, лексема, цельнооформленная единица, объектом описания фразеографии является фразеологизм, отдельнооформленная единица, состоящая из компонентов, имеющих словный характер. Фразеологизм как объект фразеографии всегда синтаксическая конструкция. Следовательно, фразеография принципиально отличается от лексикографии качеством описываемых единиц, это отличие сохраняется постоянно.

Фразеологизм, как языковая единица, представляет собой сложное явление, он не открывает своих тайн легко и быстро, поэтому хотя в течение вот уже более столетия фразеологизм активно изучается, нельзя сказать, что все его фундаментальные стороны изучены, хотя сделано очень многое. Отсутствие надежных знаний о фундаментальных сторонах фразеологизма прямо сказывается на качестве описания этих единиц в специальных фразеологических собраниях, сборниках, «словарях». О фразеологии нередко говорят, что это молодая наука, еще более молодой, просто «юной» является фразеография.

Несовершенство фразеографических трудов объясняется, на мой взгляд, действием двух, скорее всего, трех причин, – первую я назвала выше, вторая – мощное влияние, даже давление лексикографии, которое начало осуществляться через наших крупных фразеологов, которые одновременно являлись крупнейшими лексикографами. Проявлением давления лексикографии считаю нелогичное, но настойчивое, всеобщее употребление терминов **лексикографический, словарный, словарь** вместо **фразеографический, фразеологический, свод, сборник, собрание**. Например, **Лексикографическая** разработка русской фразеологии (Бабкин, 1964), его же **Фразеология и лексикография** (Бабкин, 1964); **лексикографическая** разработка фразеологического материала, с. 3; **словарная** разработка индивидуально-авторских употреблений ФЕ, с. 4; **Лексикографическое** описание индивидуально-авторских трансформаций, с. 4; **лексикографирование** ФЕ, с. 5 (Мелерович, Мокиенко 2000), **лексикографическое** описание значения и употребления фразеологизмов (Телия, 2006). Статью, в которой описывается фразеологизм, называют **словарной**, фразеологический труд, в котором характеризуются фразеологизмы, называется **словарем**.

Третьей причиной несовершенства фразеографических трудов, думаю, следует назвать личные качества ученого-фразеографа, у которого отсутствует строгое отношение к терминам создаваемой прикладной науки, что проявляется в том, что ученый не проверяет, соответствует ли содержание употребляемого им термина из лексикографии содержанию понятия из фразеологии, и автоматически, аналогично тому, как употребляли до него, использует термин науки, главной единицей описания в которой является слово.

Современная фразеология между тем разработала и продолжает разрабатывать теории, определенные положения которых, будучи использованными, сделают совершенно молодую практическую дисциплину – фразеологию – строгой стройной наукой, покоящейся на системе научных истин.

Первой теоретической составляющей фразеологии является сложнейшая **теория компонентного состава** фразеологизма. Начиная с 60-х годов XX века, она разрабатывается отечественными фразеологами. Главной частью этой теории является положение об обязательных (облигаторных) и факультативных компонентах, которые, сохраняя словный характер, не являются словами в полном значении этого слова, а лишь компонентами данной фразеологической единицы.

Для фразеологии и фразеографии не важно, словами какой части речи считаются **обязательные компоненты** фразеологизма, главное, что они **являются фразеобразующими**, без такого компонента фразеологизма нет. Обязательные компоненты занимают определенное место в каждой данной единице. При фразеографировании необходимо сохранять тот порядок следования компонентов, с которым эта единица известна в языке. Это **правило первого компонента**, каким бы он ни был – знаменательным или служебным. Последовательно применил это правило В.П. Жуков (Жуков, 1980, XVI). В современных фразеографических трудах очень часто наблюдается необъяснимый произвол. Так, А.И. Молотков пишет: «Каждый фразеологизм помещается в словаре столько раз, сколько имеется в его составе компонентов, включая все лексические и видовые варианты. Исключение составляют компоненты, являющиеся генетически служебными словами» (Молотков, 1967):

вилами • вилами по воде писано. См. писано (с. 68);

пуще глаза. См. пуще (с. 105);

завеса • как будто завеса падает с глаз чьих. См. пелена (с. 160);

клюква • вот так клюква. См. вот (с. 199);

куличках • у черта на куличках. См. черта (с. 217);

печали • не было печали. См. было (с. 310);

разуме • на разуме (с. 383);

сват • ни сват ни брат (с. 411);

третьего • третьего дня. См. дня (с. 481).

Следующей теоретической составляющей фразеографии является **учение о значении, точнее о содержательных свойствах фразеологического состава**. Относительно давно, еще в 60-х годах XX века, установлено, что фразеологический состав делится на три части: номинативную фразеологию, грамматическую и модальную. Внутри каждой части выделяются классы с одним категориальным значением, класс, в свою очередь, состоит из семантических субкатегорий, а эти последние состоят из семантических групп и подгрупп, а эти последние состоят из фразеологических единиц, имеющих индивидуальные значения. Уральские фразеологии не одно десятилетие исследуют и описывают фразеологический состав русского языка как цельную, сложную, открытую семантико-грамматическую систему, используя классификацию А.М. Чепасовой (Чепасова, 1974; 2006). Теоретические положения названной классификации позволяют точнее определять и описывать индивидуальное значение единицы в фразеологической статье.

Насколько мне известно, современные фразеографы посвящают свои изыскания только номинативной части фразеологического состава, описывая лично отобранные единицы. Грамматическая и модальная фразеология современного русского языка совсем не представлена в русской фразеографии, хотя по названным частям имеются надежные исследования.

Теорией, необходимой для строго научного развития фразеографии, мы считаем **учение о грамматических свойствах фразеологизмов**. Лексикография русского языка пользуется развитой национальной грамматикой. Сила и совершенство лексикографии связаны с учением о классах слов, о грамматических категориях изменяемых и неизменяемых частей речи. Фразеография вообще и фразеологическая единица в частности также органично связаны с учением о грамматических свойствах фразеологизма, на что обращалось очень мало внимания учеными. В результате содержательные свойства фразеологизмов оказались более изученными, чем грамматические. Думаю, глубокой причиной такого положения оказались универсальные законы самой грамматики, которая обслуживает слово до тех пор, пока оно остается отдельным при кажущейся независимости его (слова) от семантических изменений. В действительности же при фразеологизации изменяется не только значение синтаксической конструкции, но и ее грамматические, морфологические и синтаксические свойства. Ученые челябинской фразеологической лаборатории не только обнаружили связь грамматики с изменяющейся (изменившейся) семантикой сочетания, но уже в течение нескольких десятилетий изучают эту связь, в целом ряде работ выявили и описали специфику грамматических категорий и форм, функционирующих в фразеологизмах разных классов. Учет грамматических свойств фразеологизма при фразеографировании позволяет делать его (фразеологизма) толкование более точным.

В современных фразеографических трудах грамматическая часть статьи или отсутствует (Молотков, 1967) или выглядит до неприличия бедной (Телия, 2006).

На качестве фразеологической статьи отчетливо сказывается уровень разработки **теории динамичности и диалектичности фразеологизмов**. В свою очередь уровень развития этой теории жестко связан с объемом выявленного фразеологического корпуса – чем больше зафиксировано фактов употребления фразеологизмов в живой звучащей и письменной речи, тем отчетливее видны способности данной единицы к

семантическим и структурным изменениям или проявления ограниченности к изменениям. Подтверждением объективности высказанного положения является фундаментальный труд А.А. Мелерович и В.М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи. Словарь». Авторы во Введении пишут: «Основным источником Словаря послужила фразеологическая картотека (свыше 60 тысяч карточек), которая собиралась авторами более 20 лет. Выборка производилась из произведений более чем 800 авторов (художественная, публицистическая, мемуарная, эпистолярная, научно-популярная литература).

Широко использовались периодические издания (газеты, литературно-художественные журналы)» (Мелерович, Мокиенко, 2001, с. 7).

Названная картотека позволила авторам охарактеризовать семантические и структурные преобразования отобранного «фразеологического ядра» с такой глубиной, с какой русские фразеологизмы еще не описывались в русской фразеографии.

Еще одной теорией, необходимой для глубокой характеристики фразеологизма в идеографическом справочнике (собрании, сборнике, своде), является **теория стилистических свойств единиц**. Фразеографии она нужна так же, как и лексикографии. В фразеографии должна быть разработана строгая система функционально-стилистических и эмоционально-оценочных помет. Справедливости ради следует сказать, что в имеющихся довольно многочисленных «словарях» названные характеристики присутствуют, хотя и не во всех случаях убедительны.

Все, что сказано выше о теоретических составляющих фразеографии, связано с современным состоянием фразеологии, вызывается и объясняется современным состоянием общества, говорящего и пишущего на русском языке.

Активно создаваемые в настоящее время фразеологические труды, основанные на больших или малых личных или групповых картотеках, объективно готовят базу для полного фразеологического свода фразеологизмов русского языка, в котором, подобно тому как в ССРЛЯ, будут грамотно расположены, полно семантически, грамматически и стилистически истолкованы фразеологические единицы, собранные в одном месте при Академии Наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 606 с.

2. Бабкин, А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии / А.М. Бабкин. – М.-Л.: Наука, 1964. – 76 с.
3. Бабкин, А.М. Фразеология и лексикография / А.М. Бабкин // Проблемы фразеологии: Материалы и исследования / АН СССР, Институт русского языка. – М.-Л.: Наука, 1964. – С. 7-36.
4. Жуков, В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка / В.П. Жуков. – М.: Просвещение, 1980. – 428 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 684 с.
6. Мелерович, А.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – Изд. 2-е. – М.: Русские словари, Астрель, 2001. – 854 с.
7. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 543 с.
8. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / И.С. Брилёва, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко [и др.]. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 782 с.
9. Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 1974. – 100 с.
10. Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов / А.М. Чепасова. – Изд. 2-е. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. – 143 с.

Сокращение

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОГРАФИИ

В лингвистике давно существуют не только определение лексикографии как теории и практики составления словарей, но богатейшие традиции в создании словарей разного типа, объема, назначения. Ничего такого нельзя сказать о фразеографии. Больше того, лексические толковые словари, я имею в виду наши академические, большой и малый, вообще не содержат ни одной лексемы из ряда **фразеограф, фразеографический, фразеография**. И тем не менее в настоящее время можно назвать достаточно большое количество одно- и двуязычных фразеографических сборников, по традиции называемых словарями, особенно много кратких, учебных, школьных «словарей». Каждый из созданных фразеографических сборников строится по правилам, которые вырабатывает автор-составитель и которые могут быть распространены на очень узкий круг фразеологических единиц. Показательными в этом отношении являются «Словарь эквивалентов слова. Наречные, служебные, модальные единства» Р.П. Рогожниковой [5] и «Школьный фразеологический словарь русского языка. Значение и происхождение словосочетаний» Н.М. Шанского, В.И. Зимина, А.В. Филиппова [12]. Очень мало фразеографических принципов в «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.И. Молоткова [7]. Причины малой информативности названного словаря заключаются в том, что в нем представлена мизерная часть фразеологического состава национального языка, о чем очень долго говорили в кругах лингвистической общественности, и в том, что теоретические основы этого труда отражают индивидуальные взгляды А.И. Молоткова на фразеологизм, фразеологию и фразеографию, что они (взгляды) не представляют собой фразеологической теории, выработанной многолетними исследованиями нескольких поколений ученых. Поэтому названный труд не должен квалифицироваться как **словарь русского языка**. В настоящее время словарь, в частности фразеографический, может быть только плодом коллективного труда и его нельзя создать в одночасье.

Из сказанного следует, что фразеологическая теория и фразеографическая практика взаимосвязаны: фразеологическая теория зависит от уровня разработки практической фразеографии, а последняя

зависит от уровня теоретического осмысления вопросов фразеологии. В настоящее время имеет смысл различать теоретическую и практическую фразеографию.

За 55-летний период довольно активного развития русской фразеологии появилось большое количество серьезных надежных теоретических изысканий в виде монографий, докторских и кандидатских диссертаций, различных научно-учебных пособий, не говоря о многочисленнейших статьях. Но общей особенностью этих теоретических трудов, на мой взгляд, является их «беззаботность» относительно того, **что** из добытых и описанных знаний о свойствах, признаках фразеологизмов и **как** должно или может быть отражено во фразеографическом труде. Причем здесь имеется в виду не какой-либо частный фразеографический сборник, а большой по объему, наиболее полный семантический структурно-грамматический свод, который действительно мог бы называться фразеологическим сборником или сводом современного русского языка. Исключение составляет работа Бабкина [1], написанная в 1964 году. В ней рассматриваются все специальные фразеографические проблемы – назначение и задачи словаря, размещение фразеологических единиц, источники словаря и др. Но любопытно отметить, что и в этой специальной фразеографической работе А.М. Бабкин вместо **фразеография, фразеографический** употребляет термины **лексикографический, словарная статья**. Ближе к концу века в русистике стало все острее ощущаться отсутствие теоретических работ по фразеографии, что отражается на характере теоретических оснований составляемых фразеографических трудов. Нашу работу 1997 года [9], где названы два больших круга проблем, стоящих перед теоретической и практической фразеографией, мы относим к разряду таких, в которых обозначены наиболее общие задачи. В настоящей работе, насколько позволит площадь, я обращусь к некоторым проблемам, которые неизбежно встанут перед составителями полного фразеографического труда. Мой многолетний опыт показывает, что положительное, непротиворечивое решение любого теоретического вопроса оказывается возможным, если опираться на результаты глубокого анализа большого разнообразного фразеологического материала.

Первым требует решения вопрос о фразеологизме как единице фразеологии и фразеографии. К настоящему времени создана большая литература, в которой исследуется природа фразеологизма, выявляются его типичные признаки, формальные и семантические, его синтаксическая организация, изучаются соотношения слова и фразеологизма, слово-

сочетания и фразеологизма, предложения и фразеологизма. Из всех существующих определений нужно выбрать такое, которое позволит непротиворечиво распространить его на все фразеологизмы, которые будут описаны в данном фразеографическом труде. Челябинские фразеологи предлагают считать фразеологизмом отдельнооформленную единицу языка с цельным значением, соотносительную со словом определенной части речи в семантическом и грамматическом отношениях, с закрепленным компонентным составом в массовом материале.

Фразеографам предстоит доказательно развести три понятия, которые в настоящее время могут встретиться в одной и той же теоретической работе – **собственно фразеологизмы**, анонимные, обозначающие понятие, **пословицы (паремии)**, тоже анонимные, выражающие целую мысль, и так называемые **крылатые выражения**, сохраняющие связь со своим источником, семантически разнообразные. Первые два типа часто считаются фразеологизмами с легкой руки С.И. Ожегова, который оставил нам сочетания «фразеология в узком смысле» и «фразеология в широком смысле». Пословицы и крылатые выражения С.И. Ожегов относил к фразеологии в широком смысле.

Последовательно проводимое сопоставление собственно фразеологизмов и пословиц позволяет обнаружить качественные структурные, семантические, морфологические, синтаксические и функциональные различия этих единиц и принципиально развести их по разным отделам филологии. Не мешает такому разведению и тот факт, что пословицы могут при определенных условиях становиться источником образования фразеологизма. Ср. пословицу **Пьяному море по колено, а лужа по уши** и фразеологизм (кому-либо) **море по колено** – ‘просто, легко что-либо сделать’ [10].

Так называемые крылатые выражения структурно и синтаксически еще более разнообразны, чем собственно фразеологизмы, с семантической точки зрения находятся на разных ступенях фразеологичности – от высокой, ставящей крылатое выражение в один ряд с собственно фразеологизмом, до такой низкой, что о фразеологичности там говорить весьма проблематично. Очень различна частота употребления разных крылатых выражений – одни из них имеют тенденцию превратиться во фразеологизмы, а другие – никогда не стать ими и остаться в пассивном запасе языка. Крупным, едва ли не единственным специалистом по крылатым выражениям у нас на Урале является профессор С.Г. Шулежкова, автор

многочисленных сборников крылатых выражений, статей, монографий и словарей [3; 13; 14; 15].

Другими вопросами, не имеющими общепринятого решения, необходимо считать проблему компонента фразеологизма и проблему первого компонента. По первому из этих вопросов существует большое количество работ, в которых высказываются порой несовместимые, противоречивые мнения. В современной фразеологии имеются многочисленные статьи, специальные главы в монографиях, целые сборники, посвященные этой проблеме. (Только в Челябинске имеется несколько тематических сборников и более трех десятков кандидатских и докторских диссертаций, в которых рассматривается проблема компонента). При выработке теории компонента для нужд фразеологии необходимо иметь в виду такие трактовки этого понятия, которые помогали бы фразеографу и читателю уяснить специфику слова, становящегося компонентом новой языковой единицы. За годы исследования фразеологизмов мы утвердились в понимании того, что компонент – это структурно-семантический элемент фразеологизма, омонимичный слову, претерпевший семантические и грамматические изменения при образовании фразеологизма как новой по значению и форме единицы. В соответствии с высказанным выше пониманием фразеологизма как языковой единицы компонентами последнего могут быть слова любой части речи – как служебные, модальные, так и знаменательные. Из сказанного следуют выводы, разные для лексикографии и фразеологии. Слово, употребленное вне фразеологизма, помещается один раз на своем месте в соответствии с алфавитным порядком расположения; положение однозвучного слова-компонента фразеологизма подчиняется прежде всего тому, какое место занимает этот компонент в структурной модели каждого данного фразеологизма, в котором закрепленное положение каждого компонента диктуется индивидуальным значением единицы. Так как слово-компонент в составе фразеологизма утратило лексическую и грамматическую самостоятельность, то во фразеологическом труде оно тоже должно употребляться один раз, в составе «своего» фразеологизма, сколько бы в нем компонентов ни употреблялось и какими бы они ни были – знаменательными или служебными. Лексикографы же, ввиду неразработанности этого вопроса во фразеологической теории, допускают грубую ошибку: они разрушают фразеологизм как единое структурно и семантически цельное образование, превращают компонент в лексему и помещают ее дважды – один раз на месте лексики вне фразеологизма, а второй раз – в составе фразеоло-

гизма как компонент, что часто приводит к произвольному, подчас совершенно неверному толкованию фразеологизма. Так, например, в 12 томе семнадцатитомного словаря [6] под заголовочным словом **рука** приводятся фразеологизмы **не покладая рук, ломать руки, махнуть рукой, рука руку моет, с легкой руки, руки по швам, золотые руки, правая рука**, а толкование этих единиц приводится соответственно в статьях с заголовочными словами **Покладать, Ломать, Махать, Мыть, Легкий, Шов, Золотой, Правый**; в 7 томе того же словаря под заголовочным словом **нос** приводятся фразеологизмы **с гулькин нос, держать нос по ветру, зарубить (себе) на носу, комар носу не подточит, хоть кровь из носа (носу), нос в табаке, чуют носом**, а толкование этих единиц приводится соответственно в статьях с заголовочными словами **Гулька, Ветер, Зарубить, Комар, Кровь, Табак, Чуют**. Еще есть ошибка в характеристике фразеологизмов в лексических словарях – в последних игнорируется участие элементов значения служебных слов-компонентов (предлогов, союзов, частиц) в формировании значения фразеологического целого. Справедливости ради необходимо отметить, что не все фразеологизмы подвергаются указанному разрушению в лексических словарях, некоторые единицы получают семантическое толкование в одном месте, без отсылок. Что же касается фразеографии, то у нее, опирающейся на сущностные свойства фразеологизма и на характер изменений слов-компонентов внутри него, остается только одно правило – помещать то или иное слово-компонент только один раз, только в составе «своего» фразеологизма.

В зависимости от решения названных выше вопросов находится решение вопроса о первом компоненте фразеологизма. В теории и практике фразеологии и фразеографии есть два подхода к решению этого вопроса – первым компонентом является знаменательный и только знаменательный компонент. В русском языке очень много фразеологизмов, состоящих только из знаменательных слов-компонентов – это все единицы моделей «согласуемое слово + существительное», «глагол + существительное», «наречие + глагол» и др. О них прежде всего идет речь в разнообразных теоретических работах, они в основном приводятся в качестве примеров в литературе. Но названными моделями не исчерпывается набор синтаксических моделей русских фразеологизмов. В языке имеется едва ли не самый многочисленный разряд моделей, обязательным структурным признаком которых является наличие в качестве фразообразующего, всегда первого, служебного компонента. Сюда относятся единицы типа **с виду** – ‘внешне’, **за глаза**¹ – ‘скрытно, тайно’, **за глаза**² – ‘много’, **на**

носу – ‘скоро’, **с иголки**¹ – ‘новый, только что сшитый’, **с иголки**² – ‘современно, модно’, **по карману** – ‘соответственно финансовым возможностям кого-либо’, **не по карману** – ‘дорого, не соответствует финансовым возможностям кого-либо’, **про себя** – 1) ‘тихо, невнятно’, 2) ‘молча’; **хоть плачь** – ‘тяжело, горько’, **как сквозь сон** – ‘неотчетливо, смутно’.

Еще примеры таких единиц:

– в бегах, в восторге, в долгу (-ах), в ладу (-ах), в накладе, в ответе, в руках, в тени, в ударе, в цене, в лицо, в глаза;

– до гроба (до гробовой доски, до могилы), до зарезу (-а), до лампочки, до отказа (-у), до того, до чего, до Ф(феньки) (Фени);

– из-за угла;

– из-под носа, из-под палки, из-под полы¹, из-под полы²;

– на виду, на высоте, на глазок, на манер (чего), на равных, на руку, на ходу;

– по временам, по духу, по заслугам, по зубам, по карману, по плечу, по природе (натуре), по силам;

– как по маслу, как (будто, точно) снежный ком, как (будто, точно) грибы (после дождя), как воздух, как на иголках, как рыба в воде, как с гуся вода, как (словно, будто, точно) на дрожжах;

– не в духе, не в моде, не в силах, не из легких (простых), не ко двору, не на шутку, не от мира сего, не пара, не по плечу, не рука, не с руки, не у дел, не указ, не чета.

И пока о статусе таких все еще бурно спорят фразеологи, лексикографы отмечают их, может быть, неполно, в различных лексических словарях – толковых, орфографических, орфоэпических и др. Как видим, в вопросе относить или не относить к фразеологизмам названные выше и подобные им единицы практическая лексикография опережает и фразеологию, и фразеографию. Одновершинные фразеологизмы (А.И. Смирницкий) являлись и продолжают оставаться объектом исследования челябинских фразеологов А.А. Кононовой, Т.Е. Помыкаловой, Н.А. Павловой, А.Д. Соловьевой, Л.Д. Игнатьевой, Т.Г. Голощаповой, Е.Ф. Габрик, Л.Ю. Нестеровой, Н.М. Родионовой, Г.А. Шигановой, О.В. Куныгиной, А.В. Свиридовой и др.

Чтобы фразеологические статьи могли удовлетворять разнообразные запросы читателя и стать объектом изучения фразеологов, они (статьи) должны быть глубокими по характеристике. Глубину фразеологической статье и труду в целом придают прежде всего семантико-

грамматические, вариационные характеристики. В свою очередь, названные показатели глубины характеристики возможны лишь при наличии больших фразеологических фондов. Если в 1970 году А.М. Бабкин писал, что русская фразеология не может похвастаться ни обширным фразеологическим словарем, ни обильной картотекой фразеологических материалов [2, с. 154], то в конце 90-х годов, как мы говорили [9], уже имеются «обильные» фразеологические материалы в Челябинске, Кургане, Магнитогорске.

Проблемы варьирования в русской фразеологии разработаны глубоко, разносторонне, при этом обнаружена связь вариации с фразообразованием и синонимией, варьированию подвергаются около третьей части русских фразеологизмов. Необходимость учета данных фразеологии во фразеографии объясняется просто: как показали многочисленные исследования, варианты являются внешними модификациями и не нарушают семантического тождества единицы. Это свойство вариантов учитывается (должно учитываться!) во фразеографической статье сразу, уже в заголовочной части.

Например. Без сучка без задоринки (без сучка и (без) задоринки)

В долгу(-ах).

В один прекрасный(-ое, -ую) день (утро, ночь, момент).

В одно мгновение (в один миг (момент), в одну минуту).

В сорочке (рубашке) родился (рожден).

Вносить / вынести сор из избы (хаты, храма).

До (Ф)феньки (Фени).

Звездный час (миг), звездная минута, звездное время (мгновение).

Из ряда вон (выходящий) выходящий из ряду вон).

Печально (позорно, скандально) известный(-ен), знаменит(-ый), памятный (прославившийся).

Плохо (его, ее, твое, мое, ваше, наше, их) дело.

Покатываться / покатиться (помирать, поумирать, валяться) со смеху, от смеха.

Скор(-ый), быстр(-ая, -ые), легкий (легок, -ие) на ногу.

Скор(-ый), быстр(-ый, -ая, -ые), на (суд и) расправу.

Теплое (тепленькое) место (местечко). Трещать по (всем) швам.

Угрызения (укоры) совести.

Фиговый лист(-ок, -очек).

Эзопов(-ский) (рабий) язык (эзопова речь).

Отсутствие сведений о вариантности данной единицы мешает читателю правильно воспринимать форму фразеологизма, а ученым не дает возможности следить за динамикой данной единицы от инварианта к варианту, а от последнего к первому. Челябинские фразеологии обязательно выявляют типы варьирования и степень распространенности его в исследуемых единицах.

Первейшей характеристикой фразеологизма является толкование его значения. Об этом не забывают составители фразеографических трудов, однако значения толкуют часто без учета синтаксической и лексико-семантической сочетаемости, без учета окружения, в котором реализуется то или иное значение. Так поступают составители лексических толковых словарей, когда характеризуют фразеологизм, продолжена эта печальная традиция в фразеологических словарях. Так, в Словаре современного русского литературного языка [6], в т. 5 в статье, посвященной лексеме **край**, в качестве самостоятельных единиц приводятся две падежные формы с их функциональными значениями фразеологизма **край света (земли) – на краю света (земли)** (быть находиться); **на край света (земли)** (бежать, пойти и т.п.). 'Быть, находиться где-то очень далеко'; 'бежать, пойти куда-то очень далеко'. Ошибка заключается в том, что фразеологизм **край света (земли)** – предметный, имеет индивидуальное значение 'место, территория, отдаленная от говорящего'. Эта единица имеет полный набор падежных форм и закрепленных за последними функциональных значений. Формы предложного и винительного падежа у этого фразеологизма самые частотные, поэтому при отсутствии других падежных форм в распоряжении автора статьи эти две формы представлены как самостоятельные единицы, а их функциональные значения как индивидуальные. Точное значение этих форм соответственно 'на далеком от говорящего месте' и 'на далекое от говорящего место' [6, т. 5, 1570].

Та же ошибка повторена в Фразеологическом словаре русского языка [7, с. 211]. В фразеологическом словаре русского литературного языка конца XVIII–XX в. под ред. А.И. Федорова две названные формы тоже даются как две единицы – **хоть на край земли, на краю земли** [8, с. 260]. Результатом названных ошибок оказывается неточность толкования значения фразеологизма.

Важнейшим показателем глубокой разработки фразеологического материала является полная грамматическая характеристика его, указание на морфологическую изменяемость или неизменяемость единицы, указание на то, какие грамматические формы возможны, какова частотность

тех или иных форм. Отсутствие таких сведений в статьях намного снижает ценность их как активного пособия по культуре речи, а исследователи лишаются возможности объективно судить о грамматической природе фразеологизма, об особенностях значения, структуры и функционирования во фразеологии национальных грамматических категорий. Заметим, что единственное, что представлено в современных фразеографических работах, это указание на видовые формы, и то они подаются так, что невозможно понять, что это – видовая пара или вариант [8].

И наконец важным показателем глубокой характеристики статьи о фразеологизме является его функциональная характеристика: в каких формах употребляется чаще, реже, в каком окружении, в составе сложного словосочетания или отдельной единицы, какие функции в предложении или в тексте выполняет. Разработка теории о функциональной и стилистической природе фразеологизмов в русской фразеологии и фразеографии еще только начинается. Справки о функциональных свойствах фразеологизмов еще в 1980 году поместил В.П. Жуков в первом издании «Школьного фразеологического словаря» [4].

Ниже приводим образцы фразеологических статей с указаниями их грамматических и функциональных свойств. Выборка взята из нашего Учебного толкового словаря [11], в котором реализуются разработанные в Челябинской проблемной лаборатории принципы полного фразеологического справочника русского языка и где составляется самый большой в России фразеологический фонд.

Учитывая лимит площади статьи, приводим 4 статьи единиц с предметным значением, 5 – со значением признака, 4 – со значением качества, 3 – со значением действия.

БЛУДНЫЙ СЫН – ‘человек, возвращающийся к отвергнутому, покинутому им раньше’.

В речи чаще употребляется в форме единственного числа, имеет все падежные формы, но особенно часто употребляется в формах винительного без предлога (*простить блудного сына, пожури́в блудного сына*), винительного с предлогом *на* (*негодовали на блудного сына*); в форме родительного падежа употребляется в сочетании с существительным (*возвращение блудного сына*), в форме дательного без предлога (...оказала на сей раз своему **блудному сыну** более теплый прием); в форме предложного падежа с предлогом **о** в сочетании с глаголами и существительными (*вспомнить о своем **блудном сыне**, притча о **блудном сыне***). Нередко выделяется кавычками.

Выражение возникло из евангельской притчи о блудном сыне, который, получив от отца свою часть имения, ушел в дальнюю сторону и, живя распутно, расточил свое имение, испытал нужду и лишения и возвратился к своему отцу.

Литература: Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. Крылатые слова, с. 56–57.

ЗВЕЗДА ПЕРВОЙ ВЕЛИЧИНЫ – ‘прославившийся в чем-либо, знаменитый человек’.

В речи может употребляться в форме множественного числа. Часто употребляется в формах именительного падежа в роли приложения (подходит ... сам Плевако, знаменитый адвокат, ... **звезда первой величины**...); и в роли именной части сказуемого (Самойлов – **звезда первой величины**); в форме родительного падежа – в роли дополнения (состоит из **звезд первой величины**); в форме предложного падежа употребляется в роли дополнения (писали как о **звезде первой величины**); но особенно часто употребляется в творительном падеже со значением сравнения (**звездой первой величины** сверкает имя Авиценны) или в роли именной части сказуемого (В блестящей плеяде выдающихся деятелей отечественной культуры Илья Ефимович Репин, бесспорно, является **звездой первой величины**). Перед фразеологизмом могут употребляться согласованные определения (*футбольная(-ые), спортивная(-ые), голливудская, эта, восходящая, вновь поднимающаяся*). Фразеологизм иногда выделяют кавычками.

ОТЦЫ ГОРОДА (ГОРОДСКИЕ ОТЦЫ) – ‘городские власти, администрация города’.

Употребляется в форме множественного числа. Возможны все падежные формы, но особенно часты именительный в роли субъекта (подлежащего) и родительный в роли определения (**отцы города** увидели, отвезли, пригласили, выделили 8429 долларов; продержались у власти, склонны были объяснять, отвергли подарок, передали, сели в лужу, воздвигли, смотрят на Хлестакова, попросили было; восемь **отцов города**; изобретение **отцов города**; к ужасу **отцов города**; мутноватые умы **отцов города**; негодование **отцов города**; по мнению **отцов города**; имена **отцов города**; интеллигентность **отцов города**; проблема для **отцов города**; **отцами города** руководили не только благородные цели охраны среды; изданных **отцами города**; **городские отцы** не могут найти; **городские отцы** Бостона ошибаются).

Замечен случай употребления фразеологизма в форме единственного числа, при этом он сохранил свое индивидуальное значение и приобрел ярко выраженный иронический оттенок (К своему крайнему ре-

шению об отставке пришел человек (Д.И. Маркин), который до этого полных три года был на должности мэра полномочным **«отцом города»**, чье слово – закон для подчиненных. (Известия. 1990. 11 авг.).

Между компонентами фразеологизма может быть прилагательное, относящееся к форме **города** – отцов **молодого** города, отцов нового города.

Если фразеологизм употребляется расширительно, вместо компонента города появляется компонент **отчества, страны**: Где, укажите нам, отчества отцы, которых мы должны принять за образцы? А.С. Грибоедов. ...обстановка безразличия **отцов страны** к факту приглашения Белой Олимпиады на территорию США.

Перед фразеологизмом можно употребить согласованное определение – *перепуганные, прежние, сегодняшние, всемогущие, прочие* и т. п.

Фразеологизм может употребляться в составе заголовка. Иногда, чтобы выразить ироническое отношение к обозначаемым лицам, фразеологизм выделяют кавычками.

ЗАВТРАШНИЙ (ГРЯДУЩИЙ) ДЕНЬ – ‘ближайшее будущее’.

В речи употребляется только в форме единственного числа. По данным нашей картотеки, одинаково часто употребляются формы пяти падежей, отсутствующим оказался дательный (**завтрашний день** может оказаться неизмеримо тяжелее; **завтрашний день** вечно стоит вопросительным знаком; по поводу **завтрашнего дня**; мир светлого **завтрашнего дня**; насчет **дня завтрашнего**; с чем идти в **завтрашний день**; вера в **завтрашний день**; Академию наук всегда заботит **завтрашний день**; боязнь перед **завтрашним днем**; уверенность в **завтрашнем дне**; думать о **дне завтрашнем**; беспокоиться о **завтрашнем дне**).

Фразеологизм способен управлять родительным падежом существительного, например, **завтрашний день** – *науки и техники, космических полетов, искусства, своего слуги, страны и народа*; и подчиняться существительным в форме родительного падежа (правда **завтрашнего дня**; «Скорая помощь» **завтрашнего дня**; человек **завтрашнего дня**; модель школы **завтрашнего дня**; стратегия **завтрашнего дня**; мода **завтрашнего дня** и др.).

Иногда говорящий или пишущий употребляет перед фразеологизмом согласованное определение, выраженное прилагательным; (*светлый, прекрасный*) или местоимением (*наш, свой*).

В письменной речи фразеологизм может употребляться как самостоятельный заголовок или в его составе (Перед **завтрашним днем**).

Вс. Сурганов. **Завтрашний день** планеты. Рубрика в газете: Увидим футбол **завтрашнего дня**).

Фразеологизм **завтрашний день** отделился от такого же по звучанию свободного словосочетания. Так как обе единицы – фразеологическая и синтаксическая – сосуществуют, надо научиться их различать. Приемы различения описаны в статье **Вчерашний день**.

Учтите, что свободное словосочетание **завтрашний день** тождественно наречию **завтра**, имеющему значение 'на (в) следующий день после сегодняшнего'.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТ (-ЫЙ, -АЯ, -ЫЕ) – 'такой, который не по своей воле, не по своему желанию испытывает отрицательные чувства'.

Может иметь все падежные формы, но чаще всего употребляется в формах именительного и творительного.

Выполняет роль согласованного необособленного или обособленного определения (...как всегда **без вины виноватый** крестьянин вынужден покупать ту технику, которую дают, ... наши **без вины виноватые** курортницы спокойно бы сели в такси...). Часто употребляется как именная часть сказуемого с нулевой связкой или выраженной глаголом оказаться. (Вот уж воистину **без вины виноват!** А. Чехов; родители Максима оказались **без вины виноватыми**; на мое несчастье я оказался **без вины виноватым**. К. Симонов).

Может стоять в одном ряду с другими сказуемыми или определениями.

В СОРОЧКЕ (РУБАШКЕ) РОДИЛСЯ, РОЖДЕН – 'удачливый, везучий'. Разг. Неизм. Варьируются формы – **родился, родилась, рожден, рождена**. (Бальзаминов: Что служить-то! Много ли я выслужу? А тут вдруг зацепишь миллион... А что ж такое! Нешто не бывает. Вы сами же сказали, что я **в сорочке родился**. А. Островский; Представь себе, Маремуха, ты **рожден в сорочке**, – сказал директор. – Столяров хороших нам как раз и не хватает. В. Беляев; Об Иване Михайловиче Чисове говорили: «**В сорочке родился**». Называли «удачливым». М. Ребров; простакам сослуживцам казалось, что попросту был он **в рубашке рожден** (А.Е. Можайский). С. Васильев).

НЕЧИСТ (-ЫЙ, -ЫЕ) НА РУКУ – 'нечестный, вороватый'.

Выполняет две роли – согласованного определения и именной части сказуемого.

Как определение фразеологизм относится к одушевленному существительному (*покупатель, работник (торговли), хлеборезы, человек, эскулапы,*

люди) в форме любого падежа. (Среди **нечистых на руку** хлеборезов; иногда **нечистый на руку** человек орудует настолько хитро, что сослуживцы остаются в полном неведении; своим бездействием они (равнодушные) помогают **нечистым на руку** людям; ...повел с **нечистыми на руку** людьми неотступную борьбу...; **нечистые на руку** люди распространяют вокруг себя тлетворные миазмы морального разложения). Чаще всего фразеологизмом определяется существительное *люди*.

По данным нашей картотеки, компонент прилагательное **нечистый** употребляется только в полной форме, если вся фразеологическая единица выполняет роль определения.

Как именная часть сказуемого фразеологизм тоже характеризует лицо, употребляется в форме только двух падежей – именительного и творительного (кто **нечист на руку**; пришел к нам жадненьким и **нечистым на руку**).

Подлежащее, характеризуемое фразеологизмом, выражается местоимениями *кто, он*, собственным и нарицательным, но тоже одушевленным существительным – Савелий, Клим, Николай Веревкин.

Компонент прилагательное **нечист** употребляется только в краткой форме, если фразеологическая единица выполняет роль именной части сказуемого и имеет форму именительного падежа.

НЕ (ИЗ) ТРУСЛИВОГО (РОБКОГО) ДЕСЯТКА – ‘смелый, безбоязненный’. Неизм.

Употребляется в роли именной части сказуемого, чаще всего с нулевой связкой (Покойный дед был человек – не то, чтобы **из трусливого десятка**; бывало встретит волка, так и хватает его прямо за хвост. Н. Гоголь; (Люне:) Все они требуют, чтобы я покинул Данию, грозятся убить меня, поджечь дом. **Я не трусливого десятка**, и все-таки ночью, когда ты один и только вот эти письма рядом, а телефон звонит, и звонит, бывает немножко не по себе... Арбузов; Нашлись, как и везде бывает, кое-кто **не робкого десятка**, которые не теряли присутствия духа. Н. Гоголь; Сердце Родиона гулко застучало, но он ничем не выдал своего волнения. Пусть этот парень берет его на ИСПУГ – он **не из робкого десятка!** Е. Мальцев).

Может употребляться в составе заголовка (Молодежь **не робкого десятка**).

ВЫСОКОЙ (САМОЙ ВЫСОКОЙ, ВЫСОЧАЙШЕЙ, ЧИСТОЙ) ПРОБЫ – ‘обладающий почитаемыми в обществе качествами в высшей степени’. Неизм.

Употребляется в роли именной части сказуемого и несогласованного определения (Для него ясно было, что теперь он созерцает настоящего дельца, дельца **высшей пробы**. М.-Сибиряк; Чохов был храбр и знал это, но он не мог не отметить про себя, что храбрость Лубенцова более **чистой пробы**. Э. Казакевич; Поэзия Инны Гофф **высочайшей пробы**. Я. Френкель).

БЕЗ СУЧКА БЕЗ ЗАДОРИНКИ (БЕЗ СУЧКА И (БЕЗ) ЗАДОРИНКИ) – ‘соответственно нормам, порядку; правильно, четко, точно’. Неизм.

Сочетается с глаголами сов. и несов. вида, обозначающими какую-либо деятельность, события, поступки – *идти, пойти, выходить, снарядить, отправить* и др. подоб. Глаголы употребляются в основном в форме 3-го лица пр. времени и наст. (*всё идет, всё пошло, шло, выходило*); возможны сочетания с инфинитивом. Располагается непосредственно после глагола или перед ним, может быть отделен от глагола другими словами и формами. Может стоять в одном ряду с другими обстоятельствами такого же значения, употребляться как отдельное неполное предложение. Выполняет роль обстоятельства образа действия.

Нередко пишущие между частями фразеологизма ставят запятую, что нельзя признать правильным. (Всё прошло **без сучка, без задоринки**. Особенно выразительно сказал Семашко. М. Пришвин; ...вроде бы все на фабрике шло **без сучка, без задоринки**. Комс. пр., 1967. 22 февр. – Вот так и тебя будем провожать. Юра! – Хорошо бы так! **Без сучка без задоринки** пошла. Ох, и здорово пошла! Было приятно смотреть на озаренное улыбкой и счастьем лицо Юрия Гагарина. Комс. пр., 1970. 15 июня; Ирина и Александр проделали катание, как говорится, **без сучка и задоринки**; Чохов все время горел служебным рвением, несколько мальчишеским стремлением вести свою работу **без сучка и задоринки** сквозь строй многочисленных искушений. Э. Казакевич; Я продумывал самые невероятные вокальные трудности, и всё выходило **без сучка и задоринки**. С. Лемешев; Петр смотрел и думал: как должны выстроиться мысли, если вот так, **без сучка и задоринки**, не останавливаясь и не сбавляя темпа, можно выдохнуть статью. С. Дангулов; Я всё восхищаюсь, как вы быстро снарядили и отправили отряд, товарищ Извеков. **Без сучка без задоринки**. К. Федин).

Задоринка, и, род. мн. -нок, ж. Разг. Уменьш.-ласк. к слову задорина. Суффиксальное производное от **задора** или **задор** – «задранный место, заструга», безаффиксного образования от **задирать** – «рвать, подымать

вверх». Слов. совр. рус. лит. яз. в 17 т.; т. 4; Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. Кратк. этимолог, слов. рус. яз., с. 153.

БЕЗ ОБИНЯКОВ – ‘откровенно, открыто, прямо, сразу’. Неизм.

Сочетается с глаголами сов. и несов. вида, обозначающими речевую деятельность, – *сказать, спросить, отмечать, рассказать говорить, объявлять, именоваться, подтвердить* и др.; с глаголами, обозначающими начало какой-либо деятельности – *приступить, начать* и др. Глаголы употребляются в основном в личной форме настоящего, прошедшего, будущего сложного времени, редко в форме повелительного наклонения.

Нередки сочетания с страд. причастиями, единичны – с деепричастиями. Располагается непосредственно перед глаголом или после него, может быть отделен от глагола другими словами и формами. В предложении выполняет роль обстоятельства образа действия. (*Бор без обиняков* начал этим разочаровывающим утверждением вторую полосу рукописи. Д. Данин, Мы будем говорить как честные люди, как приятели, **без обиняков**. А. Чехов; Григорьев сел и поднял на Макарова живые, но уже в легкой сетке морщин глаза. – Куда назначены? – спросил он **без обиняков**. В. Попов; ...то, что тщательно маскировалось на протяжении десятилетий, теперь в венесуэльской столице было подтверждено официально и **без обиняков**; ... интересы высказаны **без обиняков**). Может стоять в одном ряду с другими обстоятельствами образа действия. – Скажи мне откровенно, прямо, **без обиняков**, чувствуешь ли ты ко мне истинное, душевное расположение? Д. Григорович.

Обиняк, -а, м. Устар. Осторожный, иносказательный оборот речи; недомолвка, намек. Слов. совр. рус. лит. яз., т. 8, с. 145–146.

ДО СИХ ПОР (ДО СЕЙ ПОРЫ, ДО СЕГО ДНЯ, ВРЕМЕНИ) – ‘доныне (от прошлого до момента речи в настоящем)’. Неизм.

Сочетается с разными частями речи, формами слов, фразеологизмами. Глаголы сов. и несов. вида употребляются в личных, причастных, деепричастных формах, прилагательные в краткой и полной форме, связка *быть* в форме пр. времени, частица *нет* в роли сказуемого. Не имеет одного места расположения, но часто стоит непосредственно перед глаголом, может располагаться в абсолютном начале предложения. Выполняет роль обстоятельства времени или временного определителя, характеризующего всё предложение. Может стоять в одном ряду с другими обстоятельствами такого же значения (Никогда **до сих пор** не ступала нога Родиона на чужую землю. В. Катаев; О «Хирургии» **до сих пор** ни слуху ни духу. А. Чехов; **до сих пор** тайна надпочечников не разгадана до конца

(Наука и жизнь. 1966. № 5); А где Иван, если его **до сих** пор нет в Ялте? А. Чехов; Сад ещё **до сих** пор густ и живописен... И. Бунин; **До сих пор** (Комс. правда, 1967. 18 окт.) ни один космический объект не осуществил входа со второй космической скоростью даже в хорошо известную нам атмосферу Земли (Комс. правда, 1967. 31 окт.); **До сей поры** почти все предположения Нельгина сбылись. А. Куприн).

! В научной письменной и устной речи фразеологизм может использоваться в начале параграфа, абзаца в конструкциях: «**До сих пор** мы говорили», «**До сих пор** речь шла...» и т.д. В таких текстах фразеологизм имеет не только временное значение, но и пространственное.

Сей – архаичное указательное местоимение использовано во фразеологизме в форме родительного падежа множественного числа. Широко распространен во всех стилях русского языка.

СВОИМИ (СОБСТВЕННЫМИ) ГЛАЗАМИ – ‘непосредственно, лично’. Неизм.

Сочетается с глаголами несов. и сов. вида, обозначающими зрительное восприятие; самыми частотными являются глаголы *видеть, увидеть*, единичные сочетания с глаголами *смотреть, посмотреть, наблюдать, убедиться, взглянуть*. Глаголы употребляются главным образом в форме 3-го лица ед. числа пр. времени, редки формы услов. и повел. наклонения; возможны сочетания с инфинитивом; может входить в состав конструкции с союзом *чтобы*. Располагается непосредственно перед глаголом или после него. Выполняет роль обстоятельства образа действия с семантическим элементом ‘высокая степень достоверности увиденного’ (Один из авторов представленных здесь живописных композиций – космонавт, свободно реявший в открытом космосе и **своими глазами** видевший нашу планету с высоты нескольких сотен километров; Могучий Асуан. Со всех концов ОАР приезжают сюда люди, чтобы **своими глазами** увидеть это величественное сооружение; Все чаще из Москвы наезжали бояре – взглянуть **своими глазами**, какие игры играют на Яузе? А.Н. Толстой; Я **собственными глазами** видел, как Дик направился к проходной. А. Ефремов). Может употребляться в составе заголовка (Если б не видел **своими глазами**...).

Широко употребляется в речи.

ВЫНОСИТЬ/ВЫНЕСТИ СОР ИЗ ИЗБЫ (ХАТЫ, ХРАМА) (разг.) – ‘разглашать/разгласить то, что обычно принято скрывать от кого, чего’ (других членов семьи, соседей, других членов коллектива, непосредственного и далекого начальства и т.п.).

Употребляется в формах несов. и сов. вида, 3-го лица ед. и, редко, мн. числа, буд. и пр. времени, изъяв. наклонения, причастий и инфинитива. Выполняет несколько синтаксических функций: личные формы являются простыми сказуемыми, причастные – обособленным определением, инфинитивные – простым сказуемым в инфинитивном предложении, частью сложного сказуемого, дополнением и определением. Подлежащим является одушевленное существительное или местоимение (...любые попытки **вынести сор из избы**; нежелание «**выносить сор из избы**»; вековые традиции ... **не выносить сор из избы**; побудившие его **вынести сор из избы**; боялись **вынести сор из избы**. Чтоб знал, как **выносить сор из избы**; не хочет **выносить сор из** собственной **избы**; Мол, зря **вынес сор из избы**. Анатолий Исупов. М. Фонотов; Впрочем, «**сор**» из храма Мельпомены **вынес** не только критик, а и человек театра. А. Свободин).

Часто употребляется в русской устной и письменной речи.

ЗАТЫКАТЬ/ЗАТКНУТЬ РОТ (ГЛОТКУ) кому (груб.-прост.) – ‘заставлять замолчать, не давать говорить’, о ком, о чем.

Употребляется в формах несов. и сов. вида, 3-го, 2-го лица ед. и мн. числа пр. времени, изъяв. и повел. наклонения, инфинитива. Выполняет несколько функций в предложении: личные формы являются простыми сказуемыми, инфинитивные – простым сказуемым в инфинитивном предложении с модальностью приказа или в придаточном цели с союзом *чтобы*; определением, дополнением. Подлежащим является существительное со значением лица или местоимение (Ты мне **рот не затыкай!** – обозлился Стырь. В. Шукшин; Само собой разумеется, что он (Вронский) не говорил ни с кем из товарищей о своей любви, не проговаривался и в самых сильных попойках (впрочем, он никогда не бывал так пьян, чтобы терять власть над собой) и **затыкал рот** тем из легкомысленных товарищей, которые пытались намекать ему на его связь. Л. Толстой; – **Заткнуть** им **глотки!** Песня сбилась, задрожала, разорвалась, погасла. М. Горький; Неумная решительность в определении того, кто прав, а кто нет, сопровождаемая желанием поскорее **заткнуть рот** противнику, слишком дорого нам обошлась (Извест. 1989. 1 июля); Неприличный шум вокруг Распутина все возрастал, имя царицы трепали на всех перекрестках, полиция была бессильна **заткнуть рты** россиянам. В. Пикуль).

ЗАТЫКАТЬ/ЗАТКНУТЬ ЗА ПОЯС кого – ‘превзойти кого-либо в какой-либо деятельности’.

Употребляется в формах чаще всего сов. вида, 3-го лица ед. числа, буд. и пр. времени, изъяв. наклонения. Выполняет роль простого сказуемого. Подлежащим является существительное, обозначающее лицо, или местоимение (А вот Параха всех **за пояс заткнула**; сжала или связала снопов больше раза в два. Ф. Гладков; Вряд ли стоит удивляться и тому, что подчас в изобретательской деятельности одиночки **затыкают за пояс** целые институты. В. Федотов; Ей-ей, будет добрый полковник, да ещё такой, что и батька **за пояс заткнет!** Н. Гоголь; Любой заводчик с вольным рабочим **за пояс заткнет** наших дворян с крепостной фабрикой. А. Виноградов).

Бесспорно и очевидно то, что теоретические и практические проблемы фразеологии тесно связаны между собой, больше того, взаимно обуславливают разрешение друг друга. Однако теоретические проблемы более «свободны» и менее жестко связаны с фразеологической материей языка. Практические проблемы не только жестко связаны с фразеологическим материалом, но и зависят от степени выявленности его из речи говорящих и говоривших, что, как известно, зависит от того, в какую сторону чаще всего направляют исследователи свои усилия, пристрастия – в сторону теоретических изысканий, опираясь на уже имеющийся материал, или в сторону «рутинной» работы сбора материала, в сторону добычи «драгоценной руды».

Ни в коей мере никого не желая обидеть, выскажу свое мнение: все существующие в настоящее время фразеологические справочники и глубокие материалы для большого русского фразеологического свода или справочника такого типа, как наши словари древнерусского языка или академические словари современного русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабкин, А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии / А.М. Бабкин. – М.-Л.: Наука, 1964. – 76 с.
2. Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. – Л.: Наука, 1970. – 262 с.
3. Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2000. – 623 с.
4. Жуков, В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка / В.П. Жуков. – М.: Просвещение, 1980. – 428 с.

5. Рогожникова, Р.П. Словарь эквивалентов слова. Наречные, служебные, модальные слова / Р.П. Рогожникова. – М.: Русский язык, 1991. – 255 с.
6. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.-Л.: Наука, АН СССР, 1950–1965.
7. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: СЭ, 1967. – 543 с.
8. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в.: в 2 т. / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1991.
9. Чепасова, А.М. Актуальные проблемы и задачи фразеографии / А.М. Чепасова // Актуальные проблемы русистики. – Екатеринбург, 1997. – С. 108–110.
10. Чепасова, А.М. Свойства, функции пословиц, их место в филологии / А.М. Чепасова // Место и значение фольклоризма в национальных культурах: история и современность. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1998. – С. 188–190.
11. Чепасова, А.М. Фразеологизмы в нашей речи. Учебный толковый словарь / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во Факел, 2000. – 292 с.
12. Шанский, Н.М. Школьный фразеологический словарь русского языка. Значение и происхождение словосочетаний / Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов. – М.: Русский язык, 1997. – 366 с.
13. Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С.Г. Шулежкова. – Челябинск, 1995. – 223 с.
14. Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С.Г. Шулежкова. – М.: Азбуковник, 2002. – 287 с.
15. Шулежкова, С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства / С.Г. Шулежкова. – М.: Азбуковник. Русские словари, 2003. – 428 с.

Фразеология в аспекте науки, культуры и образования: Материалы международной конференции (Челябинск, 10-12 декабря 1997). – Челябинск, 1998. – С. 99-103

СООТНОШЕНИЕ НАУЧНОГО И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО АСПЕКТОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

За недолгий период своего существования русская фразеология прошла огромный путь – ее знания от донаучных дошли до объективно научных. В научном движении фразеологии можно выделить несколько этапов.

Говоря о первом этапе накопления фактов, мы вспоминаем таких замечательных собирателей, как М.И. Михельсон, И.И. Срезневский, В.И. Даль. Это XIX век.

Второй этап, как нам кажется, правомерно датировать второй половиной XX века, начавшейся после работ В.В. Виноградова. В 50–60-е годы сплошным потоком идут работы, главным образом, диссертации, одной тематики: «Фразеологизмы у М.А. Шолохова», «Фразеологизмы у Ф. Гладкова» и т.п. Второй период развития фразеологии характеризуется не только собиранием фактов, но и их описанием. Типичным трудом этого периода является книга А.П. Мордвилко «Очерки русской фразеологии», 1964 г., которую Л.И. Ройзензон опрометчиво назвал «плохой книгой». Однако мы не вправе считать второй период только описательным потому, что в 1946–1947 гг. вышли исследования по фразеологии В.В. Виноградова, а в 1956 г. – Б.А. Ларина, в которых содержались глобальные классификации фразеологических единиц и формулировались разнообразные задачи собственно научного их исследования.

В конце этого периода, в 1969 г., вышла последняя прижизненная работа академика Виноградова «О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка», в ней намечены пути исследования фразеологизмов.

Уже в 60-х годах в жарких дискуссиях на многочисленных конференциях фразеологи обсуждали вопросы о главной единице фразеологии, о дефиниции фразеологизма, о его семантических и грамматических свойствах и соотношениях со словом, о путях развития фразеоло-

гизма и фразеологии, об ее источниках, о методах исследования и целый ряд других.

Позднее, в 70-х гг., появляются крупные работы Г.А. Селиванова, В.Л. Архангельского, А.М. Бабкина и др. В третий период, 70–80-е гг., фразеология по методам исследования, выработанным понятиям, по возможности обобщать факты, выявлять различные закономерности и на этой основе предвидеть новые явления, новые источники сравнялась с такими древнейшими разделами языкознания, как грамматика, лексикология, фонология.

В четвертый период, 80–90-е гг., русская фразеология решает новый, еще более сложный круг проблем, хотя фразеологи не оставляют своим вниманием ранее сформулированных задач. Теперь в науке изучаются глубинные связи в отношении фразеологизмов и слов, выявляются фраземообразующие факторы, началось создание лексико-фразеологической грамматики, исследуются функциональные свойства фразеологизмов в речи. Таким образом, можно заключить, что в научном аспекте русская фразеология достигла высокого уровня развития.

Что же касается образовательного аспекта, то тут успехов несравненно меньше потому, что ученые не руководствуются философским определением жизненного смысла всякой науки: знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы действовать (Философская энциклопедия, т. 3. с. 563), не торопятся проверить свои теоретические положения в практическом преподавании. В таких условиях многие достижения фразеологии остаются, говоря фразеологически, тайной за семью печатями, не повышают уровня духовной культуры русского народа, отражающейся и выражающейся в национальном языке.

Фразеологизм как основная единица науки не изучается по программе ни в младших, ни в средних, ни в старших классах средней школы, ни в высшей школе системно, в одном ряду со всеми разделами русского языка.

Однако шила в мешке не утаишь. Знания о фразеологизмах доходят, хотя и отрывочные, в виде отдельных книг – Школьный фразеологический словарь В.П. Жукова, «Образы русской речи» В.М. Мокиенко – и одного-двух уроков в школьном курсе русского языка.

Члены Челябинской фразеологической школы стремятся преодолеть разрыв между научным и образовательным аспектами фразеологии. Доцент Г.И. Лебедева (Михайлова) и профессор Н.А. Павлова создали и создают разнообразные пособия по фразеологии для учащихся

младших классов. Профессор А.М. Чепасова написала две книги для юношества, одна из которых опубликована, несколько практических пособий для студентов, читает спецкурс, ведет спецсеминар, курс современного русского языка читает по авторской программе, разработанной на лексико-фразеологическом материале. Профессор В.А. Лебединская написала ряд учебных пособий для студентов, Г.А. Шиганова и И.Г. Казачук читают лекции и проводят практические занятия по разработанной А.М. Чепасовой программе. Профессор Л.Д. Игнатьева пишет книги по культуре речи, в которых имеются разделы по фразеологии. Но все названные виды работ по фразеологии ведутся в образовательных учреждениях нескольких регионов России – в Челябинске, Магнитогорске, Кургане, Омске, Астрахани, Тобольске, Шадринске, частично в Москве.

В школьном же учебнике до сих пор рисуют ситуацию, обозначенную фразеологизмом **сесть в калошу**, и считают, что этого вполне достаточно для знания русской фразеологии.

В качестве аргумента, свидетельствующего об имеющейся дистанции между научными достижениями и образовательным аспектом, назовем следующий: ни один школьный курс, будь то математика, физика, химия, биология и др., так не оторван от последних научных достижений соответствующей отрасли знаний, как оторвана фразеология от преподаваемого курса русского языка.

Русской фразеологии предстоит в XXI веке решать актуальные проблемы, одни из которых надо продолжить, а другие начинать решать.

1. Продолжать исследовательскую семантико-грамматическую и стилистическую природу фразеологизмов выработанными в XX веке методами.

2. Создавать новую фразеологическую теорию, в которой использовались бы последние, подтвержденные анализом сведения о семантике, грамматике, функциях единиц разного типа в языке и речи.

3. Создавать теорию единого лексико-фразеологического строя русского языка и единой лексико-фразеологической грамматики.

4. Работать над созданием фразеологических сводов или справочников нового поколения, в которых использовались бы как положительный опыт прошлого, так и накопившиеся, но не нашедшие отражения сведения о фразеологизмах современного русского языка. Начать создавать остро необходимые исторические фразеологические своды, кото-

рые явились бы прочной базой для исторической, диалектной, современной книжной и общенародной фразеологии.

5. Начать разрабатывать историю фразеологии, пока еще сохраняются в книгах и свидетельствах современников память об ушедших Г.А. Селиванове, В.А. Архангельском, М.Ф. Полевской, Л.И. Ройзензоне, А.М. Бабкине, В.П. Жукове и др., пока относительно просто можно проследить историю становления русской фразеологии.

6. Создать учебник для средней школы и учебное пособие для вузов, которые основывались бы на единой теории лексико-фразеологического номинативного строя и такой же теории лексико-фразеологической грамматики.

7. Создать для детей, молодежи и взрослых разные хорошие, истинно научные, веселые, мудрые книги с тем, чтобы русский народ – создатель и носитель фразеологизмов – мог знать, использовать для обозначения нужд всякой деятельности и легче преумножать фразеологические богатства.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ: ПУТИ И СПОСОБЫ ВОСПИТАНИЯ ЛЮБВИ К РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Великий русский язык, который тысячелетиями создавался как гибкое, пышное, неисчерпаемо богатое орудие социальной жизни, в последнее десятилетие оказался под сильным многосторонним воздействием разрушительных процессов.

Для современной языковой ситуации характерно развитие следующих процессов, которые отрицательно сказываются на состоянии русского языка:

— сокращаются сферы функционирования русского языка на территории бывшего СССР, в результате чего многие миллионы людей, говорящих на русском языке, не могут в полной мере использовать его в сферах управления, образования, культуры, литературы, информатики;

— сокращается издание книг на русском языке, значительно уменьшились их тиражи, рынок книг ущерблен и примитивен – резко сократился выпуск серьезных научных и художественных публикаций, в том числе книг по русскому языку, из-за перепрофилирования многих издательств на выпуск конъюнктурной литературы;

— отстает нормализаторская работа: создание и распространение норм русского языка не вполне отвечает потребностям современного общества;

— возникли серьезные трудности в преподавании русского языка и литературы в школах и вузах: существующая учебно-методическая литература не отвечает современным требованиям;

— отсутствует налаженная система пропаганды русского языка в средствах массовой информации, в средней и высшей школе, в профессиональных сферах.

Происходящие в России преобразования приводят к снижению речевой культуры в средствах массовой информации, в публичных выступлениях, в языке художественной литературы и журналистики, в бытовом общении. В русскую речь все больше внедряются вульгарные, а иногда и просто непристойные выражения, она засоряется жаргонными

словами и выражениями, неоправданными заимствованиями из иностранных языков.

Реальная грамотность населения и культура речи общества в решающей степени зависят от того, как поставлено обучение русскому языку и литературе в образовательных учреждениях всех типов и видов. Между тем состояние преподавания русского языка в целом не может быть признано удовлетворительным. Выпускники школ и даже вузов не обладают необходимыми знаниями и навыками в орфографии, пунктуации, стилистике, устной речи, деловом общении и письме; общий уровень их грамотности и речевой культуры низок, они стали меньше читать. Русский язык вытесняется из перечня вступительных экзаменов в высшие учебные заведения.

Современные средства массовой информации перестали быть для читателей, слушателей и зрителей образцом письменной и устной речи, что ведет к резкому снижению языковой и общей культуры населения, особенно молодежи. Перестали существовать образовательные программы передач на телевидении и радио по проблемам русского языка.

Развивать и укреплять чувство любви к русскому языку вернее всего на основе глубоких знаний о нем.

Для достижения поставленной цели наряду с имеющимися путями и способами преподавания русского языка и воспитания любви к нему в современных условиях нужно назвать следующее:

- освобождение от устаревших положений в понимании языка и методов его преподавания;

- создание новых программ, учебников и учебных пособий по русскому языку для школы и вуза, включающих проверенные фундаментальные знания и последние достижения в области русистики;

- разработка и пропаганда методов изучения русского языка в его связи с разными видами искусств, прежде всего с художественной литературой, устным народным творчеством, основой которых является русский язык. (Ядром русской национальной художественной культуры стала великая русская литература. «Через литературу человек с детских лет овладевает нормами русского языка. Классические произведения литературы формируют нравственные ценности, эстетический вкус, внутреннюю культуру, в том числе культуру речи» (Федеральная программа «Русский язык»). Изучение языка должно быть связано с изобразительным искусством, театром, музыкой);

– усиление роли проблемного обучения языку, разработка методов, формирующих понимание диалектичности языка, его развития, совершенствования;

– увеличение роли эвристических методов и приемов преподавания, развивающих мышление учащихся и соответственно – их речь; приведение в равновесие репродуктивных и развивающих методов преподавания;

– использование в патриотическом воспитании содержательной специфики структурных частей языка: фонетики, в которой обилие гласных в слове, их чередование с согласными, создают музыкальность русского языка – свойство, которое особенно ярко проявляется в песенном творчестве и поэтической речи; графики, в которой исключительная легкость начертания букв, ограниченное количество последних, почти полное соответствие буквы звуку делают ее легко усвояемой; лексики, фантастическое богатство, семантическая глубина и организованность которой позволяют с максимальной широтой, высотой и точностью выразить творческие способности, трудолюбие, палитру взглядов, храбрость, героичность, уступчивость, доброту и другие душевные качества русских людей, обширность и красоту малой и большой родины, богатства ее недр и вод, огромность воздушного океана (колоссальный словарный запас русского языка – первейшее условие развития всех сфер духовной жизни русского человека и русского народа и сильнейший магнит для больших и малых народов Земли); образующиеся в настоящем, направляющиеся в будущее, емкие по значению, оценочные единицы описывают умственные, душевные, социальные качества русских людей; словообразования, являющегося главнейшим путем увеличения русского словарного запаса за счет использования внутренних возможностей; грамматики, в которой строгость, четкость, структурная красота форм и конструкций позволяют строить практически бесконечное количество предложений разных типов и видов.

Как видно, язык содержанием своих частей, каждая из которых изучается в средней и высшей школе, дает, по сути, безграничные возможности для воспитания ученика-патриота и учителя-патриота.

УГЛУБЛЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «ГЛАГОЛ» В ВУЗЕ

В младших классах ученики узнают, что глагол обозначает действие и отвечает на вопросы: **что делает предмет?, что с ним происходит?**; в средних классах к этому знанию добавляются несистематизированные сведения о грамматических категориях и формах. На этом изучение глагола в средней школе заканчивается. В результате сложнейшее содержание понятия *глагол* остается неизвестным молодым людям со средним образованием, а огромные возможности развить их логическое, диалектическое мышление при изучении этой части речи упущенными.

Углубление содержания понятия *глагол* в вузе начинаю с указания на обозначение этого класса слов в других славянских языках. Затем объясняю характер составляющих это понятие. а) Глагол обозначает **признак** предмета (снег **скрипит** под ногами; снег **падает**, снег **летит**). В этом глагол похож на прилагательное (морозный воздух, чистый воздух) и на наречие, которое обозначает признак действия (думают сосредоточенно, думают долго). б) Свойство, обозначенное глаголом, **протяженно во времени** и этим качественно отличается от свойства, обозначенного прилагательным. в) Глагол обязательно **связан с именем**, которое обозначает источник действия. г) Так как глагол обозначает протяженное во времени свойство, а прилагательное – статичное свойство, то он может употребляться при существительном, определяемом прилагательным (звонкая песня летит). д) Каждый глагол может иметь при себе определение в форме наречия. е) Наречие может определять как прилагательное, так и глагол (**властно гордая** и **властно говорит**). ж) Глагол, как и прилагательное, не может сочетаться с количественными числительными. з) Значение свойства, протяженного во времени, представленного как процесс, выражается особыми, присущими только глаголу грамматическими категориями. и) Глагол имеет специфическую систему формальных показателей, названная особенностью не абсолютна – некоторые показатели могут быть омонимичными.

Формирование филологических понятий у учащихся школ и студентов вузов: тезисы докладов республиканской научно-практической конференции «Методология и методика формирования научных понятий у учащихся школ и студентов вузов». – Челябинск: Изд-во Челяб. Гос. пед. унта, 2000. – С. 73–76.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ» В КУРСЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ

Заголовок тезисов на первый взгляд может показаться надуманным, потому что термин *изъявительное наклонение* известен студентам со школьной скамьи. Однако в грамматической теории издавна и до сего времени изъявительному наклонению как форме трехчастной категории отказывается в наличии у него своих средств выражения и своего значения. Поэтому в настоящее время актуально показать, какие стороны на самом деле формируют это понятие, в каких связях и отношениях находится оно с другими формами и категориями.

При формировании понятия *изъявительное наклонение* прежде всего определяется его место в совокупности трех форм наклонения и выявляется его назначение по сравнению с назначением повелительного – выражать волю в побуждении, условного – выражать желание, предположение; назначение изъявительного наклонения – выражать отношение говорящего, слушающего к действию, оценивать последнее. Во-вторых, выявляется разное отношение форм наклонения к категории времени: повелительное и условное наклонение не связано со временем; изъявительное наклонение связано с грамматическим временем через момент речи как точку отсчета. В-третьих, выявляется разница в типах значения категории времени и наклонения. Категория времени, как количественная категория, указывает лишь на точку в объективном неделимом времени, по отношению к которой совершается, совершалось или будет совершаться любое по значению действие. Время не связано с индивидуальным значением процессуальной единицы, оно в высшей степени абстрактно. Значение категориальной формы изъявительного наклонения лежит в совершенно другой плоскости, оно прямо связано с индивидуальным значением процессуальной единицы, это значение озвучено,

начиная с внутренней речи мелодикой, сообщаемой говорящим каждому слову, в том числе, естественно, и процессуальной единице. Именно в мелодике слова как части интонации заложено отношение говорящего к высказываемой мысли. Таким образом, используя данные психологии и психолингвистики, определяем, что изъявительное наклонение и время, будучи связанными, принципиально различаются по типу значения. Время не поглощает и не может поглотить изъявительное наклонение. Изъявительное наклонение озвучено говорящим, в мелодику слова «вписывается», как говорят психологи, отношение говорящего; в мелодике слова содержится отношение, оценка думающего, говорящего, беседующего, слушающего. В-четвертых. Понятие об изъявительном наклонении не может считаться сформированным без выяснения характера его общего значения и общего значения категории времени. В современной грамматической теории даже не ставится вопрос об общем значении формы изъявительного наклонения, хотя полно разработан этот вопрос относительно повелительного и условного наклонения. В нашем докладе утверждается, что общим значением грамматического времени является количественное значение последовательности смены действия относительно момента речи. Это значение имеет все личные формы процессуальных единиц независимо от качества своего индивидуального значения. Поэтому общее значение времени «беззвучно». **Общим значением форм изъявительного наклонения является значение образа (модальное), квалифицируемого говорящим.** Этот образ непосредственно связан с лексическим или фразеологическим значением процессуальной единицы и с мелодикой ее семантического ядра. В противоположность общему значению наклонения общее значение времени не образно (не модально). Итак, категория времени и форма изъявительного наклонения расходятся по общему значению. И наконец завершается формирование понятия *изъявительного наклонения* выяснением вопроса о частных значениях этой формы. Вопрос этот особенно сложен, потому что в современной грамматике господствует, больше того, является единственным мнение о наличии у категории времени широкого круга «переносных» значений (см. работы А.В. Бондарко Н.С. Поспелова и мн. др.), таких как обязательность, качественная характеристика, внезапность, уверенность, заверение и др., мнение о многочисленных модальных «оттенках» форм времени. При такой трактовке значений времени изъявительное наклонение лишается не только общего, но и частных значений, все последние оказываются поглощенными значениями категории времени. В действительно-

сти эти две категории существуют в языке как «разведенные» и по частным значениям. Учитывая такие характеристики времени, выявленные философами, как одномерность, асимметричность, необратимость и постоянную направленность от прошлого к будущему, можно утверждать, что время не способно иметь переносных значений, оно может иметь только такие частные значения, которые определенным образом связаны с моментом речи. Изъявительное наклонение, будучи непосредственно связанным с индивидуальным значением процессуальной единицы, озвученным говорящим, думающим, беседующим, слушающим, имеет широчайший круг частных значений, основанный на богатстве и разнообразии лексико-фразеологического состава процессуальных единиц, имеющихся в современном русском языке. В число частных значений должны быть включены и те значения, которые «отобраны» у изъявительного наклонения учеными и переданы в виде модальных «оттенков» формам времени.

Заканчивается формирование понятия *изъявительного наклонения* мыслью о том, что общее и частные значения форм изъявительного наклонения обязательно антропоцентричны, так как выражают понимание говорящим всех и всяких происходящих действий и оценивают их с человеческой точки зрения. Здесь уместен и более широкий вывод, изъявительное наклонение является центральной формой, самой богатой по значениям и самой продуктивной в совокупности трех форм категории наклонения.

ПОНЯТИЕ О ДИНАМИЧЕСКИХ И ДИАЛЕКТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ЯЗЫКЕ

В отечественном и вообще славянском языкознании отсутствуют квалификации процессов развития языка в целом и отдельных его составляющих, что служило и служит своеобразным тормозом в раскрытии природы изучаемых процессов и уменьшает предсказательную силу грамматической, и шире, лингвистической теории. Речь пойдет о широко используемых в естественных, общественных науках и в философии терминах *динамический*, *динамичный*, *динамичность* и *диалектический*, *диалектичный*, *диалектичность*.

Под динамичность как свойство динамичного, по нашему мнению, можно подводить такое движение, при котором языковые единицы, явления, категории не изменяют своих качественных характеристик, остаются тождественными самим себе.

Под диалектичность как свойство диалектического, соответственно, можно подводить такое движение, при котором языковые единицы, явления, категории изменяются качественно, перестают быть самими собой, превращаются в единицы, явления, категории, обладающие другими свойствами, но сохраняющие в себе в «снятом виде» прежние свойства.

К динамическим процессам следует относить все типы лексического и многие типы фразеологического варьирования, лексико-семантическую сочетаемость, изменения грамматической формы слов и фразеологизмов, объединение в синонимические ряды, антонимические пары и некоторые другие.

К диалектическим процессам относятся все типы лексической, фразеологической, словообразовательной, графической омонимии, все типы, внутреннего фразообразования, транспозиция и др.

Динамические и диалектические процессы находятся между собой в сложных отношениях, взаимодействие двух типов процессов проявляется в постоянном увеличении числа количественных изменений и скачкообразном переходе их в качественные изменения.

Главным, объективным условием обнаружения характера движения языковых единиц и квалификации процессов развития является их функционирование в речи.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА СТИХОТВОРЕНИЯ «ЗИМНИЙ ВЕЧЕР» А.С. ПУШКИНА

Едва ли можно найти взрослого или молодого человека, который не знал бы стихотворения «Зимний вечер», начинающегося словами «Буря мглою небо кроет...». В детстве каждый из нас, читая это стихотворение, легко и быстро запоминал его. Оно было настолько понятным, родным, что хотелось не говорить, а петь (кстати, едва ли многие знали и знают, что музыку на эти стихи написал лицейский товарищ Пушкина Михаил Яковлев). Конечно, в детстве и юности мы не задумываемся над тем, какие средства использовал поэт, создавая произведение, из которого нельзя выбросить ни одной строчки, в котором нельзя заменить, без ущерба для целого, ни одного слова.

Первое, что отличает текст стихотворения, это точность словоупотребления. Она проявляется во всем произведении и в частности в передаче звуков зимней бури. Пушкин использует при этом глаголы звучания:

То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалай
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Глаголы *завоет*, *заплачет*, *зашумит*, *застучит* передают музыку бури. Причем разделительный союз *то ... то* подчеркивает чередование разных звуков, что способствует большей выразительности создаваемой картины. Все русские или знающие русский язык и живущие в тех широтах, где долго властвует зима, знают именно такую музыку бури. Мотив бури в зимний вечер подчеркивается повторением строк «То, как зверь, она завоет, / То заплачет, как дитя...» в конце стихотворения. (В литературоведении этот прием называется кольцом). Из всех обозначений звуков бури, воспринимаемых человеческим ухом, *вой* самое точное, и Пушкин подчеркивает это, используя производное существительное *завывание* («Или бури завываньем ты, мой друг, утомлена»).

Вторая характерная черта текста, органично связанная с первой, его *музыкальность*, которая создается несколькими средствами и прежде всего специальным звукорядом – повторением однородных звукосочетаний. Например, сочетаний согласного с гласным во фразе «Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя» (ря - ро - ри - ру). Эти две строки повторяются в конце стихотворения. Звуковой картине бури в природе противопоставлено однообразное жужжание веретена в «ветхой лачужке».

Музыкальность стихотворения создается также специальным подбором немногосложных лексем, состоящих в большинстве своем из открытых слогов с гласными *а, и, е*:

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
или
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

А если вспомнить о русском орфоэпическом законе произносить *а* (Λ) на месте *о* в первом предударном слоге и в начале слова, то слогов с *а* будет еще больше – слломъй, лкошкъ, улкна, зьплздалый и др. Музыкальность усиливается ритмическим строем произведения – строгой соразмерностью ударений в строке, полной рифмой. В качестве подтверждения этой мысли можно взять любое из четырех восьмистиший.

Легкости запоминания и простоте понимания способствуют разнообразнейшие повторы: повторяются четверостишия, о чем мы говорили выше, повторяются части сложных конструкций:

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.
Повторяются начальные слова в строках
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя: где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Повторяются разделительные союзы *то – то* (см. пример выше), *или – или*:

Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?
Повторяются усилительные частицы:
Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Повторяется выражение *с горя*.

Все средства интонационной, синтаксической организации, весь лексико-семантический состав и фонический строй стихотворения вместе создают музыкально целостное произведение.

Следующая особенность текста – точность в обозначении предметов, воспринимаемых зрением. Это *ветхая* – ‘старая, близкая к разрушению; обветшала’, *лачужка* – уменьшительно-ласкательное к *лачуга*. Разг. *лачуга* – ‘небольшая, бедная жилая постройка; убогое жилище’; *соломенная кровля*, темная – ‘лишенная света, освещения; плохо освещенная’. Веретено – ‘ручное прядильное орудие в виде длинной тонкой палочки с заостренными концами и утолщением посередине’. Кружка – ‘сосуд для питья в виде стакана с ручкой (иногда и с крышкой)’. Можно видеть *вихрь*, *мглу*, *снежные* (вихри), *окно* и *окошко*, *путника* и т.д.

Лингвистический анализ будет неполным, если не определить исторических условий, времени и места написания произведения, причин психического и эмоционального состояния автора. Зимняя буря, как мощное проявление сил природы, если человек не застигнут ею в открытом пространстве, а защищен каким бы то ни было жильем, вызывает чувство смирения перед грозными силами и чувство некоторой угнетенности, грусти. Пушкин очень остро и в различных образах воспринимает бурю как явление природы, но непонятно, почему он дважды употребил выражение «*с горя*» и чем объяснить употребление сочетания «бедной юности моей»? Сокровенный смысл названных сочетаний раскрывается, если принять во внимание время создания стихотворения – 1825 год (это время декабрьских событий), и если учесть взаимоотношения Пушкина с декабристами. Ключ к пониманию душевного состояния поэта, которому шел 26-й год, находим в другом стихотворении, написанном в том же 1825 году: «К***. Я помню чудное мгновенье»: «В глуши, во мраке заточенья / Тянулись тихо дни мои...». Этой глушью было село Михайловское, родовое имение Пушкиных. А в 1835 году, за полтора года до смерти, через 10

лет после написания стихотворения «Зимний вечер» в другом произведении уже зрелый Пушкин скажет:

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор...

Следовательно, 26-летний юный автор в 1825 году был изгнанником, был сослан в глушь, был вырван из шумной, активной жизни столиц и потому переживал глубокое душевное страдание, горе, вызванное расправой над ним. В этом контексте становится понятным, почему Пушкин говорит своей доброй подруге «выпьем с горя»; в этом же контексте понятно, почему поэт называет свою юность *бедной* – ‘вызывающей сострадание, сочувствие, достойной сожаления; несчастной’.

Учитывая всё сказанное, можно заключить, что буря усиливала в Пушкине глубокое душевное страдание, чувство горя, а не вызвала дремоту, как у няни. Можно думать, что Пушкин хочет подбодрить себя и свою «добрую подругу», когда говорит: «Выпьем с горя; где же кружка? Сердцу будет веселей».

Как видно из проделанного анализа, юный Пушкин гениально использовал разнообразные языковые средства для создания картины одного явления природы, созвучного его психическому и эмоциональному состоянию.

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК МИНИМАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ИНТЕРТЕКСТА

Лексемы *интертекст*, *интертекстуальный*, *интертекстуальность* и др. являются новыми, за ними не закреплена строго научных понятий, этих лексем нет пока ни в одном словаре, но, судя по их словообразовательному составу, они содержат дополнительный компонент значения, выражаемый префиксом *интер-* в словах с основой *-текст-*. Поэтому считаю логичным при выяснении природы этих лексем исходить из понятий *текст*, *текстовые категории*. Предлагаю названные выше лексемы считать частью раздела «структура текста». При этом для лингвистики предлагаю различать понятия «структура лингвистического текста» и «структура литературного текста». Фразеологизм как специфическая языковая единица выполняет свои функции прежде всего в рамках лингвистического текста.

Понятие *текст* имеет разные толкования во многих словарях, начиная с общеупотребительных толковых и кончая специальными терминологическими.

В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой [1, с. 470] текст определяется как: 1. Произведение речи. 2. Произведение речи, зафиксированное на письме.

Лингвистический энциклопедический словарь приводит сначала широкое определение: «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность». Затем дается понимание текста в языкознании: «последовательность вербальных (словесных) знаков». Указывается, что «текстуальность» должна быть связана с внешней связанностью, внутренней осмысленностью, с возможностью своевременного восприятия [6, с. 507]. Из определений, приводимых другими словарями, неспециальными и специальными, можно сделать главный вывод – *текст* – это *произведение речи*, почти всегда письменной, хотя возможна и устная форма. Речевой характер текста, как мы понимаем, предопределяет очень важные его свойства – субъективность, выраженный культурный, образовательный уровень автора, жанр произведения.

Отечественные исследователи, разрабатывающие проблемы текста, называют разные совокупности текстовых категорий.

И.Р. Гальперин различает информативность, членимость, интеграцию, ретроспекцию и проспекцию, модальность, завершенность [4].

А.И. Новиков предлагает к рассмотрению развернутость, последовательность, связность, законченность текста [7].

А.А. Леонтьев характеризует цельность текста [5].

А.И. Сергеева считает, что к ведущим относятся категории цельность, интегративность, завершенность, которые имеют смысловой, содержательный характер [8, с. 62].

Из этого даже очень краткого перечня мнений авторов монографий и словарных статей видно, как далека лингвистика от окончательного установления количества текстовых категорий. И вместе с тем во многих из приведенных мнений выделяются в качестве главных следующие категории: содержательность, связность, последовательность, цельность, членимость, завершенность, модальность.

Текст в лингвистике изучается, как правило, на речевых единицах, более крупных, чем отдельное предложение, их называют «текстами произведения» [9, с. 71]. Однако и отдельное самостоятельное предложение по своему содержанию, лексико- или фразеолого-грамматическому составу может быть средством реализации многих текстовых категорий.

Фразеологизм как номинативная единица соотносится по значению с лексемой или свободным словосочетанием; будучи раздельнооформленным, он является одним из типов синтаксических конструкций – сочетанием слов, словосочетанием или его аналогом, предложением или его аналогом, причем каждый из названных типов моделей имеет разный количественный объем – от двух до шести компонентов. Роль фразеологизма в тексте определяется характером компонентного состава, его (фразеологизма) грамматической формой, типом категориального или характером индивидуального значения, стилистической характеристикой всей единицы.

В настоящей работе рассматривается вопрос о структуре, значении и роли фразеологизмов как структурных элементов, создающих внешнюю противоречивость, или, выражаясь модно, интертекстуальность, в газетнопублицистическом тексте, в котором он (фразеологизм) употреблен.

Особенность газетно-публицистического стиля, как известно, заключается в том, что его произведения создаются для массового читателя, имеющего разный уровень образования, но наиболее свободно владеющего общенародной фразеологией, что дает возможность автору газетно-

го произведения часто и свободно использовать национальную фразеологию как интертекст.

Фразеологизм как сверхсловное образование выполняет в целом тексте или его части функции, совпадающие то с функциями лексем, то с функциями более крупных структурных единиц, что зависит от ряда свойств фразеологизма и текста.

Лет 25 тому назад, анализируя функционирование предметных фразеологизмов, мы обратили внимание на то, что фразеологические единицы, омонимичные свободным словосочетаниям или терминологическим, или нетранслитерированным, будучи употребленными в тексте, противоречат по своему компонентному составу лексико-грамматическому составу предложения или целого текста. И не только противоречат, но «взрывают» лексико-грамматический состав текста или предложения, останавливают на себе внимание читающего, слушающего и, более того, уводят его в совершенно иную жизненную ситуацию, такую, которая требует совершенно иного текста, иного лексико-грамматического окружения, а в данном тексте является нелогичным, чужеродным, то есть нарушающим требования сразу нескольких текстовых категорий – цельности текста, его осмысленности, связности.

Как показывают наши наблюдения, в газетно-публицистическом тексте используются разные по происхождению фразеологизмы: 1) исконно русские чаще всего разговорного характера, 2) бывшие терминологические, 3) единицы из классических языков, 4) нетранслитерированные и непереведенные. Самыми употребительными являются единицы первой группы, за ними с большим отрывом следуют бывшие терминологические, затем единицы из классических языков и замыкают ряд нетранслитерированные и непереведенные.

1. Российская делегация в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) только что вернулась с очередной сессии ПАСЕ в Страсбурге. Вернулась **несолоно хлебавши**, рассыпая в телеинтервью проклятия в адрес западных коллег (В. Тетёкин. Советская Россия, 2003. 8 апр.). Американцы планируют нанести удар по Ираку в том числе и с территории Турции. Поэтому теоретически можно предположить, что в случае начала агрессии Ирак вдруг кинется на Турцию. Практически же такое трудно себе представить. Но у американских стратегов воображение богатое. Особенно если нужно **не мытьём так катаньем** втянуть в авантюру своих упирающихся союзников (В. Тетёкин. Советская Россия, 2003. 13 февр.). Это выгодно тем, кто решил окончательно **вбить клин** вражды, ненави-

сти, мести **между** «белыми» и «чёрными», христианами и мусульманами (Советская Россия, 2002. 31 окт.) «Советская Россия» достаточно подробно писала о том, как Вашингтон **выкручивал руки** Кремлю, чтобы привлечь его на свою сторону в готовящейся войне против Ирака (В. Сафрончук. Советская Россия, 2002. 30–31 декаб.). С принятием в ПАСЕ стран Восточной Европы и Прибалтики градус антироссийских настроений в Совете Европы заметно повысился. Новые члены Европы из **кожи вон лезут**, чтобы показать свою лояльность Западу (В. Тетёкин. Советская Россия, 2003. 8 апр.). Кого-то высидит нам в свою очередь этот генерал-губернатор? Но в двух последних случаях **повивальной бабкой** выступал Березовский. С помощью его денег, по его же собственным признаниям в прессе, победил Ельцин на вторых выборах, он же финансировал Лебеда (Советская Россия, 1998. 19 мая). ...Чеченская рана кровоточит, поразив общество. Она стала **разменной монетой** в политике разных сил (Советская Россия, 2002. 31 окт.). Нужны срочно, сегодня же, чрезвычайные меры по спасению народа, страны ...ибо Вы, президент, и ваше правительство останетесь без народа, без страны всего лишь **мелкой сошкой** при дворе какого-нибудь шредера. Из письма-листочка Р.И. Андреевой (Советская Россия, 2001. 21 апр.). Может ли Россия выбраться **из долговой ямы**? (Заголовок). Всю последнюю неделю продолжалась оживленная дискуссия по поводу того, может ли Россия в ближайшие годы выбраться из той глубокой **долговой ямы**, в которую её затащили Горбачёв и Ельцин (В. Сафрончук. Советская Россия, 2001. 20 февр.). Кремль, казалось бы, сделал всё, чтобы **развязать** Соединённым Штатам **руки** для установления мирового господства. Но Вашингтону этого мало (Л.Г. Ивашов. Советская Россия, 2002. 2 нояб.). То, что пришло время «проучить» В. Путина за его нерешительность в поддержке антисаддамовской резолюции, говорится в «Нью-Йорк пост» за 24 октября с.г. Здесь откровенно **торчат уши** американских спецслужб и нефтяных компаний. Дается адрес общего врага – исламский мир, пытающийся защитить свои духовные ценности, свои недра. (Там же). Неужели нашему руководству непонятно, что, получив контроль над запасами нефти в Ираке, США могут **держат на коротком поводке** нашу страну, чья нефть будет просто невостребована на мировых рынках (Е.И. Уриновский. Советская Россия, 2003. 27 марта).

2. **Под дымовой завесой.** Заголовок. ...Ханс Шумахер признал, что Биляна Плавшич терпит поражение, но высказал надежду на подсчёт бюллетеней, пришедших по почте, что создаёт неплохую **дымовую завесу** для возможных махинаций (Е. Попов. Советская Россия, 1998. 22 сент.).

...партия всё ещё не научилась «раскручивать» своих политиков. Только по этой причине у «публики» складывается впечатление, что в КПРФ Г.А. Зюганов единственный лидер, что вокруг него – кадровая **торричеллиева пустота** (В. Трушков. Правда России, 1998. 21–28 окт.). Вот тут-то и появляется та **лакмусовая бумажка**, что помогает различить истинное лицо буржуазии. Выбирая между самой широкой социалистической демократией и самой жёсткой фашистской диктатурой, буржуазия всегда выберет диктатуру. Д. Новиков. Советская Россия. Торжественность момента во многом определяли и содержание доклада, в котором М. Лапшин старательно обходил все **острые углы**, и характер выступлений, большая часть которых была прелюдией к вручению подарков и приветственных адресов (М. Панченко. Советская Россия, 2003. 4 марта).

3. ...раньше, она плохая, ругайте её, эту систему, но была система, партия, она нам не давала по-чёрному развернуться – вот ходи от стенки до стенки. А как только перелезил кто, сразу **дамоклов меч** опускался, не всегда, но довольно часто. И люди держали нравственность под узду (Н. Кондратенко. Советская Россия, 1998. 2 июля). Пресса для нашего президента – это одна из **«священных коров»**. Безобразная, надо сказать, корова – тупая, зашоренная, прикормленная из чужих рук (А. Бобров. Советская Россия, 1999. 27 марта).

А ведь совсем недавно Москва, Париж и Берлин говорили об уважении суверенитета и территориальной целостности Ирака, о недопустимости смены правительства в Ираке силой и легитимизации этой смены решением Совета Безопасности. Чем же объяснить это **сальто-мортале** в политике трёх правительств? (В. Сафрончук. Советская Россия, 2003. 8 апр.). Законы общности ослабли. Рабочий класс разогнали, крестьянство тоже – вот почему и сделалось возможным протаскивание грабительских законов, в том числе закона о продаже земли, окончательно закрепляющих **статус-кво** богатых и **статус-кво** бедных, дающих одним полную власть и полную свободу действий, а другим – безвылазное бесправие и ещё большее закабаление (В. Распутин. Советская Россия, 2003. 15 апр.).

В приведённых выше газетных текстах первой и второй групп выделенные сочетания называют отношения человека к животным (**держат на коротком поводке**), свойства живых существ (**лезть вон из кожи**), отношения между людьми (**выкручивать руки**), физические действия-отношения (**развязать руки**), обычай русского гостеприимства (**несолоно хлебавши**), способ физического действия (**не мытьём так катаньем**), сельскохозяйственное орудие (**мелкая сошка**) и т.п. или понятия разных

наук – математики (**острый угол**), военно-морской (**дымовая завеса**), физики (**торричеллиева пустота**), химии (**лакмусовая бумажка**), тогда как сами тексты по лексико-грамматическому составу, по содержанию полностью относятся к публицистическому стилю, в них обсуждаются актуальные социально-политические, экономические проблемы.

Противоречивость сочетаний первых двух групп нейтрализуется, если учитывать значение каждой из выделенных единиц. При этом обнаруживается, что значение единиц находится в полном глубоком соответствии с лексико-грамматическим составом и содержанием текста, в который эта единица вставлена. Так, в первом тексте единица **несолоно хлебавши** имеет значение 'не получив желаемого, обманувшись в своих ожиданиях или расчётах; ничего не добившись'. Во втором предложении единица **не мытьём так катаньем** употреблена в значении 'любым способом'. И т.п.

В текстах второй группы единица **дымовая завеса** имеет значение 'что-либо, скрывающее истинную сущность кого-, чего-либо'. Единица **лакмусовая бумажка** имеет значение 'что-либо, обнаруживающее истинные качества кого-, чего-либо'. И т.п.

Степень нейтрализации интертекстуальности фразеологизмов первой группы текстов зависит от того, насколько глубоки и обширны знания читающего в исконной общенародной фразеологии. Степень нейтрализации интертекстуальности фразеологизмов второй группы зависит от уровня образованности читающего.

Степень нейтрализации интертекстуальности единиц третьей группы зависит от уровня общего культурного развития читающего; она (степень) может быть высокой и низкой.

Что касается степени нейтрализации интертекстуальности единиц четвёртой группы, то она (степень), как и у единиц третьей группы, зависит от высоты культурного уровня читающего, от уровня знаний других языков, прежде всего классических. Можно с большой долей уверенности предположить, что единицы этой группы часто остаются интертекстуальными до тех пор, пока читающий не обратится к специальным словарям А.М. Бабкина [2] и В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой [3] и другим.

Результатом нейтрализации интертекстуальности является восстановление нескольких текстовых категорий, прежде всего цельности текста, его осмысленности, внутренней содержательной связности, последовательности, более открыто выраженной модальности.

В процессе анализа газетных текстов, содержащих исследуемые фразеологизмы, обнаруживается, что язык располагает как средством полной или частичной нейтрализации интертекста, так и средствами усиления интертекстуальности. Первым средством нейтрализации можно назвать кавычки, постановка которых сигнализирует читающему, что сочетание употреблено не в своём прямом значении. Например, о визите А. Волошина в США. «**Правая рука**» за океаном. Заголовок (Советская Россия. 2003, 27 февр.); будет проведен «**круглый стол**» (Челяб. рабочий. 1989, 11 окт.). Вторым средством нейтрализации можно назвать заглавную букву первого компонента единицы – **Круглый стол**. Третьим средством является сравнительный союз **как** (и его варианты), который частично снимает интертекстуальность и создаёт на её месте образность: используют Россию как **дойную корову** (Советская Россия. 2003, 1 февр.). Нейтрализуют интертекстуальность согласованные определения и предикативно связанные слова, которые семантически связаны не с внешней формой сочетания, а с его значением: *состоялся третий международный студенческий Круглый стол* (Комсомольская правда. 1980, 13 сент.), «Круглый стол» *был в полном разгаре...* круглый стол *обсуждает* эту тему (Комсомольская правда. 1988, 30 окт.).

Средством, увеличивающим или поддерживающим интертекстуальность, является такая сочетаемость, которая расширяет ее (интертекстуальность). Например. Саудовская Аравия давно *сидит у него (Буша) костью в горле* (Советская Россия. 2002, 30 нояб.) (*сидеть костью в горле*. Их (шахтеров) решительные действия, гражданское *неповиновение – кость в горле режима*, которую *тот не может ни проглотить, ни выплюнуть* (Советская Россия. 1998, 11 авг.) (*кость в горле, которую... не может ни проглотить ни выплюнуть*). *...кидают последний спасательный круг утопающим...* (Е.А. Кудашев. Советская Россия. 1999, 8 апр.).

Но гораздо чаще в одном и том же тексте используются и средства увеличения и средства нейтрализации интертекстуальности: Так же равнодушно смотрят люди за тем, как правительство *погружает страну в долговую яму* (Советская Россия. 1998, 9 янв.). Форма *погружает* увеличивает интертекстуальность, а форма *страну* – уменьшает. То же в конструкции *...вот он резервный спасательный круг капитала* (Д. Новиков. Советская Россия. 2002, 25 июля) форма *резервный* увеличивает интертекстуальность, а форма родительного падежа *капитала* – уменьшает.

Выводы

1. Вводимые термины *интертекст*, *интертекстуальный*, *интертекстуальность* являются по сути терминами раздела «структура текста».
2. По формам выражения, объему единиц различаются лингвистическая и литературная интертекстуальность.
3. Фразеологизм как минимальная языковая единица проявляет себя как элемент лингвистической интертекстуальности, начинающий ряд этих средств: фразеологизм, крылатые слова, пословицы.
4. К традиционно выделяемым текстовым категориям в настоящее время необходимо добавлять следующие: субъективность, психолингвистический фактор, стиль языка и жанр произведения.
5. Исконные по происхождению или омонимичные терминологическим сочетаниям фразеологизмы создают внешнюю противоречивость лексико-грамматическому составу предложения, если учитывать только форму фразеологизма, и нарушают требования категорий цельности, осмысленности, связности.
6. Вспоминая или учитывая значение вставленной единицы, читающий нейтрализует интертекстуальность.
7. В основе интертекстуальности исконных и бывших терминологических фразеологизмов лежит омонимичность этих единиц.
8. Так как произведения газетного стиля рассчитаны на массового читателя, то самыми употребительными единицами оказываются исконные, общенародные.
9. С нейтрализацией интертекстуальности восстанавливаются категории цельности, осмысленности, содержательной связности, последовательности, более открыто выраженной модальности.
10. Несмотря на минимальный объём и способность выражать только понятие, а не целую мысль, интертекстуальные фразеологические единицы, как и отдельные лексемы, могут быть текстообразующими.
11. Русский язык располагает средствами усиления и нейтрализации интертекстуальности, которые могут одновременно использоваться в одном предложении.
12. Факты показывают, что в качестве средств нейтрализации чаще всего употребляются слова с переносным значением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Совет, энцикл., 1966. – 605 с.

2. Бабкин, А.М. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: в 2 т. / А.М. Бабкин, В.В. Шендецов. – М.- Л.: Наука, 1966.
3. Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М.: Русские словари; Астрель, АСТ, 2000. – 623 с.
4. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
5. Леонтьев, А.А. Признаки связности и цельности текста / А.А. Леонтьев // Лингвистика текста. – Вып. 103. – М., 1976. – С. 60–69.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Совет, энцикл., 1990. – 684 с.
7. Новиков, А.И. Семантика текста и её формализация / А.И. Новиков. – М., 1983. – 215 с.
8. Сергеева, В.И. Предложение в системе языка и в тексте / В.И. Сергеева. – Калинин, 1988. – 80 с.
9. Юртаев, С.В. Анализ содержания текста в письменной речи учащихся / С.В. Юртаев. – М.: МГПУ, 2002. – 118 с.

ПОСЛОВИЦЫ – ЗАВЕТНАЯ ЛИРА РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

1. В публицистической и другой литературе распространено и устойчиво бытует мнение, что русская душа загадочна, таинственна, «потемки», что русского человека и Россию «умом не понять», что «в Россию можно только верить» и тому подобное. А в действительности русский человек, и шире, русский народ давно, очень давно себя выразил полностью, во всей глубине и широте в устных произведениях малой формы, которые продолжают существовать потому, что звучат в живой речи, и будут жить до тех пор, пока живет русский народ.

2. Пословицы – это откровения русского человека, русской души. В пословицах все открыто, раскрываются все загадки, все тайны. Все рассуждения о загадочности и таинственности русской души продолжают существовать только потому, что ученые всех гуманитарных наук не изучают пословиц, не вникают в их сущность. В лучшем случае пословицы используются как эпиграфы к произведениям или отдельным их частям или как включения в текст, как элемент интертекста.

Назовем несколько специфических черт пословиц.

а) Лексический состав их полностью славянский, и уже, собственно русский. Слова, используемые в пословицах, за очень малым исключением, дожили до наших дней и употребляются как современные нам. Этот факт отражен в толковых словарях древнерусского, XI–XIV, XI–XVII веков и в Словаре современного русского литературного языка 17-томном, 4-томном и др.

б) Весь мир русской жизни отражен в пословицах, что легко видеть при чтении этих перлов русской души и мысли. Особенность пословиц в том, что в них характеризуются базовые понятия, не ограниченные узким временным отрезком, вневременные понятия: **огонь, вода, земля, хлеб, добро, зло, честь, любовь, ненависть, зависть, дети, мать, отец, гость, сосед, родина, друг, друзья, враги, лето, зима, весна, религия, поп, пост, приход, война, радость, слезы** и т.д. и т.п. Вокруг каждого из этих понятий развернуто огромное количество мыслей и чувств, воплощенных в живущих пословицах. Широта и обобщенность мысли достигается широ-

ким, свободным использованием местоимений всех разрядов **ты, он, сам (-а, -о, -и), тот, кто, таков, такой** и др.

в) Достоин восхищения синтаксис пословиц. Каждая из них так отточена, в ней ни убавить ни прибавить ничего нельзя без того, чтобы не разрушить ее. Глубокий смысл заключается в том, что основная масса пословиц представляет собой повествовательные предложения, а это, как известно, информативные конструкции – в повествовательной форме в спокойном тоне излагается информация, которая сообщает об устоявшейся традиции, которая проверена прошлым опытом и сообщается как назидание будущим поколениям, слушателю в первую очередь. Примечателен объем синтаксических построений – пословица, имеет ли она структуру простого или сложного предложения, минимальна по объему, она умещается в один-два речевых такта, то есть произносится на одном дыхании. Синтаксическая структура «прозрачная»: это одно простое, или одно главное, одно придаточное; в предложении нет осложнений. О том, что пословицы – дитя устной речи, свидетельствует господство бессоюзных конструкций среди них, а бессоюзные конструкции дают простор интонированию, интонация же каждого человека индивидуальна, она находит кратчайшие пути к пониманию слушателем глубочайшего смысла пословицы.

г) В пословицах открывается сильный, ясный, трезвый ум русского человека, который проявляется в строгой логичности выстраиваемой мысли: **Дунет дух и потекут воды; Кто в деле, тот и в ответе; Елей огня не гасит; Добрая совесть не боится клеветы; Дважды лето не бывает;** в обусловленности следствий, в причинной связи явлений.

д) В пословице выражается величайшая строгость в соблюдении прошлого опыта, традиции, высочайшая требовательность и непримиримость к нарушителям традиций. В этом отношении закон о сохранении традиций суров: **Тем люди не играют, от чего умирают; С чужого коня среди грязи долой; Измену любят, а изменника ненавидят; Коня правят уздою, а человека умом; Нет у вас ладу, как у кошки с собакою; Осла познаешь по ушам, а дурака по словам.**

е) В пословице выражается резко отрицательное отношение ко всем и ко всему, кто и что нарушает высокие нравственные, трудовые, эстетические традиции. В этом проявляется нравственная высота, чистота русского человека, высокие требования к духовным и физическим качествам народа.

Мне могут возразить, что у русских есть пословицы о глупцах, о ленивых, о нечестных, просто о ворах. Да, ответчу оппонентам, есть среди русских ленивые, нерадивые, нечестные и др. Но во всех пословицах они получают отрицательную оценку. Ни в одной пословице нет прославления пьянства, распутства, лени, воровства. Из этого следует, что русский человек держит высокую планку нравственной, духовной чистоты, преодолевая пороки. В русских пословицах редко можно найти возвеличивание хороших качеств, поступков, потому что суров русский человек. Кто-то совершил высокий чистый поступок, ну и хорошо, это соответствует той высокой планке, которую установил, «дал» Бог. А все, что не соответствует высокой планке, данной Богом, то русский человек отрицает, оценивает негативно.

Выводы

1. Пословицы русского народа представляют собой богатый источник для изучения глубинных свойств русского человека.
2. Достоверность пословиц при их анонимности подтверждается их распространенностью в разных регионах и повторяемостью в списках разных лиц – И.В. Пауса, В.Н. Татищева, А.И. Богданова, Н.А. Добролюбова, В.И. Даля и др.
3. Так как выражаемая в пословицах картина мира ограничена территорией России и условиями российской жизни, то в пословицах отражается специфический национальный характер, менталитет русского народа.
4. Лексическое разнообразие пословиц свидетельствует о широте и разнообразии наивной и объективной картины мира, отражаемой в пословицах.
5. Анонимный характер пословиц, их бытование в устной речи обеспечивают им высокую степень индивидуальной откровенности и своеобразную модальность, «впечатанную» в интонацию лексического состава.

Место и значение фольклора и фольклоризма в национальных культурах: история и современность: Тезисы докл. науч. конф., посвященной 70-летию д. филол. н., проф. А.И. Лазарева / отв. ред. В.А. Михнюкевич. – Челябинск, 1998. – С. 188–190.

СВОЙСТВА, ФУНКЦИИ ПОСЛОВИЦ, ИХ МЕСТО В ФИЛОЛОГИИ

Актуальность вынесенной в заголовок темы определяется, на мой взгляд, не в последнюю очередь тем, что она касается двух разных отраслей филологии, отношения между единицами которых нельзя считать принципиально выясненными, и поэтому до сих пор нельзя «закрыть вопроса» о включении паремиологии во фразеологию.

В последние несколько десятилетий во фразеологии получили распространение, с легкой руки С.И. Ожегова, два словосочетания – «фразеология в широком смысле» и «фразеология в узком смысле». В «широкую» фразеологию включаются, кроме собственно фразеологизмов, пословицы, цитаты, крылатые выражения, в «узкую» фразеологию соответственно только собственно фразеологизмы. Некорректность этих словосочетаний особенно отчетливо видна при экстраполяции их на другие науки «физика, химия, биология, литературоведение и др. в широком смысле» и «физика, химия, биология, литературоведение и др. в узком смысле». Сочетание «фразеология в широком смысле» как бы освобождает исследователя от глубокого анализа сущностных свойств и функций пословиц, от необходимости строгого сопоставления этих свойств и функций с такими же свойствами и функциями «фразеологизмов в узком смысле». Последовательно проводимое сопоставление свойств двух типов единиц позволяет выявить целый ряд закономерностей.

По синтаксической организации собственно фразеологизмы характеризуются трудно обозримым многообразием синтаксических моделей, начиная с сочетаний служебных слов (**не только... но и: вроде бы, чуть ли не, отнюдь не**) или сочетаний служебных слов с знаменательными (**не сахар, не чета, не по плечу, под мухой, с азов, не из робкого десятка, не на шутку, не покладая рук, от случая к случаю**), продолжая всеми типами словосочетаний (**девятый вал, цепная реакция, простой смертный, дымовая завеса, мыльный пузырь, фиговый листок; обивать пороги, уши развесить, стоять на коленях, диву даваться, водить дружбу**

с кем, не годиться в подметки кому, стоять горой за кого, что, кривить душой) и кончая моделями простых и элементами сложных предложений (руки не доходят до чего, лед тронулся, глаза на мокром месте, если хотите, как у Христа за пазухой, куда ни шло).

Пословицы строятся по сравнительно легко обозримому количеству моделей простых и сложных предложений (Без горести нет сладости. Голодному хлеб на уме. Злого любить – себя губить. Звал на честь – я посадил на печь. По одежке протягивай ножки. Каков наш, таков и ваш. Как вижу, так и брежу). Пословицы, по каким бы синтаксическим моделям они ни строились, представляют собой конструкции, имеющие интонационную законченность, модальную характеристику неизбежности, обязательности, уверенности, закономерной повторяемости, невозможности и др., в большинстве случаев ритмическую организованность, знак конца – точку, если имеют структуру простого предложения и, кроме того, знаки на границе (-ах) структурных частей, если построены по моделям сложных предложений. Типичным знаком конца у пословиц является точка, почти в 100% случаев, хотя возможны вопросительный и восклицательный знаки (На что бабе меч, кого ей сечь? Что за человек?! Рубаха). Некоторые из названных признаков пословиц могут получать и собственно фразеологизмы при определенных условиях. Первое. Если номинативный фразеологизм употребляется в функции самостоятельного заголовка. От греха подальше (Советская Россия, 1997, 18 дек.). Употребляясь в названной функции, фразеологизм получает интонационную законченность и знак конца. Употребляясь в составе заголовка Из пропасти вверх – шаг за шагом. (Советская Россия, 1997, 16 окт.), Сквозь мыльные пузыри процветания (Советская Россия, 1997, 21 окт.), Коварные овалы круглого стола (Советская Россия, 1997, 23 окт.), фразеологизм только участвует в создании интонационного рисунка предложения – заголовка, как и любой другой лексический элемент этого предложения. Второе условие употребления собственно фразеологизма в качестве предложения: модальный фразеологизм, в зависимости от характера своего индивидуального значения, употребляется как единица общения, а не обозначения. Вот так клюква! Шутка сказать! Как (бы) не так! Еще чего?! Черт возьми! Как видно, модальный фразеологизм является средством выражения эмоций, которыми говорящий окрашивает предыдущее или последующее высказывание или отвечает на реплику собеседника. Употребляясь как структурная часть осложненного

предложения, фразеологизм названного класса создает модальную характеристику всего предложения: **слов нет, спору нет, в конце концов**.

Собственно фразеологизмы и пословицы принципиально различаются содержательными свойствами: первые являются номинативным средством, выражают понятия о предметах, признаках, действиях, неопределенном количестве, качестве, являются средством оформления падежа имени или средством связи частей предложения. Как средства номинации, они выстраиваются в один ряд с лексемами и **образуют единый номинативный строй языка**. Как и отдельные слова, почти все собственно фразеологизмы вступают в синонимические отношения между собой или с лексемами, способны быть многозначными, хотя и редко, но вступают в антонимические отношения между собой и лексемами. Пословицы, в отличие от фразеологизмов, являются формой выражения суждения с большой концентрацией информации о ком, -чем-либо. Поэтому они не вступают в названные выше семантические отношения, характерные для собственно фразеологизмов, не могут быть многозначными и находятся за пределами номинативного строя языка, **образуя особый жанр произведений устного народного творчества** наряду с загадками, песнями, частушками, заговорами и др.

Назовем еще одно различие фразеологизмов и пословиц. Первые обладают способностью быть всем своим составом производящими основами и создавать целые гнезда производных слов, обогащая язык качественно и количественно. Например, **очковтирательство, очковтиратель** от **втирать очки, добровольный, доброволец, добровольно** от **добрая воля; злободневный, злободневность, злободневно** от **злоба дня; вертихвостка, вертихвост** от **вертеть хвостом; посильный, посильно** от **по силам; головокружительный, головокружительно** от **кружить голову**. И мн. др. Причем, фразеологизм, став производящей основой, не уходит из языка, а сосуществует наряду с производными от него словами и последние часто превосходят исходный фразеологизм по частоте употребления. Для пословиц характерны импликация и варьирование компонентного состава. Например, **Всяк секи дерево по себе – Руби дерево по себе; Всякое дело мастера боится, а иного дела и мастер бегаёт. Дело мастера боится**.

Фразеологизмы и пословицы различаются функциями в языке и речи. Фразеологизмы являются строительным материалом для сложных по форме словосочетаний и всяких предложений, как вообще слова и их формы, говорящий употребляет их в своей речи в качестве отдельных

членов предложения. Пословицы как структурно и содержательно самостоятельные малые по объему произведения служат формой выражения суждения; в них отражаются результаты наблюдений над национальными чертами русских людей, их личными или социальными отношениями, заключение об отношении к религии, квалификация нравственных, эстетических, трудовых качеств, отношений, привязанностей, способностей и т.д. В лаконичных моделях пословиц отражен не только опыт прошлых поколений, но и сформулирован наказ, предупреждение, предостережение будущим поколениям; отчетливо выражена направленность от прошлого к будущему. Все пословицы в конечном счете антропоцентричны.

Мнение о большой или исключительной роли пословиц в образовании фразеологизмов сильно преувеличено, хотя отрицать эту роль нельзя. Пословицы при импликации превращаются во фразеологизмы, так как их сокращенные варианты начинают обозначать понятия. Ср. **Пьяному море по колено, а лужа по уши** преобразуется в **кому-либо море по колено** – просто, легко что-либо сделать; **хлопот полон рот, а закусить нечего** (пример Б.А. Ларина) преобразована в **хлопот полон рот** – очень занят, **хоть трава не расти, лишь бы сено было** преобразована в **хоть трава не расти** – безразлично. Как показали многочисленные и многолетние исследования фразеологизмов разных моделей, фразообразовательные возможности морфологических категорий имен и глаголов и такие же возможности разных типов словосочетаний, фразообразовательные возможности некоторых групп лексем знаменательных и служебных частей речи, например, соматизмов, **не, как** и др., реализовались и реализуются в основной массе фразеологизмов русского языка. Исходя из сказанного, считаем более корректным квалифицировать пословицы как один из источников образования фразеологизмов.

Пословицы обладают и другими свойствами и функциями, то отличающими их от собственно фразеологизмов, то сближающими с последними, о которых не позволяет говорить здесь площадь, но и сказанного, на наш взгляд, достаточно, чтобы оставить пословицы единицами, составляющими особую отрасль филологии, не вливающуюся во фразеологию.

Модально-интонационная характеристика пословиц

Пословицы – эти перлы народной мудрости, совершеннейшие по структуре, наполненные совершенным содержанием, ждут нашего внимания, от нас не отводят глаз. Ждут внимания лингвистов. Мы должники пословиц. Я в этой краткой статье хочу рассказать о модальности и интонационном рисунке пословиц, которые приведены в сборнике АН СССР «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков, записанных в Нижегородской губернии Н.А. Добролюбовым.

Великий критик записал около 1 500 пословиц, представляющих собой законченные предложения и фразеологизмы, называвшиеся поговорками, представляющие собой сочетания или словосочетания (без зазрения совести, вынь да положь, спит и видит).

Модальностью называется синтаксическая категория предложения, которой выражается образность, оценка говорящим высказываемой мысли.

Интонацией называется звуковая психо-физиологическая характеристика предложения, связанная с порядком слов, смыслом предложения, с эмоциями и модальностью предложения/высказывания. Интонация, так как она возникает в голове говорящего, а потом оформляется во внешней речи, субъективна и национальна.

Так как интонация присуща целому высказыванию, а пословица и есть целое высказывание, то первой характеристикой пословицы должна быть интонационная. Интонация принадлежит всей пословице, а слова и формы, составляющие пословицу, имеют мелодику (звуковой рисунок, заключенный в корне слова и других морфемах), таким образом, интонация складывается из мелодики слов и форм. Мелодика присутствует во внутренней речи, когда мысль еще только складывается; внутренняя речь уже озвучена для думающего, для рассуждающего с самим собой. Отсюда следует, что пословица, как законченное предложение, и во внутренней и во внешней речи имеет интонацию. Принято различать повествовательную, побудительную и вопросительную интонацию. Первый тип интонации возникает в голове думающего и не требует собеседника, второй и третий типы интонации требуют собеседника, которому надо выразить свою волю, или у которого надо получить информацию.

Пословицы, как показали наши наблюдения, на 99% повествовательные по интонации. Они, надо думать, возникли в голове русского человека, скорее всего немолодого, мудрого, опытного, возникли как раз-

мышления с самим собой. И так как мысли о том или другом событии, явлении, обычае, чувстве, отношениях возникали, повторялись много раз, они постепенно оттачивались в совершенную форму, в формулу повествовательного предложения. Пословица всегда произносится тоном средней высоты, со средней, чаще замедленной, интенсивностью и с понижением голоса к концу пословицы. И хотя пословицы почти полностью повествовательные, очень короткие по количественному объему, их нельзя читать быстро и с одним интонационным рисунком. Этому есть несколько причин. Самая первая причина – огромная концентрация мысли в каждой из них. Во-вторых, мысли в пословицах касаются разных тем, что не исключает их своеобразной синонимичности. (Конец – всему делу венец. Конец дело красит), Но интонационного однообразия в пословицах не возникает еще и потому, что почти каждая из них (особенно при алфавитном расположении) имеет свою, особую модальность, которая прямо влияет на интонационный рисунок. Например, разная модальность (образность, оценочность) у следующих пословиц: **Ласковое слово не трудно, а споро** – положительная оценка человеческих отношений; **Лежачего не бьют** – нравственное правило в борьбе, драке; **Лжецу и в правде не верят** – нравственное отношение ко лжи; **Лишняя денежка карману не в тягость** – выражение чувства удовлетворения; **Лучшая мерлушка попу на опушку** – примета неравных социальных отношений.

Интонация – категория национальная, по тембру (голосовой окраске) почти безгранична. Модальность тоже категория национальная, по образности, оценочности связана с уровнем развития производительных сил, уровнем развития мышления, культуры; модальность связана с отношением к религии и т.д. Трудно сказать, какие стороны жизни не отражаются в пословицах, а так как в пословице оценивается положительно или отрицательно самая суть поступка, отношения (-ий), обычаев, то они (пословицы) сохранили прежнюю модальность до наших дней и многие останутся в будущем.

Так, модальность иронического отношения слышится в пословицах: **В людях Илья, а дома свинья; Залетела ворона в высокие хоромы; Кому поживется, у того и петух несется; После рати много храбрых; Соловья баснями не кормят.**

В целом ряде пословиц отражены размышления о соотношении ума, как творческого мышления, и разума, как практического сознания: **Ум разуму не указ; Ум разуму подспорье; Ум за разум зашел; Ум разу-**

мом красен, крепок; Ум без разума беда; Ум доводит до безумья, а разум до раздумья.

Житейская мудрость и спокойная ровная уверенность вложена в поговорки: **Хлеб за брюхом не ходит; Худой мир лучше доброй ссоры; Недосол на столе, пересол на спине; На грех мастера нет; Красна дорога седоками; Запас мешку не порча.**

Резко отрицательное отношение к кому-либо: **Собаке собачья смерть.** Презрительное отношение ко лжи: **Займует - ходит, а платить - кругом обходит; Как тонет - топор сулит, а вытащишь - топорща жаль.**

Площадь тезисов не позволяет описывать и дальше культурологический аспект интонации и модальности. Закончу общей мыслью. Разница в значении слов и форм обеспечивает разнообразие повествовательной интонации и разнообразие модальной характеристики.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК СИСТЕМА СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ

Фразеологический состав русского языка с семантической точки зрения организован. В основе такой организованности лежит способность фразеологизмов иметь типологически однородное со словом, группой слов, семантической категорией и целой частью речи значение.

1. Самым общим семантическим свойством фразеологизмов является способность объединять в крупнейшие разряды. Разряды, в свою очередь, состоят из классов, каждый из которых имеет одно категориальное (классное) значение.

2. Разряд «а» составляют фразеологизмы пяти типов классных значений – предметные, соотносительные с существительными, процессуальные, соотносительные с глаголами, атрибутивные, или призрачные, соотносительные с прилагательными, качественно-обстоятельственные, соотносительные с наречиями, количественные, соотносительные с числительными. Все единицы с классным значением предметности, процессуальности и часть единиц со значением признака предмета связаны с морфологическими категориями, определённая совокупность которых является выделительным признаком единиц каждого названного типа. Все единицы качественно-обстоятельственного, количественного значения и большая часть единиц призначного значения не связаны с морфологическими категориями.

3. Разряд «б» составляют фразеологизмы, соотносительные по значению и функции с предлогами, союзами, частицами.

4. Разряд «в» составляют единицы, соотносительные по функции с модальными словами.

5. Все семантико-грамматические классы фразеологизмов находятся между собой в сложных деривационных и семантических связях и отношениях.

РЕЦЕНЗИЯ
НА КНИГУ С.Г. ШУЛЕЖКОВОЙ «И ЖИЗНЬ, И СЛЕЗЫ, И ЛЮБОВЬ...»
СОБРАНИЕ КРЫЛАТЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Книга, в которой приведены и многосторонне, строго научно описаны крылатые слова и выражения, представляет собой собрание драгоценностей, украшающих русский язык, свидетельствующих о многогранности и многокрасочности жизни русского народа, о его уме, мудрости, бесконечной доброте, доброжелательности, смекалке, смелости и храбрости.

Крылатые слова и выражения, отобранные и научно описанные С.Г. Шулежковой, мы считаем золотым фондом русского языка и русской речи по многим причинам: во-первых, потому, что они по содержанию и по форме совершенны, отлиты в такой форме, которая сохраняется в основе своей неизменной в течение долгого времени, иногда нескольких веков; во-вторых, потому, что содержат информацию, понятную широкому кругу читателей, молодым и немолодым, из тех произведений, которые современный читатель, может быть, забыл или не читал; в-третьих, потому, что многие содержащиеся в книге слова и сочетания «прилетели» в русский язык на крыльях из произведений русской и мировой литературы и музыкального искусства; в-четвертых, потому, что, будучи опубликованными, они делают людей не только исконно русских, но всех говорящих на русском языке, более образованными, духовно богатыми.

Вызывает восхищение подвиг С.Г. Шулежковой, который она совершила при обнаружении того или иного выражения, которое могло быть произнесено или употреблено автором, живущим или жившим за тридевять земель от Магнитогорска, где она живет.

Не меньшее восхищение вызывает у нас факт фиксации выражения, которое использовано в периодическом издании, в газете, большой или малой, с обязательным указанием паспорта – с указанием издания, названия статьи, года, месяца, даты публикации.

Центральной частью рецензируемого труда являются фразеологические статьи. Фразеографическая культура подачи материала в статье очень высокая. Назовем некоторые проявления высокой фразеографической культуры.

А. Заголовком является синтаксическая конструкция. Это единственно верное решение для фразеологического труда и фразеографической практики. Первым компонентом назван тот, с которого начинается конструкция в речи, будь он знаменательным, что является обычным, или служебным, что еще не принято всеми (о чем мы говорили в статье «Теоретические проблемы фразеографии. См. в № 2 2009 г. журнала «Проблемы истории, филологии, культуры»).

Б. Самой богатой частью большинства фразеологических статей считаем обилие употреблений одной единицы с вариантами разных типов.

В. Толкование значения единицы в труде такого типа не может быть единообразным, оно (толкование) определяется типом синтаксической модели и целым рядом других ее свойств.

Г. Грамматическая характеристика единиц представлена незначительно: морфологические формы изменяемых единиц встречаются лишь как компоненты единицы, использованной в приводимой цитате. Синтаксическая характеристика не приводится, что представляется закономерным.

Модальность как обязательное свойство речи, отражающее субъективность человеческого мышления, отчетливо выражена в данном труде.

Рецензируемый труд чрезвычайно важен как образовательное произведение. Его статьи содержат строгие полные ответы на «сто вопросов» из истории страны, революционных событий, о нравственном поступке кого-либо, социальном или психологическом, профессиональном свойстве группы людей, о героическом, прекрасном, отвратительном поведении кого-либо и т.д. и т.п. По информативности статьи рецензируемой работы – замечательный учебник по многим важным и сложным «предметам» современной жизни для всех русских людей. Не менее, а возможно, так же важен рецензируемый труд как культурологическое произведение. Его статьи при специальном отборе и рассмотрении могут составить обширные разделы по многим проявлениям духовной культуры русских людей.

И, наконец, рецензируемый труд можно квалифицировать как собрание материалов, которые при их систематическом изучении станут источником исследований по проблемам фразеологии, лексикологии, синтаксиса современного русского языка.

Необходимо специально отметить, что рецензируемый труд – это прежде всего яркое доказательство выросшей интеллектуальной, социальной, нравственной, эмоциональной мощи русского народа, его мудро-

сти, веселости, озорства, отразившегося в устной звучащей, а в связи с высоким уровнем образованности русских людей – и в письменной речи.

Всё сказанное о книге с поэтическим названием «И жизнь, и слезы, и любовь...» подтверждает наше мнение об этом собрании языковых драгоценностей как о крупном вкладе в отечественное языкознание, выгодно отличающемся от всех имеющихся подобных трудов.

РЕЦЕНЗИЯ
НА КНИГУ В.П. БЕРКОВА, В.М. МОКИЕНКО, С.Г. ШУЛЕЖКОВОЙ
«БОЛЬШОЙ СЛОВАРЬ КРЫЛАТЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА»

(под ред. С.Г. Шулежковой: ок. 5000 ед.: в 2 т. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск: МаГУ, 2008)

Обозначенный в заголовке рецензии труд так велик, так сложен, так богат, так актуален, так нов, что его оценка, как бы она ни была высока, не может считаться чрезмерной. Выскажу свое мнение по разделам, которые, на мой взгляд, отличают это издание от известных других подобных трудов.

I. Основой этого труда является «почти трехсоттысячная картотека» (т. 1, с. 12). Переоценить ее роль невозможно. Особенность картотеки в том, что она непрерывно «пополнялась все последние годы» (т. 1, с. 12) вплоть до 2007, даже по 2007 год, а словарь вышел в 2008! году. Обновилась картотека не только за счет высказываний политических и государственных деятелей последнего времени, но, главное, за счет единиц, рожденных нашими современниками в связи с различными событиями и в России, и в мире.

Уникальность этой картотеки в том, что единица, прежде чем попасть в картотеку, должна получить полное, насколько это возможно, «приданое»: кто когда сочинил, придумал, употребил впервые эту конструкцию, в какой форме, по какому случаю, где эта конструкция была впервые опубликована, если автор этой конструкции жив и живет в России, то к нему надо съездить, слетать, чтобы побеседовать с ним, узнать год рождения его и сочинения его, а если не жив, то установить годы жизни и год, месяц, дату публикации в газете (какой) или журнале (каком) и т.п. Эта часть статьи может быть меньше, если единица пришла в русский язык из классических языков.

Второй частью «приданого» приводимой конструкции я считаю строжайше полно датированные тексты из современной литературы или современных газетных, журнальных статей. Например, в т. 1, с. 129 в статье «Бумага все терпит «стерпит». Бумага не краснеет», говорится, что

«афоризм приписывается Цицерону, а цитаты приводятся из произведений Ф.М. Достоевского, В.И. Даля, П.И. Мельникова-Печерского, А. Галича, из газет: Лит. газета 7.03.84, Известия 25.02.86, Известия 3.11.89.

Такая обильная информация об одной единице делает рецензируемый труд почти бесподобным, потому что в других работах такого типа имеются, как правило, лишь некоторые элементы аналогичных сведений.

II. Вызывает глубокое уважение, восхищение строгость в описании источника возникновения каждой крылатой единицы. См. **Дамоклов меч** (т. 1, с. 292–293), **Двуликий Янус** (т. 1, с. 296–297), **За себя и за того парня** (т. 1, с. 393–394), **Нет (нест) пророка в своем отечестве** (т. 2, с. 31), **Один за всех и все за одного** (т. 2, с. 18).

III. Не меньшее уважение, трепет вызывает список трудов, отметивших толкуемую единицу. См., напр., **Откуда ты, прекрасное дитя?** (т. 2, с. 153), **Жив курилка!** (т. 1, с. 373), **И один в поле воин** (т. 1, с. 451), **Панургово стадо** (т. 2, с. 169–170).

IV. В этом труде представлено безгранично буйство живой русской речи, звучавшей в сказках, песнях, в больших и малых литературных произведениях, в выступлениях и т.д. и т.п.; здесь найдете мудрые и глупые, добрые и злые, словом, самые разнообразные высказывания, реплики, вопросы и т.д. В этом отношении обсуждаемому труду нет аналога.

V. Центральной частью рецензируемого труда являются фразеологические статьи. Фразеографическая культура подачи материала в статье очень высокая. Выше (п. II, III) уже были названы два проявления высокой фразеографической культуры, которые можно взять на вооружение формирующейся дисциплине. Назовем следующие.

A. Заголовком является синтаксическая конструкция. Это единственно верное решение для фразеологического труда и фразеографической практики. Первым компонентом в заголовочной конструкции стоит тот, с которого начинается конструкция в речи, будь он знаменательным, что является обычным, или служебным, что еще не принято всеми (о чем мы говорим в статье «Творческие проблемы фразеографии»), опубликованной в № 2 за 2009 г. настоящего журнала). Так, с частицы (союза) **а** начинаются 47 единиц 1-го тома (с. 38–79), с союза **если** – 24 (с. 345–352), с частицы **да** – 5 (с. 282–287), с предлога **из** – 6 (с. 439–440), с союза (частицы) **и** – 60 (с. 419–466); с предлога **на** во 2-м томе начинаются 42 единицы (с. 10–37).

Б. Самой богатой частью большинства фразеологических статей является обилие употреблений одной единицы с вариантами разных типов,

напр., **Витязь (богатырь) на распутье** (т. 1, с. 172–173). Многочисленные, строго датированные употребления указывают не только на варьирование, что должно быть проанализировано во фразеологии, но и на «величину» крыльев данной единицы. Напр., у единиц **Блудный сын** (т. 1, с. 108–109), **Бьется в тесной печурке огонь** (т. 1, с. 137), **Великолепная пятерка и вратарь** (т. 1, с. 155), **Возьмемся за руки, друзья, (Чтоб не пропасть по одиночке)** (т. 1, с. 193–194), **Время разбрасывать камни, время собирать камни** (т. 1, с. 213–214) «крылья» мощные, а у единиц **Где деньги, Зин?** (т. 1, с. 253), **Где мои (твои) 17 лет** (т. 1, с. 254) – «крылья» короткие.

В. Толкование значения единицы в труде такого типа не может быть единообразным, оно (толкование) определяется типом синтаксической модели и целым рядом других ее свойств.

Г. Грамматическая характеристика единиц представлена незначительно: морфологические формы изменяемых единиц встречаются лишь как компоненты единицы, использованной в приводимой цитате, напр., в подборке сообщений о положении в Ираке: *Кому оливковую ветвь* (В.п. без предлога), *кому – вендетту* (Комс. правда, 1993, 21 февр.) (т. 2, с. 126). Синтаксическая характеристика не приводится, что представляется закономерным.

VI. Модальность как обязательное свойство речи, отражающее субъективность человеческого мышления, отчетливо выражена в данном труде. Субъективность приводимых цитат определенным образом сохранена, хотя ей придана «смягченная» форма, особенно в формуле «о том, кто, что делал, делает...». Это одна сторона. Но каждую статью писал определенный автор и не всегда смог тому или иному, особенно социальному, историческому, событию дать наиболее объективную оценку. В результате в таком огромном труде какое-то событие получило узкое, сугубо личное толкование, личную оценку, хотя в обществе, в науке сложилось другое мнение, дана другая оценка этому событию. См., напр., **А на левой груди профиль Сталина** (т. 1, с. 57), **Империя зла** (т. 1, с. 445), **Как повяжешь галстук, береги его** (т. 1, с. 483), **Архипелаг ГУЛАГ** (т. 1, с. 68–69).

Рецензируемый труд чрезвычайно важен как образовательное произведение. Его статьи содержат строгие полные ответы на «сто вопросов» из истории страны, революционных событий, о нравственном поступке кого-л., социальном или психологическом, профессиональном свойстве группы людей, о героическом, прекрасном, отвратительном поведении кого-л. и т.д. и т.п. Полные, иногда обширные тексты из произведения, в котором использована та или иная конструкция, служит убедительным фоном для понимания значения или смысла приводимого сочинения. По

информативности статьи рецензируемой работы – замечательный учебник по многим важным и сложным «предметам» современной жизни для всех русских людей.

Не менее, а возможно, так же важен рецензируемый труд как культурологическое произведение. Его статьи при специальном отборе и рассмотрении могут составить обширные разделы по многим проявлениям духовной культуры русских людей.

И, наконец, рецензируемый труд можно квалифицировать как собрание материалов, которые, при их систематическом изучении станут источником исследований по проблемам фразеологии, лексикологии, синтаксиса современного русского языка.

Необходимо специально отметить, что рецензируемый труд – это прежде всего яркое доказательство выросшей интеллектуальной, социальной, нравственной, эмоциональной мощи русского народа, его мудрости, веселости, озорства, отразившегося в устной звучащей, а в связи с высоким уровнем образованности русских людей – и в письменной речи. В этой связи замечу, что крылатые выражения, приведенные в труде, в очень большой степени являются не книжными, а живыми, разговорными, общеупотребительными.

В заключение считаю своим долгом обратить внимание на отдельные факты, которые в этом замечательном труде не должны иметь места, так как не соответствуют типу, характеру рецензируемого труда.

1. Рецензируемый труд определен как «большой», это определение перешло в двухтомник из первого издания 2000 года. Но прилагательное «большой» не имеет терминологического содержания. Ведь Словарь современного русского литературного языка в 17-и томах не назван «большим», Словарь русского языка АН СССР в 4-х томах тоже не назван «большим». То же можно сказать об очень многих словарях русского языка.

2. Рецензируемый труд назван словарем. О нашем отношении к этому термину см. нашу статью «Теоретические составляющие фразеографии» в журнале «Проблемы истории, филологии, культуры». – № 2. – 2009. – С. 640–644.

3. О термине КС (крылатые слова). «Крылатые слова, ничтожно малые по количеству, занимают в рецензируемом труде определенное место, но из-за них двухтомник назван словарем, а все крылатые сочетания (около 5 тысяч!) остаются в книге без названия.

Выскажу пожелания: необходим в каждом томе Индекс описанных в нем единиц.

РЕЦЕНЗИЯ НА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА: СВ. 500 ЕД.

(Науч.-исслед. словар. лаб. МаГУ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, чл. редкол.: М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 424 с.)

До выхода в свет второго издания (2009) двухтомного «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка» проф. С.Г. Шулежкова как руководитель Словарной лаборатории и проф. кафедры общего языкознания и истории языка приступила к подготовке фундаментального фразеологического труда по исторической фразеографии. Материалом для фразеографического описания послужила картотека, созданная из всех известных науке старославянских памятников, датируемых X–XI вв. К созданию этого труда коллектив С.Г. Шулежковой подходит очень серьёзно, трепетно. В 2006 г. магнитогорцы опубликовали «Фразеологический словарь старославянского языка. Проспект» [Проспект 2006] на 338 страниц, который в сущности представляет собой индекс сочетаний, отобранных из старославянских текстов. В 2009 г. были опубликованы «Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка» [Материалы... 2009] на 290 страниц. В них вошло около 350 единиц. «Материалы...» представляют собой статьи, посвящённые одной лексико-синтаксической единице, или, как её называет С.Г. Шулежкова, устойчивому словесному комплексу (УСК). И наконец, в 2011 г. издательством «Флинта: Наука» опубликован «Фразеологический словарь старославянского языка» на 424 страницах [ФССЯ, 2011]. В этом труде описана 1/5 часть имеющегося в распоряжении магнитогорских учёных фонда. «Лексико-синтаксические формулы» [ФССЯ, 2011, с. 142–145] описываются в соответствии с принципами, охарактеризованными во вводной части «От редактора» [ФССЯ, 2011, с. 3–30].

Три названные книги являются своеобразной увертюрой к тому целому, которое будет первым полным по количеству исследованных памятников трудом, единицы в котором будут лингвистически описаны.

Приветствуя создание такого **труда**, желая составителям терпения, **упорства** и благополучного завершения первого среди исторических лексических словарей уникального свода, выскажу несколько замечаний.

1. Готовящийся труд не должен называться *словарём*: в нём будут описываться *сочетания* разного типа, употреблённые в текстах определённого содержания тысячелетней давности, сохранившиеся до настоящего времени.

2. Готовящийся труд не может называться *фразеологическим*, потому что употреблённые в нём сочетания *не обладают*, судя по имеющимся употреблениям, *всеми признаками фразеологизма*.

3. Судя по фактам, приводимым в «Материалах...» и «Фразеологическом словаре...», сочетания являются средствами обозначения предметных, процессуальных, призначных, качественно-обстоятельствственных понятий, т.е. относятся к сфере номинативных единиц с цельным значением и раздельной формой. Это сближает древнейшие сочетания с фразеологизмами современного языка.

4. Очень ценными для современного русского языкознания считаю приводимые во «Фразеологическом словаре...» и в «Материалах...» факты повторяющихся сочетаний [Материалы... 2009, с. 11-112; ФССЯ, 2011, с. 186, 188], по которым можно судить о продуктивности отдельных сочетаний в языке того периода и возможности перехода таких сочетаний в разряд фразеологических позднейшего времени.

5. Чрезвычайно ценной считаю информацию о продуктивности двухкомпонентных сочетаний и устойчивости в языке X–XI вв. синтаксических моделей словосочетаний, которые без грамматических изменений дошли до языка нашего времени.

6. Думаю, что составители названного труда понимают чрезвычайную ценность всех и всяких синтаксических моделей, типов конструкций для изучения морфологии, синтаксиса, фразеологии, семантики единиц современного русского языка. Поэтому за пределами первого свода сочетаний, или УСК, не должно остаться никаких конструкций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лопутько, О.П. Древнерусская устойчивая формула как архаический иконический знак / О.П. Лопутько // И вновь продолжается бой: сб. науч. ст., посвящённый юбилею проф. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск: МаГУ, 2010. – С. 142–145.

2. Материалы...: Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка / под ред. С.Г. Шулежковой; Науч.-исслед. словар. лаб. – Магнитогорск: МаГУ, 2009. – 290 с.

3. Проспект: Фразеологический словарь старославянского языка. Проспект / под ред. С.Г. Шулежковой. – М.; Магнитогорск: ЭЛПИС: МаГУ, 2006. – 340 с.

4. Фразеологический словарь старославянского языка / под ред. С.Г. Шулежковой: Науч.-исслед. словар. лаб. МаГУ. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 424 с.

Научное издание

Чепасова Антонина Михайловна

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В двух томах

Том II

ФРАЗЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ

СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ISBN 978-5-906777-98-0

Работа рекомендована РИСом университета.

Протокол № 1/16 (пункт 6) от 16.06.2016

Экспертиза Н.В. Глухих

Издательство ЮУрГГПУ

454080, Челябинск, пр. Ленина, 69

Редактор Е.М. Сапегина

Технический редактор Я.В. Темников

Бумага типографская

Подписано в печать 24.08.2016

Заказ №

Формат 700x100/16

Тираж 100 экз.

Объем 11 уч.-изд. л.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии ЮУрГГПУ

454080, Челябинск, пр. Ленина, 69